

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

1(29)
2019

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В.,
Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д.,
Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай),
Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Россия), Гэй У.
(США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т.
(Великобритания), Иноземцев В. Л. (Россия), Камуселла Т. (Польша), Киш Э.
(Венгрия), Коротаяев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия),
Мазур И. И. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С. (Казахстан),
Сергеев М. Ю. (США), Теймури В. (Иран), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И.
(Россия).

Адрес редакции:

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, к. 205, Президиум РФО.
Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru
DOI: 10.30884/vglob/2019.01.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

- Акаев А. А., Коротаев А. В.** О начале фазы подъема шестой кондратьевской волны и проблемах глобального устойчивого роста3
- Гринин Л. Е.** Исламизм и глобализация 18
- Бондаренко В. М., Алешковский И. А., Ильин И. В.** Глобальные ценности в контексте понимания будущего России и мира 35

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Кожевников Н. Н., Данилова В. С.** Гармонизация глобализации на основе предельных динамических и сетевых равновесий 47
- Голиней В. А.** Полюс как элемент системы международных отношений в XXI в. 55
- Иоселиани А. Д.** Глобальная экология и экологическая безопасность: философское осмысление 68

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

- Махаматов Т. М., Махаматова С. Т.** Гармония с природой – основание свободы общества 75
- Федяева О. О.** События 11 сентября как точка бифуркации американской внешней политики 82
- Бахромзода М. З.** Проблемы урегулирования положения в Афганистане 87

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

- Митрофанова А. В.** Духовно-нравственные ценности как гражданская религия современной России 96
- Розенберг Г. С., Саксонов С. В., Сенатор С. А.** Глобальные и региональные аспекты преобразования природы в России: взгляд эколога 112

РЕЦЕНЗИИ

- Глинчикова А. Г., Веретевская А. В.** По ту сторону глобального беспорядка 134
- Contents* 143

ТЕОРИЯ

О НАЧАЛЕ ФАЗЫ ПОДЪЕМА ШЕСТОЙ КОНДРАТЬЕВСКОЙ ВОЛНЫ И ПРОБЛЕМАХ ГЛОБАЛЬНОГО УСТОЙЧИВОГО РОСТА*

Акаев А. А., Коротаев А. В.**

В статье показано: имеются все признаки того, что заработала движущая сила подъема шестого большого цикла Кондратьева – инновационные технологии шестого технологического уклада, включая магистральные инфраструктурные технологии – цифровые технологии и платформы. Вместе с тем в среднесрочной перспективе восстановление мировой экономики (подъем шестого большого цикла Кондратьева) может столкнуться с целой серией рисков. Рассматриваются пять ключевых рисков, которые могут подорвать стабильность восстановления: неравенство, недостаток потребительского спроса, нестабильность финансовой системы, протекционизм, экологические катаклизмы. Если они реализуются, то неизбежны частые кризисы, которые будут тормозить подъем мировой экономики в 2020-е гг. В заключительной части статьи анализируются перспективы развития экономики России в среднесрочном периоде. Демонстрируется, что прорывными направлениями развития экономики нашей страны являются следующие: технологический прорыв, комплексная автоматизация и развитие инфраструктуры. Особое внимание уделено третьему направлению, в частности мегапроекту «Интегральная евразийская инфраструктурная система», который мог бы стать мощным локомотивом для динамичного пространственного и экономического развития России в XXI в. Предварительные расчеты, проведенные нами в последнее время, показывают, что уже на первом этапе реализации мегапроекта в начале 2020-х гг. будет достигнуто дополнительное ускорение темпов экономического роста на 1,5 п. п. и на 2,5 п. п. – к середине 2020-х гг. Это означает, что с учетом потенциальных темпов инерционного роста экономики России в 2 % мы к 2025 г. достигнем темпов роста в 4,5 %, то есть выше среднемировых. Но самым главным результатом реализации указанного мегапроекта станет обеспечение тесной связанности всей территории Российской Федерации, сглаживание резких

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00521а-ОГН).

** Акаев Аскар Акаевич – д. т. н., профессор, г. н. с. Института математических исследований сложных систем им. Р. Пригожина при МГУ имени М. В. Ломоносова, научный руководитель лаборатории мониторинга рисков дестабилизации НИУ ВШЭ. E-mail: aakaev@hse.ru.

Коротаев Андрей Витальевич – д. и. н., профессор, заведующий лабораторией мониторинга рисков дестабилизации НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: akorotayev@gmail.com.

различий между регионами России и укрепление ее безопасности. Показано, что происходящее в настоящее время восстановление мировой торговли и экономики, обусловленное вхождением в фазу подъема шестой длинной волны глобального экономического развития Кондратьева, создает для России уникальное «окно возможностей» для успешного проведения политики реформ, способных закрепить текущий экономический подъем и повысить потенциальные темпы его роста в среднесрочном периоде.

Ключевые слова: глобальная экономическая динамика, кондратьевские волны, экономические циклы, глобальный кризис, финансовый кризис, прогноз, экономика России.

The article shows that there are all signs that the driving force of the upswing of the 6th Kondratieff wave – the innovative technologies of the 6th technological paradigm, including the main infrastructural technologies – digital technologies and platforms – has been set in motion. At the same time, in the medium term, the recovery of the global economy (the upswing of the 6th Kondratieff wave) may face a whole series of risks. We consider 5 key risks that can undermine the stability of recovery: inequality; lack of consumer demand; instability of the financial system; protectionism; ecological cataclysms. If they are realized, then frequent crises are inevitable, which will hinder the recovery of the world economy in the 2020s. In conclusion, the prospects for the development of the Russian economy in the medium-term period are analyzed. It is demonstrated that the breakthrough directions of the development of the Russian economy are the following: technological breakthrough, integrated automation and infrastructure development. Particular attention is paid to the third direction and in particular to the mega-project 'Integral Eurasian Infrastructure System', which could become a powerful locomotive for the dynamic spatial and economic development of Russia in the 21st century. Preliminary calculations carried out by us recently show that at the first stage of the megaproject implementation in the early 2020s an additional acceleration of economic growth rates of 1.5 percentage points will be achieved, whereas by the mid-2020s we will have additional acceleration of 2.5 percentage points. This means that given the potential rate of inertial growth in Russia's economy of 2 %, we will achieve growth rates of 4.5 % by 2025, i.e. higher than the world average. But the most important result of the implementation of this megaproject will be the provision of close cohesion of the entire territory of the Russian Federation, the smoothing of sharp differences between the regions of Russia and the strengthening of its security. It is shown that the ongoing recovery of world trade and economy, caused by entering the phase of the rise of the 6th long wave of Kondratiev's global economic development, creates for Russia a unique 'window of opportunity' for a successful reform policy that can consolidate the current economic recovery and increase potential rates of its growth in the medium term.

Keywords: global economic dynamics, Kondratieff waves, economic cycles, global crisis, financial crisis, forecast, Russian national economy.

1. Синхронный рост мировой экономики в 2017–2018 гг.

В 2017 г. начался синхронный рост авангардных экономик мира. По данным МВФ, все семь крупнейших экономик мира (США, Китай, Япония, Германия, Индия, Франция и Великобритания) выросли более чем на 1,5 %. Это относится

также и к России. Вся мировая экономика выросла на 3,8 % против 3,2 % в 2016 г. (см. рис. 1):

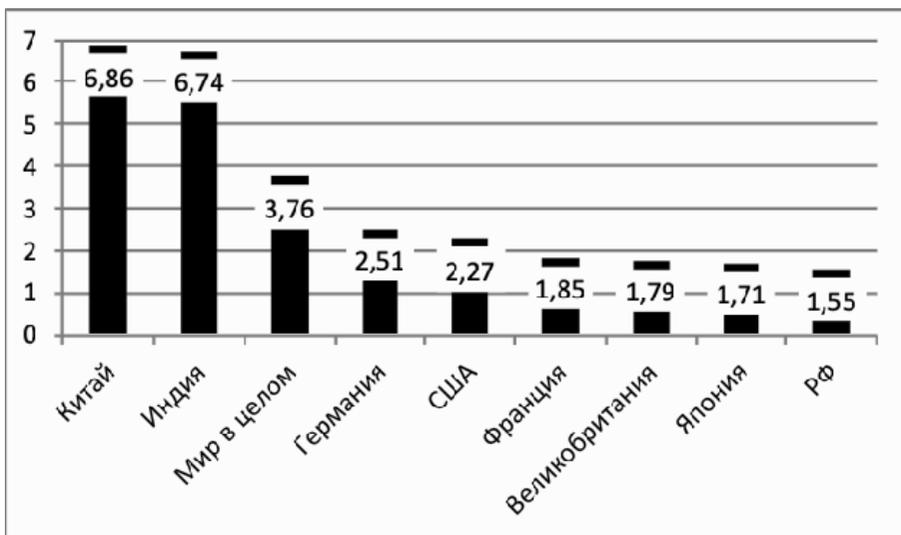

Рис. 1. Темпы роста ВВП (%) в 2017 г. в ведущих экономиках, РФ и по миру в целом

Источник: IMF 2018.

В 2018 г., по прогнозу МВФ [ПРМЭ 2018], рост ВВП должен быть зафиксирован во всех 45 странах, за которыми наблюдает ОЭСР. Такое происходило всего трижды за последние 50 лет. МВФ повысил прогноз по росту мирового ВВП в 2018 г. до 3,9 %, а также распространил его на 2019 г., отметив наиболее полномасштабное синхронное ускорение мирового роста с 2010 г. (то есть в посткризисный период).

МВФ отмечает, что в прошлом периоды такого синхронного роста длились несколько лет. Например, мировая экономика росла на 4 % в год в 1984–1989 гг. и в 2004–2007 гг. (начало подъема пятого большого цикла Кондратьева¹ мы датировали 1982 г., а 2006–2007 гг. стали верхней поворотной точкой [Акаев 2015; Садовничий и др. 2012; 2014; 2017; Гринин, Коротаев 2015б; Акаев *et al.* 2017; Grinin, Korotayev 2018]).

Возникает вопрос: будет ли нынешний синхронный рост (подъем шестого большого цикла Кондратьева) устойчивым в среднесрочном периоде? Дело в том, что в послевоенный период начиная с 1945 г. действовал ялтинский миропорядок, создававший благоприятные условия для международной торговли и инвестиций. Поэтому он обеспечил беспрецедентные по темпам роста и продолжительности экономическое развитие и процветание в период с 1948 по 1973 г. (темпы роста мировой экономики составили в среднем 5 % [Maddison 2001]), а также в период

¹ Подробнее о длинных кондратьевских волнах в экономической динамике см., например: Кондратьев 1925; 2002; Акаев 2010; 2011; 2013; Коротаев, Гринин 2012; Коротаев, Цирель 2010а; 2010б; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev, Grinin 2012; Grinin *et al.* 2016.

с 1982 по 2007 г., когда средние темпы роста мировой экономики равнялись 3,8 % в год (дойдя в 2003–2007 гг. до 5,1 % [IMF 2018]).

Однако с 1990 г. началось разрушение основ ялтинского миропорядка, а новой модели миропорядка не создано, и мир находится в состоянии хаоса. Поэтому в среднесрочной перспективе восстановление мировой экономики (подъем шестого большого цикла Кондратьева) может столкнуться с целой серией рисков. Если они реализуются, то неизбежны частые кризисы, которые будут тормозить подъем мировой экономики в 2020-е гг. Рассмотрим эти риски.

Прежде всего отметим: имеются все признаки того, что заработала движущая сила подъема шестого большого цикла Кондратьева – инновационные технологии шестого технологического уклада, включая магистральные инфраструктурные технологии – цифровые технологии и платформы². Например, по некоторым расчетам [Гасанов Т., Гасанов Г. 2017; Банке и др. 2017], удельный вес цифровой экономики в ВВП многих развитых стран неуклонно возрастал с 2010 г. (см. табл. 1) и сегодня преодолел критический барьер в 5 % – порог, за которым будут наблюдаться неуклонный рост и замещение традиционных технологий.

Таблица 1

**Внедрение цифровой экономики в ведущих странах мира,
% от ВВП, 2010–2016 гг.**

	2010 г.	2016 г.
Великобритания	8,3	12,4
Южная Корея	7,3	8
Китай	5,5	6,9
Страны Евросоюза	3,8	5,7
Индия	4,1	5,6
Япония	4,7	5,6
США	4,7	5,4
Россия	1,9	2,8

Источник: Гасанов Т., Гасанов Г. 2017: 7.

2. Основные риски на пути устойчивого экономического подъема шестого БЦК

Как мы и прогнозировали ранее [Акаев, Пантин 2012], подъем шестого большого цикла Кондратьева начался именно в 2017–2018 гг. Однако мы видим пять ключевых рисков, которые могут подорвать стабильность восстановления (подъема шестой кондратьевской волны) мировой экономики в среднесрочном периоде: неравенство, недостаток потребительского спроса, нестабильность финансовой системы, протекционизм, экологические катаклизмы.

² Источником экономического роста на предстоящей длинной волне Кондратьева (2018–2050 гг.), как уже установлено, является шестой технологический уклад, в основе которого лежат NBIC-технологии (нано-, био-, информационные и когнитивные) [Акаев 2015; Акаев, Рудской 2013; 2015; Новые... 2008]. По другой версии, речь идет о MANBRIC-технологиях (комплексе, включающем медицинские, аддитивные, нано- и биотехнологии, робототехнику, информационные и когнитивные технологии [см., например: Гринин, Коротаев 2015a; Grinin *et al.* 2017b]).

Неравенство. С большой вероятностью можно предполагать, что одной из ключевых компонент новой экономической модели развития, которая должна сформироваться на фазе подъема шестого большого цикла Кондратьева, станет преодоление избыточного неравенства в распределении доходов и крайней социальной поляризации общества, то есть поворот от либеральной экономической модели к социально ориентированной рыночной экономике. Однако эта проблема не решается ни в одном развитом государстве, исключая Германию и Скандинавские страны. Неравенство доходов во всех авангардных странах «зашкаливает» [Piketty 2014]. Коэффициент Джини, характеризующий степень экономического неравенства в обществе, в большинстве ведущих экономик превышает критический уровень (0,4), тогда как в социальных государствах Скандинавии и Германии он составляет всего 0,25–0,3. Медианный доход домохозяйств в большинстве авангардных стран имеет тенденцию к падению. Все это ведет к усилению социальной напряженности и социальным конфликтам [Коротаев и др. 2017; Ortman et al. 2017; Turchin et al. 2017; Korotayev et al. 2018], а самое главное – к падению покупательского спроса, что будет тормозить экономический рост.

Продолжается концентрация капитала и богатства, а это мешает росту инвестиций, о чем пишет Т. Пикетти [Piketty 2014]. Так, доля мирового богатства, которая приходится на богатейший 1 %, в 2017 г. впервые превысила 50 % и составила 50,1 %. А бедная половина населения Земли – 3,7 млрд человек – довольствуется менее чем 1 % мирового богатства.

Нестабильность финансовой системы. Финансовый капитал, безусловно, играет ключевую роль в современной экономике. Он первым оказывает поддержку технологической модернизации экономики, но затем вносит свой вклад в углубление противоречий, ведущих к возможному кризису. Каждая технологическая революция вела к периоду взрывного роста на финансовых рынках как предвестнику грядущего краха [Перес 2011]. Риски, относящиеся к финансовому циклу, уже проявились в некоторых экономиках, в частности США, недавно, в начале 2018 г. Хотя они и не вызвали полномасштабного кризиса, фаза сжатия может снизить спрос и замедлить рост, не в последнюю очередь за счет ослабления потребления и уменьшения инвестиций.

Капитал все больше оседает в финансовой сфере. Разрыв между реальной экономикой и финансовой сферой углубляется. Кризис теперь происходит не столько от перепроизводства товаров, сколько от перепроизводства финансовых услуг. Финансовый капитал не идет на увеличение инвестиций в реальную экономику. Таким образом, в предстоящие годы мы будем наблюдать медленный рост торговли и инвестиций.

Протекционизм. Здесь в первую очередь речь идет об усилении протекционизма со стороны развитых государств (прежде всего США), которое бросает вызов глобализации, ведет к ее замедлению. Деглобализация нанесет ущерб мировой экономике и приведет к резкому сокращению инвестиций, поскольку они тесно взаимосвязаны [Grinin, Korotayev 2014]. Все это грозит ослабить спрос и таким образом создать риски для продолжительности и устойчивости подъема.

Экологические проблемы. Мировой финансово-экономический кризис на время отодвинул на второй план экологические проблемы. Но они никуда не исчезли. Напротив, экологическая ситуация в мире только ухудшается. Если не предотвра-

тить дальнейшее усугубление экологического кризиса, то он неминуемо перерастет в необратимую, губительную для человечества экологическую катастрофу.

Серьезная попытка разрешить эти проблемы на глобальном уровне была предпринята Китаем в 2016 г. на саммите G20 в Ханчжоу. Китай как хозяин саммита разработал программу и дорожную карту для обеспечения перехода к инновационной, гармонично взаимосвязанной, инклюзивной, динамичной и устойчивой мировой экономике. В КНР считали, что важнейшими факторами устойчивого роста являются инновации, меры по уменьшению неравенства между странами (инклюзивность), конвергентное (гармонично-взаимосвязанное) развитие, борьба с протекционизмом. В указанной выше формуле вся суть складывающегося нового экономического порядка (новой экономической парадигмы). В Китае справедливо полагали, что именно G20 может стать эффективным механизмом глобального экономического регулирования, а не только площадкой для ритуальных встреч. В КНР также считали, что если наиболее экономически мощные страны «Двадцатки» смогут сделать первые шаги в реализации этой программы, то они станут примером для остального мира. Однако инициатива Китая была поддержана только лидерами стран БРИКС. Лидеры западных стран с доводами КНР согласились, но никаких практических мер не приняли. Поэтому вряд ли в ближайшие годы следует ожидать прогресса на глобальном уровне. Отрадно, что отдельные страны, например, Китай и Россия, решают эти проблемы на национальном уровне.

Итак, мировая экономика сегодня находится в «ловушке низкого роста». Мировые лидеры не смогли извлечь должные уроки из мирового кризиса и принять согласованные решения по нейтрализации рисков. Поэтому имеются основания ожидать, что начавшийся подъем шестой кондратьевской волны будет довольно медленным и неустойчивым и может прерываться достаточно частыми (хотя вместе с тем непродолжительными и неглубокими) кризисами. Один из таких кризисов можно ожидать уже в этом году.

3. Перспективы развития экономики России в среднесрочном периоде

Экономика России в 2017 г. также начала выходить из состояния рецессии и стагнации, показав весьма скромный прирост ВВП на 1,5 %. Министр экономического развития РФ М. С. Орешкин и ряд видных независимых экспертов единодушно утверждают, что при неизменном продолжении нынешней экономической политики правительства РФ потенциальные темпы роста российской экономики в среднесрочной перспективе составят примерно 2 % в год, тогда как президент РФ В. В. Путин в своем майском указе 2018 г. поставил задачу выйти на темпы роста выше среднемировых, то есть на 4–5 % в год. Но это возможно только в случае перехода к активной политике экономических реформ: масштабным инвестициям в человеческий капитал, структурным изменениям в экономике, запуску крупных высокотехнологичных и наукоемких проектов развития. Только так можно повысить потенциальные темпы экономического роста до среднемировых показателей и выше. Как верно отмечается в работе [Мау 2018: 20], мерами исключительно денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики этого уже не добиться.

Происходящее в настоящее время восстановление мировой торговли и экономики, обусловленное вхождением в фазу подъема шестой длинной волны гло-

бального экономического развития Кондратьева, создает для России уникальное «окно возможностей» для успешного проведения политики реформ, способных закрепить текущий экономический подъем и повысить потенциальные темпы его роста в среднесрочном периоде. Действительно, как показал В. А. Мау, проанализировавший глобальные тренды социально-экономического развития в условиях мирового структурного кризиса [Мау 2018], российская экономика с начала 2000-х гг. демонстрировала тесную связь с указанными трендами. В свою очередь, масштабное освоение и практическое применение базисных инновационных технологий шестого БЦК [Акаев, Рудской 2013; Grinin *et al.* 2017a] открывает идеальную возможность для проведения структурных преобразований в целях улучшения качества технологической и отраслевой структуры экономики, а также придания росту более инклюзивного характера. Базисные инновации выступают в роли локомотива экономического подъема, определяя его эффективность и рост производительности факторов. Рыночная экономика наиболее восприимчива к инновациям в периоды депрессии и оживления. Поэтому ближайшие годы, с 2018-го по 2025-й, являются самыми благоприятными для освоения и внедрения новой волны базисных инноваций NBIC- и MANBRIC-технологий, робототехники с элементами искусственного интеллекта (ИИ), а также цифровых технологий и платформ [Акаев, Рудской 2015; Гринин, Коротаев 2015a].

Переход к новому технологическому укладу требует крупномасштабных инвестиций в основной капитал, в освоение инновационных технологий и модернизации экономики на их основе. Отметим, что инвестиции без инноваций бессмысленны, а порой даже вредны, поскольку означают вложение дефицитных ресурсов в воспроизводство устаревшей продукции и технологии. По существу, России сегодня необходимо браться за новую индустриализацию, трансформацию всей промышленности на высокотехнологичной наукоемкой основе. Именно страны с высоким уровнем индустриального развития являются лидерами в создании цифровой экономики и Индустрии 4.0 (см. табл. 1). В этих условиях многократно возрастает роль государства, располагающего возможностями концентрации ресурсов для освоения новых технологий и принятия рисков соответствующих инвестиций. В этой связи академик А. Г. Аганбегян даже призывает перейти к форсированным инвестициям в основной капитал с целью технологического обновления действующего производства и строительства новых предприятий в высокотехнологичных отраслях [Аганбегян 2018: 22].

При этом такую возможность он связывает с переходом от жесткой денежно-кредитной политики к относительно мягкой. Действительно, в таких условиях восстановление экономического роста в России может оказаться более значительным уже в ближайшие годы, поскольку ускорение роста и смягчение финансовых условий кредитования усиливают друг друга и дадут немалый синергетический эффект. Но пока такие благоприятные условия, к сожалению, отсутствуют. Поэтому в 2018 г. эксперты ожидают роста инвестиций в экономику России всего лишь на 3 %, а в 2019 г. – на 2,9 %, что значительно скромнее ожиданий МЭР РФ – 4,7 % в 2018 г. и 5,6 % в 2019 г. Они также гораздо меньше показателя 2017 г. в 4,2 % – достигнутого впервые с 2013 г. положительного всплеска инвестиций. А для динамичного роста требуются темпы прироста инвестиций в 8–10 % [Там же]. Смягчение денежно-кредитной политики и умеренное расширение денежного предложения ЦБ РФ рассматриваются как ключевые факторы реали-

зации «Стратегии роста», выдвинутой Столыпинским клубом [Титов, Широу 2017]. В указанных здесь работах особое внимание уделено также источникам и механизмам финансирования экономического роста.

Хотя частные инвестиции являются непосредственной движущей силой экономического роста и создания рабочих мест, благоприятные условия для этого создаются государственными инвестициями в общественный сектор; они необходимы для поддержания экономического роста – это инвестиции в первую очередь в образование и инфраструктуру. Почему прежде всего в образование? Да потому, что для освоения и коммерциализации инновационных технологий шестого БЦК требуются специалисты с новым качеством образования и новыми цифровыми компетенциями. При этом 2/3 отдачи от повышения расходов на образование проявляются в первые пять лет, а оставшаяся часть – в следующие пять лет. Анализ примеров устойчивого динамичного роста позволяет утверждать, что для этого инвестиции в образование должны составлять как минимум 5–7 % ВВП [Спенс 2013: 100]. В России сегодня затраты на образование составляют около 4 %, тогда как в развитых странах они доходят до 7–9 % ВВП. На инвестиции в инфраструктуру тратится около 4 % мирового ВВП. Здесь лидирует Китай: с 1992 по 2010 г. – в среднем 8,5 % ВВП в год, а в последние годы – даже около 10 %. Россия же тратит около 3 % ВВП в год; в ближайшее время эту долю необходимо повысить хотя бы до 5 % ВВП. В работах А. Л. Кудрина и его соратников также убедительно показано, что проведение бюджетного маневра с перераспределением ресурсов от непроизводительных расходов к производительным (инвестиции в человеческий капитал и развитие инфраструктуры) позволит повысить темпы экономического роста в России примерно на 0,8 процентного пункта (п. п.) в год уже в ближайшее время [Кудрин, Кнобель 2017]. Конкретно ими предлагается увеличить расходы на образование с 3,5 % ВВП в 2017 г. до 4,4 % к 2024 г., а объем всех производительных расходов – на 2,0–2,4 п. п. ВВП, что позволит ускорить темпы экономического роста на 0,6 п. п. ВВП в год [Кудрин, Соколов 2017: 25]. Это предложение вполне реализуемо. Однако, как видим, его недостаточно, чтобы разогнать темпы роста российской экономики даже до среднемировых.

Устойчивый динамичный рост является следствием мощных структурных сдвигов. Обычно масштабные структурные изменения начинаются с каждым БЦК, и происходят они под воздействием базисных технологических инноваций, формирующих новый технологический уклад. Без таких глубоких структурных изменений производительность факторов и экономический рост находились бы в стагнации. Поскольку структурные сдвиги и устойчивый экономический рост идут рядом, друг за другом, главная задача любого правительства состоит во всемерной поддержке структурных преобразований, а самое главное – в адаптации к ним работников. Дело в том, что глубокие структурные преобразования в экономике неизбежно приводят к потере позиций целого ряда групп населения, занятого в депрессивных секторах экономики, что чревато социальными конфликтами.

Поэтому от государства требуются своевременные действия по разработке и внедрению социальных нововведений, облегчающих необходимую адаптацию трудящихся к последствиям структурных изменений путем поддержки доходов людей, потерявших работу или в зарплате, через организацию их переподготовки

или переквалификации, а также обеспечение им доступа к базовым социальным услугам. Одним словом, в этот период требуются весомые инвестиции в человеческий капитал, иначе не будет успеха. Надо всегда помнить, что инвестиции в людей – это и есть инвестиции в экономический рост. Академик В. В. Ивантер и его соратники по этому поводу справедливо говорят, что «структурно-инвестиционная политика должна выполнять функцию механизма обеспечения перехода от цели ускорения экономического роста к цели более высокого уровня – достижения устойчивой экономической динамики, повышения уровня жизни населения и укрепления национальной безопасности, иными словами – обеспечения качества экономического роста» [Ивантер и др. 2018: 30].

Какова же сегодня структура российской экономики? В свое время мы провели структурный анализ экономики России и показали, что ее как отраслевая, так и технологическая структура весьма далека от оптимально сбалансированной отраслевой и технологической структуры развитых экономик. В экономике России накопились глубокие структурные диспропорции [Садовничий и др. 2017]. В технологической структуре преобладают средне- и низкотехнологичные и практически отсутствуют высокотехнологичные производства в сфере гражданской продукции. Соответственно, в отраслевой структуре отсутствуют высокотехнологичные наукоемкие отрасли по производству современных конкурентоспособных товаров и услуг. Поскольку для изменения отраслевой структуры экономики требуются прежде всего мощные технологические сдвиги, России в предстоящие 5–7 лет необходимо совершить подлинный технологический прорыв и добиться революционных изменений технологической структуры обрабатывающих отраслей. А поскольку переход к высокотехнологичному народному хозяйству возможен только в случае перехода к разработке и созданию собственных, отечественных инновационных технологий и продуктов, то ключевым фактором становится кардинальное расширение и усиление системы НИОКР.

Именно НИОКР формируют новые технологические знания, которые порождают инновационные технологии и продукты. Известно, что в странах ОЭСР в среднем около 50 % прироста промышленного производства – это результат роста НИОКР [Садовничий и др. 2016]. Рост конечного объема производства обусловлен сочетанием роста совокупной производительности факторов (СПФ) и накопления основного капитала. Растущая производительность стимулирует приток инвестиций в капитал, что повышает капиталовооруженность и, как следствие, производительность. Таким образом, производство растет по обоим признакам: около 2/3 роста напрямую обусловлено увеличением СПФ, а в основе оставшейся 1/3 лежит производное накопление капитала [Хелпман 2011: 131]. Можно утверждать, что система НИОКР – это, по существу, современная отрасль экономики, производящая инновационные технологии и продукты и являющаяся основным двигателем технологического прогресса, который способен увеличивать как производительность труда, так и производительность капитала и других факторов роста экономики.

Хотя государственные инвестиции в НИОКР играют чрезвычайно важную роль как катализаторы инновационных разработок, все же в большинстве стран ОЭСР доля госрасходов на НИОКР в 1,5–2 раза ниже доли частных инвестиций, осуществляемых промышленными компаниями [Садовничий и др. 2016: 181–182]. В России сегодня мы наблюдаем иную картину: частные компании не

склонны тратить средства на НИОКР, обрекая страну на технологическую отсталость и зависимость от передовых в технологическом отношении стран Запада. Что же касается госинвестиций в НИОКР, в России они составляют около 0,8 % от ВВП, примерно столько же, сколько в США и Японии. А вот частный сектор в США инвестирует в НИОКР на уровне 1,6 % ВВП, в Японии – 2,6 % ВВП, тогда как в России – всего лишь на уровне 0,3 % ВВП, то есть в 5–9 раз меньше, чем в вышеназванных странах. Поскольку большая часть госинвестиций в НИОКР в России сосредоточена в оборонной промышленности, там мы и наблюдаем впечатляющий технологический прогресс и желание многих авангардных развивающихся стран покупать первоклассное российское вооружение. Напротив, в сфере гражданской продукции нам трудно предложить миру высокотехнологичные товары и услуги с высокой добавленной стоимостью, вследствие чего за границей востребованы исключительно лишь российские сырьевые материалы низкого передела. Правительству РФ следовало бы разработать и принять меры, стимулирующие резкое повышение объема инвестиций в НИОКР со стороны частных промышленных компаний.

Ахиллесова пята российской экономики – это низкая производительность факторов роста. А производительность – самый важный фактор, определяющий долгосрочный устойчивый рост и повышение уровня жизни. Именно поэтому президент РФ В. В. Путин ставит задачу добиться темпов ежегодного роста производительности на 5 % в среднесрочном периоде. Это вполне возможно, если Россия оседлает инновационные технологии, порожденные четвертой промышленной революцией [Акаев, Рудской 2015; Grinin *et al.* 2017b]. Рост производительности в предстоящие десятилетия будет определяться ростом СПФ, обусловленным масштабным применением в производстве NBIC- и MANBRIC-технологий, а также комплексной автоматизацией производства [Акаев, Рудской 2015; Гринин, Коротаев 2015б]. Как известно, СПФ ответственна за 30–50 % темпов роста экономики. В свою очередь, от 40 до 60 % роста СПФ является результатом НИОКР [Хелпман 2011: 74]. Таким образом, в основе современного роста СПФ лежат НИОКР. СПФ может быть интерпретирована как показатель синергетического эффекта совместного вклада в экономический рост факторов труда и капитала, обусловленных степенью гармоничного соответствия качества труда и капитала. Поэтому необходимо, чтобы скорость роста уровня образованности и квалификации работников в лучшем случае опережала, а в худшем – поспевала за темпами роста технологического прогресса, улучшающего качество и производительность капитала.

В шестом БЦК, по прогнозу компании *McKinsey*, до половины общего роста производительности, необходимой для достижения среднемировых темпов экономического роста порядка 4 % в год, будет определяться автоматизацией производства с помощью продвинутых роботов и усовершенствованных станков с числовым программным управлением (ЧПУ). Сегодня ситуация в нашей стране в этой сфере не радует. В 2016 г. в России количество роботов на 10 тыс. работников составляло всего два, в то время как в Южной Корее этот показатель равнялся 631, в Германии – 309, а в среднем по миру – 74 (по данным IFR – Международной федерации робототехники). Китай, несмотря на изобилие рабочей силы, в 2016 г. закупил 87 тыс. роботов, а Россия – всего 359 роботов. Более того, КНР сегодня ставит своей целью увеличить число роботов с 49 до 150 на 10 тыс. ра-

ботников к 2025 г. Что же касается станков с ЧПУ, то в 2016 г. в Японии их доля составляла более 90 %, в Германии и США – более 70 %, в Китае – около 30 %, а в России – всего 10 %.

Высокие темпы роста производительности в экономике России могут быть достигнуты только с помощью комплексной автоматизации всех производственных отраслей: промышленности, энергетики, транспорта и др. России необходимо немедленно приступить к широкомасштабной цифровизации и роботизации экономики. Причем в целях национальной безопасности желательно опираться на отечественные разработки в области создания цифровых технологий и платформ. Все это позволит получить ряд системных эффектов: повысить производительность труда и создать высококвалифицированные и высокооплачиваемые рабочие места. Но прежде всего следует решать вопросы адаптации системы высшего профессионального образования к подготовке специалистов с цифровыми компетенциями, необходимыми для разработки и применения цифровых технологий и платформ в различных отраслях экономики и сферах деятельности. О том, что торможение роста производительности в значительной мере связано с отставанием профессиональных навыков и квалификации работников от быстрых технологических изменений, отмечается в работе [May 2018: 11], где также предлагается увеличить инвестиции в образование и переподготовку кадров.

Таким образом, прорывными направлениями развития экономики России являются следующие: технологический прорыв, комплексная автоматизация и развитие инфраструктуры. Первые два направления мы уже рассмотрели выше. Остановимся на третьем. В указе президента РФ В. В. Путина от 7 мая 2018 г. особое внимание уделено модернизации и расширению магистральной инфраструктуры на основе стратегии пространственного развития Российской Федерации. В майском указе, в частности, предусмотрено развитие транспортных коридоров «Запад – Восток» и «Север – Юг» для перевозки грузов и пассажиров. В этой связи следует отметить мегапроект «Интегральная евразийская инфраструктурная система», разработанный под руководством академиков В. А. Садовниченко и Г. В. Осипова, который мог бы стать мощным локомотивом для динамичного пространственного и экономического развития России в XXI в. [Садовничий и др. 2017].

Предполагается, что основой транзитного потенциала инфраструктурного пояса послужит Транссибирская железная дорога, которая станет транспортным остоном, взаимодействующим с энергетическими и информационно-коммуникационными составляющими. Предполагалось также, что сам Транссиб будет модернизирован для скоростного сообщения и снабжен мультимодальными логистическими центрами. При этом было показано, что реализация мегапроекта позволит перейти к комплексному освоению природных богатств Сибири и Дальнего Востока путем размещения в широком поясе вокруг магистрали сотен высокотехнологичных предприятий, начиная от добычи полезных ископаемых до производства продукции с высокой добавленной стоимостью. Все это будет сопровождаться созданием сотен тысяч высококвалифицированных и высокооплачиваемых рабочих мест, что будет способствовать внутренней миграции миллионов людей в восточные регионы страны, улучшая там демографическую ситуацию.

Высокоскоростная магистраль впоследствии станет надежным транспортным мостом, соединяющим Западную Европу с быстрорастущими странами Азиатско-

Тихоокеанского региона. Благодаря возросшему интересу к этой высокоскоростной магистрали со стороны как Евросоюза, так и стран АТЭС данный мегапроект позволит привлечь масштабные прямые иностранные инвестиции и высокие технологии как из Западной Европы, так и из стран АТЭС – Японии, Южной Кореи и других. В результате в Сибири и на Дальнем Востоке возникнут очаги новой индустриализации экономики России, которая будет способствовать как пространственному, так и динамичному развитию экономики России. Предварительные расчеты, проведенные нами в последнее время, показывают, что уже на первом этапе реализации мегапроекта в начале 2020-х гг. будет достигнуто дополнительное ускорение темпов экономического роста на 1,5 п. п. и на 2,5 п. п. к середине 2020-х гг. Это означает, что, с учетом потенциальных темпов инерционного роста экономики России в 2 %, мы достигнем темпов роста в 4,5 % к 2025 г., то есть выше среднемировых. Но самым главным результатом реализации указанного мегапроекта станут обеспечение тесной связанности всей территории Российской Федерации, сглаживание резких различий между регионами России и укрепление ее безопасности.

Литература

Аганбегян А. О месте экономики России в мире (по новым данным о международном сравнении валового внутреннего продукта) // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 43–55.

Акаев А. А. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом // Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие / под ред. Д. А. Халтуринной, А. В. Коротаева. М. : ЛИБРОКОМ/URSS, 2010. С. 230–258.

Акаев А. А. Математические основы инновационно-циклической теории экономического развития Кондратьева – Шумпетера // Вестник института экономики РАН. 2011. № 2. С. 39–60.

Акаев А. А. Большие циклы конъюнктуры и инновационно-циклическая теория экономического развития Шумпетера – Кондратьева // Экономическая наука современной России. 2013. № 2(61). С. 7–28.

Акаев А. А. Год бифуркации в динамике мировой экономики // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 12. С. 1–11.

Акаев А. А., Пантин В. И. Финансово-экономические кризисы и геополитические сдвиги: анализ и прогноз // Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. С. 68–108.

Акаев А. А., Рудской А. И. Анализ и прогноз влияния шестого технологического уклада на динамику мирового экономического развития // Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. С. 142–166.

Акаев А. А., Рудской А. И. Об одной математической модели для прогнозных расчетов синергетического эффекта NBIC-технологий и оценки его влияния на экономический рост в первой половине XXI века // Доклады Академии наук. 2015. Т. 461. № 4. С. 383–386.

Банке Б., Бутенко В., Мишенина Д., Полуниин К., Степаненко А., Сычева Е. Россия онлайн: четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике. Boston, MA : The Boston Consulting Group, 2017.

Гасанов Т. А., Гасанов Г. А. Цифровая экономика как новое направление экономической теории // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 6(80). С. 4–10.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Глобальное старение населения, шестой технологический уклад и мировая финансовая система // Кондратьевские волны: наследие и современность / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко. Волгоград : Учитель, 2015а. С. 107–132.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Дефляция как болезнь современных развитых стран // Анализ и моделирование мировой и страновой динамики: методология и базовые модели. М. : Учитель, 2015б. С. 241–270.

Ивантер В., Порфирьев Б., Широков А. Структурные аспекты долгосрочной экономической политики // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 27–34.

Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925. Т. 1. № 1. С. 28–79.

Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М. : Экономика, 2002.

Коротаев А. В., Гринин Л. Е. Кондратьевские волны в мир-системной перспективе // Кондратьевские волны: аспекты и перспективы / отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Волгоград : Учитель, 2012. С. 58–109.

Коротаев А. В., Цирель С. В. Кондратьевские волны в мир-системной экономической динамике // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / под ред. А. А. Акаева, А. В. Коротаева, Г. Г. Малинецкого. М. : ЛКИ/URSS, 2010а. С. 5–69.

Коротаев А. В., Цирель С. В. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2010б. С. 189–229.

Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Лухманова З. Т. Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011–2015 гг.: количественный анализ // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 150–168.

Кудрин А., Кнобель А. Бюджетная политика как источник экономического роста // Вопросы экономики. 2017. № 10. С. 5–26.

Кудрин А. Л., Соколов И. А. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 5–27.

Новые технологии и продолжение эволюции человека? / под ред. В. А. Прайд, А. В. Коротаева. М. : ЛКИ/URSS, 2008.

Мау В. Экономическая политика 2006 года: на пути к инвестиционному росту // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 4–25.

Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М. : Дело, 2011.

ПРМЭ. Перспективы развития мировой экономики: циклический подъем, структурные изменения. Апрель. Б. м. : МВФ, 2018.

Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М. : ИСПИ РАН, 2012.

Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики. М. : Наука, 2014.

Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Качество образования, эффективность НИОКР и экономический рост. Количественный анализ и математическое моделирование. М. : Ленанд/URSS, 2016.

Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю., Соколов В. Н. Анализ и моделирование мировой и страновой динамики. М. : Ленанд/URSS, 2017.

Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013.

Титов Б. Ю., Широков А. А. Стратегия роста для России // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 24–39.

Хелпман Е. Загадка экономического роста. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.

Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. Technological Development and Protest Waves: Arab Spring as a Trigger of the Global Phase Transition? // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. Vol. 116. Pp. 316–321.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing // *Technological Forecasting & Social Change*. 2017a. Vol. 115. Pp. 52–68.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. The MANBRIC-technologies in the Forthcoming Technological Revolution // *Industry 4.0: Entrepreneurship and Structural Change in the New Digital Landscape* / Ed. by T. Devezas, J. Leitão, A. Sarygulov. Heidelberg; New York; Dordrecht; London : Springer, 2017b. Pp. 243–261.

Grinin L. E., Korotayev A. V. Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? // *World Futures*. 2014. Vol. 70. No. 8. Pp. 515–545.

Grinin L., Korotayev A. The Future of the Global Economy in the Light of Inflationary and Deflationary Trends and Long Cycles Theory // *World Futures*. 2018. Vol. 74. No. 2. Pp. 84–103.

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. Heidelberg; New York; London : Springer, 2016.

IMF. *World Economic Outlook Database*. Washington, DC : International Monetary Fund, 2018.

Korotayev A. V., Grinin L. E. Kondratieff Waves in the World System Perspective // *Kondratieff Waves*. 2012. Vol. 1. Pp. 23–64.

Korotayev A., Meshcherina K., Shishkina A. A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis // *Democracy and Security*. 2018. Vol. 14. No. 4. Pp. 331–357.

Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J. Kondratieff Waves in Global Invention Activity (1900–2008) // *Technological Forecasting & Social Change*. 2011. Vol. 78. Pp. 1280–1284.

Maddison A. *Monitoring the World Economy: A Millennial Perspective*. Paris : OECD, 2001.

Ortmans O., Mazzeo E., Mescherina K., Korotayev A. Modeling Social Pressures toward Political Instability in the United Kingdom after 1960: A Demographic Structural Analysis // *Cliodynamics*. 2017. Vol. 8. No. 2. Pp. 113–158.

Piketty T. *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, MA : The Belknap Press of Harvard University Press, 2014.

Turchin P., Gavrilets S., Goldstone J. A. 2017. Linking “Micro” to “Macro” Models of State Breakdown: Improving Methods for Political Forecasting // *Cliodynamics*. 2017. Vol. 8. No. 2. Pp. 159–181.

ИСЛАМИЗМ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ*

Гринин Л. Е.**

Исламизм является одним из важнейших феноменов нашего времени, он оказывает сильное влияние на многие мировые и глобальные процессы. В мусульманском мире почти не осталось стран, где бы исламизм не был влиятельным и устойчивым фактором политики. Понять современные исламские (особенно арабские) общества без учета роли исламизма как одновременно идеологии, культурной среды, образа жизни и руководства к действию невозможно. А без этого с учетом огромной и возрастающей доли мусульман в мире нельзя понять ни современные, ни будущие векторы глобализации. Все это делает тему соотношения глобализации и исламизма очень актуальной. Между тем она исследована явно недостаточно. В статье мы хотели бы наметить некоторые контуры и вехи этого взаимодействия.

Исламизм – один из самых сложных социальных феноменов настоящего времени, многоликое, меняющееся и неоднородное движение, в рамках которого идет очень напряженная идейная и политическая борьба. Мы надеемся, что статья позволит читателю получить некоторое представление об этом важном явлении современного мира, развитие которого затрагивает интересы миллиардов людей всех стран, религий и убеждений. При этом мы делаем акцент на то, что крайне важно различать радикальный и умеренный исламизм, который может стать позитивным и перспективным крылом политической системы исламских стран. Мы полагаем, что уменьшить опасность радикального, террористического исламизма одной только силовой борьбой с ним невозможно. Можно надеяться, что он пойдет на убыль в случае, если удастся разделить его с умеренным исламизмом и сделать последний более респектабельным, открытым, вовлеченным в нормальную политическую жизнь.

Ключевые слова: *глобализация, исламизм, радикальный исламизм, умеренный исламизм, фундаментализм, Исламское возрождение, Ближний Восток, исламские общества, политизированный ислам, Мир-Система, нефтедоллары.*

Islamism appears one of the most important phenomena of our times and it greatly affects many global processes. In the Muslim world one can hardly find a country where Islamism would not be an influential and stable political factor. It seems impossible to comprehend modern Muslim (especially Arab) societies without taking into account the role of Islamism as simultaneously an ideology, a cultural environment, and a mode of life and guideline to follow. And if one keeps in mind the increasingly large share of the Muslim population in the world, it appears impossible to ignore their impact in current and future globalization trends. All

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 17-06-00464).

** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., в. н. с. Института востоковедения РАН, заместитель руководителя Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования.

these make the correlation between globalization and Islamism an urgent issue which is, nevertheless, understudied. In the present article we would like to outline some patterns and landmarks of this mutual interaction.

Currently, Islamism is one of the most complicated social phenomena; it is a multi-faceted, changing and heterogeneous movement within whose framework there unfolds an intensive ideological and political struggle. We hope the present article will help the reader to obtain some idea about this important phenomenon of the modern world whose development involves interests of billions of people of all countries, religions and views. At that, we emphasize that it is vital to distinguish between radical and moderate types of Islamism; the latter is promising with respect to becoming a positive and promising wing of political system in Muslim countries. We suppose that it is impossible to eliminate the dangers of radical and terrorist Islamism only by force. One may hope to achieve this goal if to separate it from moderate Islamism while the latter should become more respectable, open and involved in common political life.

Keywords: *globalization, Islamism, radical Islamism, moderate Islamism, fundamentalism, the Muslim renaissance, the Orient, Muslim societies, politicized Islam, World System, oil dollars.*

Введение

Сегодня в мире насчитывается примерно 1,7 млрд мусульман, то есть больше одной пятой населения Земли. Прогнозируется, что к 2050 г. количество мусульман увеличится до 2,76 млрд человек, что составит почти 30 % будущего населения планеты [Десилвер, Мэсильв 2017]. Естественно ожидать, что роль как исламских стран, так и исламских общин в странах с иными религиями и культурами будет расти. Очевидно, что понять современные исламские (особенно арабские) общества без учета влияния исламизма как одновременно идеологии, культурной среды и образа жизни невозможно. Исламизм – один из самых сложных социальных феноменов настоящего времени [Кепель 2004], феномен многоликий, меняющийся и противоречивый. Поэтому в настоящей статье мы сможем только наметить основные контуры и вехи этого взаимовлияния. Исключительно важно понимать, что исламизм – отнюдь не поверхностное явление, он затрагивает коренные аспекты жизни мусульман, это массовое течение, социальная база которого широка и разветвленна. Неудивительно, что *в мусульманском мире почти не осталось стран, где бы исламизм не превратился во влиятельный и устойчивый фактор внутренней и внешней политики. То, что в конце прошлого столетия представлялось частными эпизодами, оказалось одним из главных трендов мировой политики.* Все это делает тему соотношения глобализации и исламизма актуальной, причем на длительное время. Между тем она исследована явно недостаточно.

Статья состоит из введения, заключения и трех разделов. В первом разделе мы даем представление о том, что такое исламизм, какие течения в нем существуют и как они себя позиционируют; показываем, что радикальный исламизм является только относительно небольшой частью исламистского движения, которое в основном представлено умеренным исламизмом. Мы также отмечаем, что исламизм – это не нечто поверхностное, а глубинная и всеобъемлющая субстанция исламских обществ. Во втором разделе анализируются отношения между ис-

ламизмом и Западом, рассматривается, как оказались связанными развитие исламизма и разворачивание глобализации на протяжении XX и начала XXI в. В третьем разделе исследуются причины подъема исламизма (*Исламского возрождения*) с конца 1970-х гг. Наконец, в заключении речь пойдет о том, что путь к позитивному развитию исламских стран во многом лежит в русле опоры на умеренный исламизм, что крайне важно не только различать радикальный и умеренный исламизм, но и опираться на последний для ослабления первого, поскольку именно умеренный исламизм может стать позитивным и перспективным крылом политической системы исламских стран¹.

1. ЧТО ТАКОЕ ИСЛАМИЗМ? РАДИКАЛЬНЫЙ И УМЕРЕННЫЙ ИСЛАМИЗМ. ИСЛАМИЗМ И ВЛАСТЬ

1.1. Ислам и исламизм. Многоликий исламизм

Ислам и исламизм – это не синонимы, ставить знак равенства между ними нельзя. Ислам – это древняя религия с атрибутами религиозного культа и системой духовных лиц – знатоков Корана, шариата и других священных текстов. При этом такие служители чаще всего далеки от политики и стараются остаться в рамках чисто традиционной религиозной деятельности. Исламизм – это сравнительно молодая, созданная на базе ведущих религиозных идей и практик *политическая* и социальная идеология, которая призывает распространить исламские законы и традиции на поведение всего общества (всех исламских обществ или даже мира). Ее проводниками являются политики, обычно не имеющие духовного образования, политические группы и партии, стремящиеся к власти и влиянию на власть. Служители культа чаще всего не приветствуют исламизм, который есть, по сути дела, исламская реформация. И сегодня исламские тексты и положения начинают трактовать и воплощать на практике не духовные лица, а миряне. А это уменьшает значимость исламского духовенства.

Исламизм многим неправомерно представляется как некий нарост на теле исламских обществ. Напротив, как увидим, он во многом отражает суть современных исламских обществ, их образ мысли и жизни.

Исламизм – это массовое и разветвленное движение. Исламисты действуют во многих социальных группах. Исламизм и исламистские организации выполняют много функций в исламском обществе: помощь бедным, самоорганизация для решения насущных вопросов, наблюдение за нравственностью, организация духовного образования и обсуждения религиозных вопросов, волнующих общество; это также возможность выдвинуться талантливым людям. Исламисты активно проникают в бизнес, образование, даже в низшие муниципальные органы, организуют медицинскую помощь, посредничают в доставке денег семьям мигрантов и т. п. При этом *их немало в низовых слоях общества и еще больше сочувствующих среди бедных в низшей страте среднего класса (а также и в других слоях)*. В этом во многом заключается их сила. Таким образом, исламизм не только духовно, но и функционально пронизывает социальную ткань общества. Поэтому даже при сильном светском государстве, запрете исламистских организаций и репрессиях против их активистов его крайне сложно вытеснить из обще-

¹ Осталось много неосвещенных аспектов, связанных с исламизмом, часть из них проанализирована нами в других работах [Grinin *et al.* 2018].

ства. Ведь исламизм опирается на представления, которые понятны абсолютному большинству людей, независимо от уровня их образования, а именно религиозно-культурные и религиозно-политические. В этом еще одно его преимущество перед другими политическими течениями. Будучи низовым движением, исламизм также чаще всего является движением оппозиционным, что придает ему силу, так как критика власти импонирует населению. Исламисты стоят во главе организации борьбы за выполнение конкретных требований и т. п. Следовательно, с этой точки зрения исламизм – определенный контроль общества над властью и институтами общества. Он помогает также донести свой протест в мире несправедливости до тех, кто его может услышать. Таким образом, исламизм является широким народным течением.

Определение исламизма. Его течения. Кратко исламизм нередко определяют как «политизированный ислам» или «политический ислам» [см., например: Левин 2014: 4; Игнатенко 2004: 40; Achilov, Sen 2017: 608]. Это удобно, но из-за краткости не совсем верно, так как исламизм – это не только политическая, но и социальная идеология, образ жизни и действия. Нередко в определениях исламизма упор делается на то, что это радикальная идеология [см., например: Мирский 2015: 4]. Однако нельзя упускать из виду, что исламизм неоднороден, раздираем противоречиями, что едва ли не главными врагами радикальных исламистов являются не секуляристы, а умеренные исламисты [Osman 2016: 260].

Радикальные исламисты стремятся к насильственному распространению строгого соблюдения традиций и обычаев ислама в обществе, к тотальному контролю над поведением людей, к замене светских законов шариатом, а для достижения таких целей готовы к незаконным и насильственным действиям, включая запугивание людей, терроризм и свержение правительства. Умеренные исламисты в процессе распространения своих взглядов стараются придерживаться установленных обществом законов, интегрироваться в политическую систему, бороться за власть в правовом поле, больше уважают права на свободу людей и готовы к заимствованиям с Запада.

Радикальный и террористический исламизм – печальная и жестокая реальность. Он представляет грозную и часто невидимую опасность, жертвой которой может стать каждый. Однако из-за этой угрозы, которую к тому же по естественным причинам весьма преувеличивают, из внимания выпадает тот важнейший факт, что на самом деле *радикальные исламисты составляют очень небольшую часть приверженцев этой идеологии, что основной исламизм – не радикальный*. И большинство населения не являются сторонниками радикалов, иначе весь Ближний Восток давно превратился бы в аналог печально известного «Исламского государства»². Поэтому крайне важно не упускать из виду, что существует исламизм умеренный, порой даже мягкий, в известной мере демократический.

Важно понимать, что и в радикальном, и в умеренном исламизме есть масса различных течений и оттенков, поэтому в целом исламизм очень разнообразен и противоречив, реагирует на различные изменения, колеблется в зависимости от ситуации. Кроме того, он имеет множество уровней и проявлений: от вполне респектабельных политических партий и диспутов ученых до потока сознания от-

² Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – Прим. ред.

дельного малограмотного или вовсе неграмотного мусульманина, от государственного уровня до групп террористов-фанатиков, от умеренных политических движений до ударных отрядов экстремистов.

Поэтому более удачными будут следующие формулировки. Это политическое движение, которое выступает за реорганизацию политической и социальной системы в соответствии с законами, установленными исламом [Hooper 2015]. «...Исламисты – это те, кто считает, что ислам должен играть важную роль в организации общества с мусульманским большинством, и стремится реализовать это убеждение» [Poljarevic 2015].

У некоторых исследователей есть склонность к тому, чтобы называть исламистами только радикалов, а умеренный исламизм именовать иначе, скажем, «исламским активизмом» [см., например: Царегородцева 2017]. С другой стороны, есть те, кто сомневается в существовании умеренных исламистов. По нашему рассуждению, такие подходы непродуктивны в научном и практическом отношении. Во-первых, исламизм по самому смыслу слова связан с выдвиганием на первый план значимости ислама и распространением его принципов на разные сферы жизни, но никак не должен обязательно требовать насильственного свержения правящего режима. Во-вторых, есть много случаев перехода умеренных исламистов в радикальные, например, часть «Братьев-мусульман»³ в Египте после июля 2013 г., и наоборот, радикальные исламисты в Иране ныне стали достаточно умеренными, чтобы соблюдать правила демократических выборов. А такая, казалось бы, радикальная исламистская организация, как «Хезболла», в Ливане участвует в выборах, имеет свое представительство в парламенте и, более того, входит в правительственный блок с христианскими и секулярными партиями.

Словом, неправильно и считать умеренных исламистов не исламистами, а кем-то другим, и смешивать радикалов и умеренных. Несмотря на колоссальные различия в отношении к террору, участию в политической жизни и т. п., исламистов объединяют некие общие, хотя и размытые, идеологические подходы.

Исходя из изложенного, можно дать такое определение. **Исламизм** – это политическое и социальное направление и идеология, широко распространенные в мусульманском мире. Он основывается на идеях высокой ценности/превосходства ислама, его правил и традиций, на необходимости строить жизнь на исполнении (в том или ином объеме) определенным образом понимаемых принципов ислама, на том, чтобы, сообразуясь с современными реалиями, политически объединяться вокруг людей, ставящих те или иные исламские (или рассматриваемые как таковые) идеи и принципы во главу угла в политической и социальной жизни.

1.2. Исламские общины как мостик между Западом и Востоком

Сказанное важно и в плане понимания влияния исламизма на Мир-Систему и глобализацию. Мусульмане – это огромный мир, это почти 50 стран, в которых они являются большинством. Но это и десятки стран, в которых они составляют значимую часть населения (как в России). Теперь они стали заметным и растущим меньшинством в десятке европейских государств, число их растет в США и других американских государствах. И хотя СМИ говорят в основном о радикаль-

³ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – Прим. ред.

ном исламизме в Европе и других странах, очевидно, что абсолютное большинство мусульман в неисламских странах – вполне лояльные к власти люди. А те из них, кто является сторонниками исламизма, в основном приверженцы умеренного его крыла, и чаще всего это просто показной и бытовой исламизм. Мало того, важно понимать, что западные исламские общины в целом позитивно влияют на остальной исламский мир, неся туда определенную культуру. Конечно, в целом они понижают культуру Европы, но зато повышают культуру исламского мира. Такова особенность глобализации – она стремится выровнять различия между регионами и странами где-то путем повышения уровня, а где-то – его понижения. Мы уже говорили о том, что в процессе глобализации действует экономический закон сообщающихся сосудов (то есть процесс стремится к выравниванию технологического и экономического уровня развитых и развивающихся стран [см.: Гринин 2013]), но такой же закон сообщающихся сосудов действует и в отношении культуры.

1.3. Исламизм и власть в исламском мире

Борьба между исламистами и светскими режимами. Противостояние между светским государством и исламизмом шло с самого начала. В арабских странах светские режимы активно, иногда беспощадно сражались со стремлением исламистов влиять на население и прийти к власти и, хотя борьба шла с переменным успехом, в целом одерживали победу. Самый яркий пример – ожесточенные столкновения (в форме гражданской войны) в Алжире в 1990-х – начале 2000-х гг. Военный переворот в Египте в 2013 г. также показал, что светские (военно-полицейские) режимы находят в себе силы, чтобы оттеснить исламистов от власти.

Исламизм возник как оппозиционное движение, и его позиции наиболее сильны именно в таком аспекте. В 1980-е и 1990-е гг. исламистские движения преобладали среди оппозиционных движений в мусульманских странах и часто монополизировали их. Нахождение в оппозиции позволяло использовать недовольство населения в целях укрепления собственного авторитета. Однако после прихода к власти исламистов привлекательность их пропаганды нередко начинает ослабевать. Сказанное не случайно. Доктрины исламистов, которые требуют соблюдать нормы шариата и жить по священным книгам, приходят в жесткое противоречие с современными реалиями и при претворении в жизнь наносят большой ущерб экономике, например, туристической отрасли и т. д.

Умеренному исламизму в некоторых исламских обществах сложнее проявлять себя у власти, начинаются его колебания, угроза раскола, попытки радикализации и прочего, что может вести к его политическому поражению; это мы и наблюдали в Египте и Тунисе в последние несколько лет. Впрочем, в других обществах умеренные исламисты продемонстрировали и значительные успехи в адаптации исламских принципов к современной реальности (об этом см. ниже).

Исламизм как победившая идеология. В целом исламизм нечасто становится официальной государственной идеологией в явном виде, хотя несколько случаев имеется. Он одержал победу в Пакистане, но сейчас его роль уже не столь велика. В Иране победила исламская революция, но, по сути, здесь был иной исламизм, нежели в суннитских и особенно арабских странах: в Иране он был тесно связан с национализмом и почти эквивалентен последнему, в арабских странах –

враждебен ему. Радикальные исламисты («Талибан»⁴) находились одно время у власти в Афганистане (создав так называемый Исламский Эмират Афганистан в 1996–2001 гг.), но, внедрив древние исламские законы и порядки и дав убежище У. бен Ладену, только вызывали новые бедствия в стране. Исламисты с помощью военных также добились некоторого успеха в Судане, и 1994–1996 годы можно назвать временем наивысшего расцвета их влияния. Однако в 2000 г. в связи с усилением борьбы между военными и исламистами роль последних в управлении страной уменьшилась.

Умеренные исламисты у власти. Иран (и тем более Судан) не самые показательные случаи, так как заимствовать такой успех сложно. Более интересны и важны для будущего развития примеры, когда умеренные исламистские партии вписываются в политический ландшафт конкретных государств и институализируются. Именно такой путь наиболее перспективен и наиболее приемлем для всех, включая западные страны. Это касается, впрочем, и Ирана, в котором радикальный исламизм Р. Хомейни (существенно подорвавший экономику страны) достаточно быстро перерос в умеренный исламизм/постисламизм его преемников, сумевших добиться значительных успехов в стабилизации развития этой страны и, что важно, на поле исламизма создать достаточно прочную и эффективную демократическую систему [о постисламизме см.: Grinin *et al.* 2018].

Ислам является для большинства жителей мусульманских стран очень важной частью их мировоззрения и повседневной жизни. Вот почему исламисты нередко выигрывают выборы. В ряде случаев умеренные исламисты продемонстрировали и значительные успехи в адаптации исламских принципов к современной реальности. Имеются примеры, когда они, оказавшись у власти, проводят достаточно взвешенную и эффективную политику (Турция, Марокко, Малайзия). Есть также несколько стран, в которых исламистские партии периодами приходят к власти самостоятельно либо в коалиции, как в Малайзии или Ливане. Это возможно потому, что они так или иначе интегрировались в политическую систему, признают правила игры и соответствующую внешнеполитическую ситуацию. Стоит также добавить, что в этих странах есть определенные противовесы исламизму.

2. ИСЛАМИЗМ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

2.1. Исламизм: противостояние Западу

Современный исламизм возник в ответ на огромное превосходство Запада над исламским миром, его колониальную экспансию и поражение Османской империи в Первой мировой войне. Для самого же Запада исламизм стал неожиданным, побочным и явно нежеланным плодом его политического, экономического и идеологического проникновения на Ближний Восток.

Важно понимать, что исламизм с самого начала объективно способствовал особому пути модернизации исламских стран. Особенно заметно это стало в период так называемого Исламского возрождения (с конца 1970-х гг.; см. ниже), которое можно расценить как попытку модернизироваться, не заимствуя западные ценности и институты, а, напротив, на основе возврата к якобы нетленным ценностям раннего ислама [Хантингтон 2003: 162].

⁴ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

Ненависть к Западу – основа идеологии радикальных исламистов, а для таких организаций, как «Аль-Каида»⁵, и руководство в практической деятельности⁶. США и Израиль как «большой и малый сатана» в определении аятоллы Хомейни – весьма яркая иллюстрация этого отношения⁷.

Но эта нелюбовь к Западу (во многом вполне заслуженная) характерна и для умеренных исламистов, тем более что его критика – в целом бесприоритетный вариант в социальной демагогии. Отрицание западных ценностей также очень широко распространено и среди людей достаточно законопослушных и мирных. Это не удивительно, а вполне объяснимо (и не только длительной историей конфронтации ислама и христианства). Дело в том, что критика якобы бездуховной западной цивилизации в противовес духовности исламской во многом компенсирует ощущение обиды и неудовлетворенности, возникающее оттого, что мусульманские общества по сравнению с западными являются отсталыми, а большинство исламских обществ – бедными. Следовательно, в целом такое противостояние между исламизмом и вестернизмом можно рассматривать как одну из очень важных глобальных дихотомий современного глобализирующегося мира. И эта дихотомия глубоко проникла в умы и сердца десятков и сотен миллионов мусульман, обычных людей без экстремистских крайностей.

2.2. Исламизм: краткая история в аспекте глобализации

Зарождение и укрепление исламизма (конец XIX в. – 1960-е гг.). Основные концепты исламизма как идеологии были заложены еще в конце XIX в. в трудах исламских мыслителей-реформаторов, таких как Джамал ад-Дин ал-Афгани (1839–1897), Мухаммад Абдо (1849–1905) и др. Как уже было сказано, исламизм возник как попытка найти противовес западному влиянию на исламские общества. Ведь со второй половины XIX в. быстро росла мировая торговля, невиданными темпами прокладывались телеграф и железные дороги в Азии, стремительно расширялись колониальные империи, исламские страны вовлекались в полуколониальную зависимость, то есть именно глобализация по-европейски стала глубинной причиной рождения исламизма.

1920–1930-е гг. Это период становления исламизма снизу и как идеологии, и как организационной деятельности, и как структуры, включая создание боевых групп и органов. Это происходило главным образом в двух странах – Египте и Индии, борющихся против зависимости от Англии (и этот тренд был предвестником нового поворота в развитии глобализации, когда число независимых госу-

⁵ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

⁶ Один из лидеров египетских «Братьев-мусульман», казненный в августе 1966 г. Сейид Кутб, чьи идеи все еще вдохновляют многих исламистов мира, например, писал: «Все западные государства ориентируются на один источник, на материалистическую цивилизацию, не имеющую ни сердца, ни морали, ни совести. Это цивилизация, которая не слышит ничего, кроме звука машин, и не говорит ни о чем, кроме торговли... Как я ненавижу и презираю этих людей Запада! Всех их без исключения!» [Calvert 2010: 121]. Характерно, что ненависть к Западу не связана с незнанием западной жизни. Напротив, идеологи и лидеры современного исламизма нередко имели западное образование, зачастую жили там довольно долго, изучали языки, словом, были знакомы с Западом не по книгам.

⁷ СССР он назвал «меньшим сатаной».

дарств начнет расти). Это выразилось, в частности, в активизации Всеиндийской мусульманской лиги в Британской Индии (действующей особенно активно на территории современного Пакистана и Бангладеш) и организации в 1928 г. в Египте движения «Братья-мусульмане» во главе с Хасаном ал-Банной. Несколько позже, к концу 1940-х гг., влияние «Братьев-мусульман» распространится и за пределы Египта – в Иорданию, Сирию и Ирак [Osman 2016: 4]. Таким образом, исламизм и в организационном плане становится международным. Но его значение в целом было еще небольшим.

1940–1960-е гг. – очень важный для исламского мира период. Во-первых, возникает ряд новых самостоятельных государств с мусульманским населением из бывших колоний. Среди них – Ирак, Иордания, Ливан, Индонезия, будущая Сирия, Пакистан и др. Во-вторых, образовалось государство Израиль, непрерывная борьба которого с окружающими исламскими странами (а первая война имела место уже в 1948 г.) сделало это противостояние предметом интересов всего мира. В-третьих, почти все новые государства имели светский режим⁸, правители и правящая элита были в целом враждебны исламистам, частично преследовали их. Укреплению светских режимов способствовало и то, что в ряде стран произошли национальные революции (в виде военных переворотов с далеко идущими последствиями: в Египте в 1952 г., Ираке в 1958 и 1963 гг., Ливии в 1969 г. и др.) и у власти оказались сильные лидеры, имеющие влияние далеко за пределами арабского мира (как Г. Насер). Неудивительно, что в этот период, который продлился до начала 1970-х гг., исламизм в арабском мире был отодвинут на задний план идеологией арабского национализма, а также и другими идеологиями (социализма, неприсоединения и т. п.).

Основные события 1970–2010-х гг. *Конец 1970-х гг. стал очень крутым поворотом в развитии и подъеме исламизма (см. ниже), и это способствовало тому, что получило название Исламского возрождения*, которое имело огромные успехи в 1980–1990-е гг. Этот период ознаменовался мощным подъемом исламистского движения в разных странах. И такого поворота не ожидало абсолютное большинство аналитиков и политиков в мире. Исламское возрождение представляло собой базирующееся на религиозной основе и стремящееся навязать обществу строгое соблюдение обычаев и правил ислама широкое интеллектуальное, культурное, социальное и политическое движение, которое распространилось на весь исламский мир⁹. С этого же времени усиливается и терроризм. Также начинается подъем нефтяных цен и быстрый рост значения нефтедобывающих стран Ближнего и Среднего Востока.

1990–2000-е гг. – новый подъем международного терроризма под исламистскими лозунгами, наиболее ярким эпизодом чего стали теракты 11 сентября 2001 г. В политической глобализации мира весьма важным становится тренд объединения государств для борьбы с ним.

⁸ Исламизм имел наибольшее влияние в Пакистане, Саудовской Аравии, Судане.

⁹ Но, разумеется, такое попятное движение затронуло только часть аспектов жизни. В то же время в некоторых отношениях развитие ускорилося. Это, в частности, касалось роста образованности, в том числе у женщин. Никогда еще на Ближнем Востоке не было такого количества студентов и студенток.

С конца 2010 г. началась цепь революций и затем контрреволюций в ряде арабских стран, получивших название «арабской весны», что в целом привело к дестабилизации региона и подъему радикализма. Этому весьма способствовало и то, что 2000-е и 2010-е годы стали периодом активного вмешательства и прямых вторжений США и западных стран в государства Ближнего и Среднего Востока. В 2001 г. Соединенные Штаты вторглись в Афганистан, в 2003-м – в Ирак, а в период «арабской весны» с подачи Саудовской Аравии и стран Запада были дестабилизированы Ливия, Сирия и Йемен. Ниже мы рассмотрим некоторые из этих событий подробнее.

Победы исламизма в 1970-е гг. 1970-е годы стали десятилетием триумфа мусульманских стран в ряде отношений и способствовали подъему политического исламизма, быстрому распространению исламистских идей во многих мусульманских обществах. Среди этих достижений: 1. *Подъем цен на нефть в 1973–1979 гг. и рост значения ОПЕК, в которой Саудовская Аравия и страны Залива стали играть ведущую роль, но в нее вошли и государства из разных регионов, в том числе и неисламские.* Начало подъема цен, как известно, связано с Октябрьской войной 1973 г. То, что впервые развивающиеся страны смогли экономически переиграть развитые государства [см.: Коротаев, Гринин 2017; Grinin, Korotayev 2015; см. также: Goldstone 2016; Harper 2016], стало заметным переломом в исламском мировоззрении. Кроме того, появились столь мощные финансовые средства как для независимого от Запада развития, так и для финансирования исламистских организаций. Взрывной рост цен на нефть изменил как взаимоотношения между арабскими странами, повысив роль нефтеэкспортирующих стран, так и отношение к Западу со стороны некоторых нефтеэкспортеров. С другой стороны, активизация политики США на Ближнем Востоке, а также разочарование в социалистическом пути развития привели к тому, что некоторые государства, в том числе Египет, попали в зависимость от Соединенных Штатов именно в эти годы. Все эти процессы привели к значительному усилению исламизма как в Египте, так и в других арабских и исламских обществах. 2. *Победа исламской революции в Иране 1979 г. и рождение идеи ее экспорта.* Вместе с тем иранская революция способствовала активизации США в борьбе с исламизмом. 3. *Начало подъема исламского движения в Афганистане.* В 1979 г. СССР вторгся в Афганистан. Это вызвало подъем исламского «патриотизма» и, соответственно, рост влияния исламизма [см., например: Кепель 2004]. Афганским моджахедам была оказана огромная помощь со стороны США, а также Пакистана и других исламских стран, что в конечном счете обернулось проблемами для самих Соединенных Штатов. Ведь и «Аль-Каида» как таковая выросла из Афганской войны и американской помощи. Победа над СССР (а именно так и был воспринят радикалами вывод советских войск) весьма способствовала повышению самооценки среди радикальных исламистов. Кроме того, образовалось исламистское государство талибов (см. выше). 4. *Общий подъем идей исламизма в мусульманском мире* (об этом см. ниже).

1990-е гг. и рост радикализма. Девяностые годы прошлого века были важными для роста исламизма по ряду обстоятельств. В данный период сложились подходящие для этого финансовые, демографические и политические условия. Во-первых, поднялся международный исламский терроризм (прежде всего в виде «Аль-Каиды»). Во-вторых, активизировались исламские движения на Балканах

(в Боснии, Албании, Косово). В-третьих, быстро росли исламские общины в Европе. В-четвертых, произошла экспансия исламизма на исламских территориях бывшего СССР, а подъем чеченского сепаратизма и временная победа чеченцев в войне с Россией будто подтверждали возможность победы над сверхдержавой, которой все еще считали Россию.

Наконец, США продолжали использовать исламизм в качестве геополитического оружия для достижения своих целей, в том числе в Южной Европе, на Балканах, в бывшей Югославии, на Северном Кавказе и некоторое время на территории государств Средней Азии. Особенно печальные итоги этого – ситуация в Косово, которое, по мнению обозревателей, стало отвратительной наркомафиозной аферой под видом государства [Escobar 2017].

2000–2010-е гг. Роль США и Запада в росте радикального исламизма.

В результате поддержки террористического исламизма с разных сторон он постепенно стал превращаться в международный, от которого теперь может пострадать любая страна. Особенно это стало очевидным после активизации «Аль-Каиды» и открытого объявления ей войны Соединенными Штатами. Усама бен Ладен призвал «смыть несправедливость, совершенную по отношению к мусульманской нации коалицией иудеев и крестоносцев» [Мирский 2015: 8]. План бен Ладена начать открытую борьбу с США и тем самым спровоцировать их на агрессию против исламских стран после 11 сентября 2001 г., по сути, сработал. Эти события потрясли не только американское общество, но и весь мир и в итоге привели к американскому вторжению в Афганистан. В 2003 г. США вторглись в Ирак и быстро свергли режим Саддама Хусейна. Вся эта операция, базировавшаяся как на надуманном поводе, так и на неверном анализе последствий, привела к началу дестабилизации Ближнего Востока, результаты чего ощущаются и сегодня. «Арабская весна» и свержение в ее ходе устойчивых режимов в этом смысле стали новым актом разворачивания радикального исламизма [об «арабской весне» и роли в ней исламистов см.: Там же; Гринин 2012; Гринин, Коротаев 2016; Гринин и др. 2016].

Очевидно, что сдерживающим исламизм фактором может выступать прежде всего сильная светская власть. А сильная власть на Ближнем Востоке – это пока авторитарная власть. Между тем влиятельные светские правители всегда были не по нраву США и их союзнику – Саудовской Аравии. В итоге устранение авторитетных светских лидеров в Ливии, Египте, Йемене, а также попытка свержения власти в Сирии только усилили разгул исламизма, причем в его самых грубых и жестоких формах, наиболее экстремистского и радикального исламизма, синонимом которого становится терроризм.

Таким образом, *США несут большую долю ответственности за распространение и укрепление радикального исламизма.*

3. ПРИЧИНЫ ПОДЪЕМА ИСЛАМИЗМА

Почему стало возможным Исламское возрождение?

1. Прежде всего потому, что оно имело огромную поддержку населения. Эта поддержка в значительной мере коренилась также в особенностях исламской ре-

лигиозной жизни, в частности, в ее демократичности, отсутствии церковной иерархии, народности ислама, автономии религиозной жизни от государства¹⁰.

2. Рост образованности в исламских странах тоже способствовал подъему исламизма. Хотя здесь стало довольно много образованных людей, но еще больше было малограмотных и значимое число – неграмотных. А это благоприятный уровень именно для религиозной реформации, когда большое количество верующих людей перестает просто слушать проповеди официальных служителей культа, а пытается самостоятельно читать и толковать священные тексты. При этом у людей открываются глаза на расхождения между тем, что там написано, и реальностью, что ведет к изменению их сознания и поведения. Промежуточный уровень образования, как это ни странно на первый взгляд, ведет к росту радикализма и терроризма как одного из его выражений. В дореволюционной России в отношении образования была похожая ситуация: наряду со значимым количеством европейски образованных людей многие были полуграмотными, а огромное число – вовсе неграмотными. Но среди молодежи людей с начальным уровнем образования было большинство.

3. Подъему исламизма способствовало возникновение идеологического вакуума в результате упадка арабского национализма, а также левых (социалистических) и либеральных (западных) идеологий.

4. Очень удачно для развития исламизма наступил нефтяной кризис, увеличилось богатство исламских обществ, что стимулировало рост исламизма и радикализма. По нашему мнению, именно скачок нефтяных цен в наибольшей степени способствовал росту исламистских тенденций в мусульманском мире [см. также: Хантингтон 2003: 167]. Как ни странно, об этой причине пишут реже, чем о других. Повышение цен на нефть имело многочисленные последствия. Во-первых, у нефтедобывающих стран ослабело желание осуществить модернизацию по западной схеме. Там считали, что, имея деньги, теперь можно решить все проблемы. Во-вторых, это словно идеологически подкрепляло исламизм – именно Аллах мог подарить правоверным такую благодать. В-третьих, часть этих денег доставалась и не имеющим нефти странам через различные каналы, а это усиливало ориентир не на западные страны, а на не самые развитые арабские. В-четвертых, часть денег пошла на поддержку борьбы против Израиля (и против СССР в Афганистане), что способствовало усилению радикального исламизма и терроризма, в частности, среди палестинцев и афганцев. В-пятых, распространению исламистских настроений в 1970-е гг. содействовало резкое увеличение потока трудовых мигрантов из исламских стран в нефтяные исламистские аравийские монархии. Увиденное там экономическое процветание в сочетании с исламистскими порядками порождало у многих уверенность в том, что насаждение подобных порядков и у себя дома должно привести их страны к такому же процветанию. В-шестых, резкий рост объема финансовых ресурсов, оказавшихся в руках исламистских монархий (и прежде всего Саудовской Аравии), позволил им значительно увели-

¹⁰ Что касается радикализма, то в исламе наряду с идеями, которые можно трактовать как призывы к миру и сосуществованию с другими религиями, в нем налицо воинственность, стремление обращать неверных в истинную веру, призыв к джихаду и т. п.

чить финансирование и усилить целенаправленную деятельность по распространению исламизма в мире¹¹.

5. Исторические причины. Исторически так сложилось, что на Ближнем Востоке не сформировались прочные государства, в которых население ощущало бы себя народом, связанным именно с данным государством. А завоевание этого региона арабами, образование огромных халифатов, общие религия и арабский язык привели к тому, что арабы были склонны считать религиозную составляющую жизни в принципе выше государственной, которая может постоянно меняться, в то время как арабская община (умма) и ислам неизменны. В итоге сегодня на Ближнем Востоке, не считая Израиля, реально существуют три государства, границы которых поддерживаются национальным самосознанием: Турция, Иран и Египет (но и в первых двух налицо курдский сепаратизм). Что касается остальных, то духовная связь населения именно с этими государствами еще слаба. Особенно шаткая она в Ливии, Йемене, Афганистане, Ираке, Сирии. В то же время на базе панарабского национализма легко распространился панарабский, а затем и панмусульманский исламизм.

6. Геополитические причины. Имело значение и геополитическое положение Ближневосточного региона, во-первых, как нефтеносного, а во-вторых – как арены столкновения социализма и капитализма, СССР и США; при этом близость региона к границам СССР усиливала желание Соединенных Штатов господствовать в нем; в-третьих – в связи с арабо-израильским противостоянием. При этом США, как мы видели, для достижения своих внешнеполитических задач активно использовали исламизм, пестовали и вооружали его.

Наконец, как уже было сказано, очень важной причиной развития радикализма было вмешательство в жизнь исламских обществ, поскольку падение государственного порядка способствует резкому росту радикализма, экстремизма и терроризма. Вторжения в Афганистан в итоге привели к тому, что это государство стало гнездом радикализма и террора (не говоря уже о наркоторговле) и в конечном счете там возникла «Аль-Каида». Интервенция в Ирак в итоге вывела терроризм в этой стране на невиданный уровень, а вмешательство в дела Сирии вместе с уходом американцев из Ирака открыло двери для «Исламского государства». Разгул исламистского террора наблюдается и в лишенной устойчивой власти Ливии. Таким образом, очевидно, что путь военной интервенции только разжигает радикализм, поскольку при ослаблении государственной власти исламизм, в том числе радикальный, очень быстро организует «бесхозные» территории на свой лад [Чумаков 2018: 138–142, 152–163].

Заключительные замечания. Путь в будущее через умеренный исламизм?

Ближний и Средний Восток – весьма проблемный и конфликтный регион. При этом можно сказать, что он вовлекает мир в собственные проблемы, одновременно генерируя свое резкое неприятие другого образа жизни, продолжая борьбу за сохранение и победу ислама. Как мы видели, в 1970–1990-е гг. ислам-

¹¹ По некоторым данным, Саудовская Аравия через каналы своих благотворительных фондов израсходовала за 1980–1990-е гг. примерно 70 млрд долларов на строительство подконтрольных ваххабитам мечетей, медресе, исламских центров, а также на поддержку и обучение радикальных воинствующих исламистов примерно в 20 странах мира [см.: Kaplan 2003].

ские общества стали получать все больше выгод от глобализации [см.: Гринин, Коротаев 2016: гл. 5]. Особенно это ощутили нефтедобывающие страны Ближнего Востока, полностью преобразившиеся в некоторых смыслах в результате золотого нефтедолларового дождя. Их роль в мире также резко повысилась. И именно нефть подпитывает многие тенденции, включая исламизм. Ведь она поставила Ближний и Средний Восток в особое положение и в мире, и в отношениях с Западом, придав ему огромное значение, соответственно повысив самооценку жителей этого региона. Таким образом, мир-системная роль Ближнего Востока за последние несколько десятилетий существенно возросла. Однако пока он в лучшем случае может претендовать на роль полупериферии. Но это его периферийное и полупериферийное значение в Мир-Системе как раз и является важным источником силы исламизма.

Соответственно, крайне важно сделать исламизм более умеренным и респектабельным. Это очень сложная задача. Необходимо создать условия, при которых исламизм примет более умеренный характер.

Радикализм, по нашему мнению, – это неотъемлемая часть широкого течения, неприятное и опасное, но естественное ответвление в развитии исламизма. Любое учение имеет радикальное крыло. Важно, чтобы умеренный исламизм не склонялся в сторону радикализации. Поэтому задача – если говорить с мир-системной точки зрения – состоит в том, чтобы создавать как можно меньше условий для роста радикализма. А для этого необходимо выбирать союзников в борьбе с радикализмом. Именно такими союзниками, пусть временными, могут стать авторитарные режимы. Попытки же установления демократии в странах с неокрепшей государственностью (каковой была, например, Ливия) путем вооруженной революции, интервенции и свержения правительства однозначно ведут к разгулу терроризма, равно как и стремление установить социальную республику в таких странах, как Афганистан (что пытался сделать Советский Союз). Другим фактором, способствующим росту терроризма, является попытка использовать такие организации, как «Аль-Каида», «Джебхат ан-Нусра»¹² в геополитических целях.

Если считать, что радикальный исламизм нетерпим, то надо любой ценой его сдерживать. Следовательно, проблема состоит в выборе не между авторитарностью и демократией, а между светским авторитарным режимом и радикальным исламизмом. И крайне важно понимать, что радикальный исламизм можно победить (ослабить) в настоящих условиях только на поле собственно исламизма, поддерживая умеренную и законопослушную его версию и сотрудничая с ней там, где это возможно.

События «арабской весны», правда, несколько отрезвили тех, кто стремился к скорейшему установлению демократии в арабских странах. С одной стороны, нельзя стать жертвой западной одержимости демократией, а с другой – нельзя допустить, чтобы ближневосточная демократия «не имела никакого значения» или значила бы меньше, чем в других частях мира [Dalacoura 2015: 420]. Однако, ни в коем случае не утверждая, что ближневосточная демократия «не имеет значения», мы подчеркиваем, что путь к демократии здесь лежит в первую очередь через сотрудничество с умеренным исламизмом, даже если какое-то время эти

¹² Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – Прим. ред.

исламисты могут получать большинство голосов. А если в таком случае существует опасность проникновения во власть более радикальных исламистов, то, на наш взгляд, автократические режимы предпочтительнее этой опасности. Из двух зол это все-таки меньшее.

Исламизм многогранен, охватывает множество сфер жизни, в этом смысле он тотален (и даже тоталитарен в плане жесткости некоторых предписаний), а также многолик. Вот почему исламизм нельзя искоренить на современном этапе, его можно только перерастить [Bayat 2007; 2013; Hossain 2016; Amin 2017; Holdo 2017]. А для этого требуется длительное время. Можно согласиться, что исламизм, вне зависимости от того, как его определять и какие движения, партии и группы с ним аффилированы, останется политическим актором на национальном, региональном и глобальном уровнях на протяжении еще не одного поколения [Малашенко 2015: 122].

Попытки полностью вытеснить исламистов из легального политического поля ведут к постоянной конфронтации в обществе. Не случайно опыт мусульманского мира, по крайней мере с начала 2000-х гг., демонстрирует провал крайнего секуляризма в таких странах, как Египет, Ирак, Иран, Тунис и Турция. Напротив, Индонезия и Малайзия, скажем, являются позитивным примером вклада, который ислам может внести во внутрисударственные дела в рамках демократического строя, объединяющего различные религиозные, культурные и этнические идентичности.

В любом случае необходимо ясно понимать, что уменьшить опасность радикального, террористического исламизма одной только силовой борьбой с ним невозможно. Можно надеяться, что он пойдет на убыль в случае, если удастся разделить его с умеренным исламизмом и сделать последний более уважаемым, открытым, вовлеченным в нормальную политическую жизнь.

Литература

Гринин Л. Е. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / под ред. А. В. Коротаева, Ю. В. Зинькиной, А. С. Ходунова. М. : ЛИБРОКОМ/URSS, 2012. С. 188–223.

Гринин Л. Е. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс) // Век глобализации. 2013. № 2. С. 63–78.

Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. 2-е изд. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016.

Десилвер Д., Мэсильв Д. Ислам в мире распространен шире, чем вы думаете [Электронный ресурс] : ИноСМИ. 2017. 2 февраля. URL: <https://inosmi.ru/social/20170202/238650227.html>.

Игнатенко А. Ислам и политика. М. : Ин-т религии и политики, 2004.

Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма. М. : Ладомир, 2004.

Коротаев А. В., Гринин Л. Е. Дивергенция и конвергенция в мировой экономике // Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из совре-

менности / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2017. С. 252–308.

Левин З. И. Очерки природы исламизма. М. : ИВ РАН, 2014.

Малашенко А. В. Исламизм как долгосрочный фактор глобальной политики // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Т. 1. Страны Северной и Северо-Восточной Африки / отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М. : Ленанд, 2015. С. 97–126.

Мирский Г. И. Радикальный исламизм: идейно-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, июль 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdai.club.com>.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Царегородцева И. А. Исламский активизм: основные этапы развития идеологии // Исламские радикальные движения на политической карте мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ / под ред. А. Д. Саватеева, Н. А. Нефляшевой, Э. Ф. Кисриева. М. : Ин-т Африки РАН, 2017. С. 93–111.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2018.

Achilov D., Sen S. Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? // *International Political Science Review*. 2017. Vol. 38(5). Pp. 608–624.

Amin H. *Post Islamism: Pakistan in the Era of Neoliberal Globalization*. Lahore : International Islamic University, 2017.

Bayat A. *Islam and Democracy: What is the Real Question?* ISIM Paper 8. Leiden : Amsterdam University Press, 2007.

Bayat A. *Post-Islamism: the Changing Face of Political Islam*. New York, NY : Oxford University Press, 2013.

Calvert J. *Sayyid Qutb and the Origins of Radical Islamism*. New York, NY : Columbia University Press, 2010.

Dalacoura K. Islamism, Democracy and Democratization and the 2011 Arab Uprisings // *Mediterranean Politics*. 2015. Vol. 20(3). Pp. 420–426.

Escobar P. *Jihad 2.0: the Making of the Next Nightmare*. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sputniknews.com/columnists/201705311054159721-jihad-balkans-next-nightmare>.

Goldstone J. A. Great Divergence and Great Convergence in a Global Perspective // *Social Evolution & History*. 2016. Vol. 15(2). Pp. 194–200.

Grinin L., Korotayev A. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. New York, NY : Springer, 2015.

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. *Islamism, Arab Spring and Democracy: World System and World Values Perspectives*. Dordrecht – Heidelberg; New York, NY : Springer, 2018.

Harper A. Leonid Grinin and Andrey Korotayev, Great Divergence and Great Convergence: A Global Perspective // *Journal of Globalization Studies*. 2016. Vol. 7(1). Pp. 152–157.

Holdo M. *Post-Islamism and Fields of Contention after the Arab Spring: Feminism, Salafism and the Revolutionary Youth* // *Third World Quarterly*. 2017. Vol. 38(8). Pp. 1800–1815.

Hooper I. CAIR Welcomes AP Stylebook Revision of 'Islamist'. Council on American-Islamic Relations Press Release 2015. (March 11). Washington, DC: CAIR [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cair.com/press-center/press-releases/11808-cair-welcomes-ap-stylebook-revision-of-islamist.html>.

Hossain A. A. Islamism, Secularism and Post-Islamism: the Muslim World and the Case of Bangladesh // Asian Journal of Political Science. 2016. Vol. 24(2). Pp. 214–236.

Kaplan D. E. The Saudi Connection: How Billions in Oil Money Spawed a Global Terror Network. U.S. News and World Report, December 15. 2003.

Osman T. Islamism: What it Means for the Middle East and the World. New Haven, CT : Yale University Press, 2016.

Poljarevic E. Islamism. The Oxford Encyclopedia of Islam and Politics / ed. by E. El-Din Shahin. Oxford : Oxford Islamic Studies, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://0-www.oxfordislamicstudies.com.mylibrary.qu.edu.qa/article/opr/t342/e0252>.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ БУДУЩЕГО РОССИИ И МИРА*

Бондаренко В. М., Алешковский И. А., Ильин И. В.**

Настоящая статья посвящена определению глобальных ценностей и глобальной цели развития человечества с мировоззренческих позиций и является результатом многолетних эмпирических, политэкономических и мировоззренческих исследований. Авторами предложен новый методологический инструментарий, позволивший выйти на формирование новой парадигмы прогнозирования будущего. Использование нового инструментария дало возможность через определение глобальной цели развития человечества выявить закономерности развития человеческого общества и обосновать необходимость перехода на новую модель устойчивого развития человечества. Фундаментальным результатом исследования стало понимание условий реализации этого будущего для России и глобального мира и возможность предложить долгосрочную стратегию устойчивого развития глобального мира.

Ключевые слова: ценности, цели развития, глобальные ценности, междисциплинарность, критерий эффективности развития, прогнозирование будущего, устойчивое развитие, механизм формирования будущего.

The present article analyzes global values and developmental goals for the humankind in worldview terms and is the result of long-term empirical, economic, political, and philosophical studies. The authors suggest and apply a new methodology that allows defining a new paradigm for the developmental forecasting. The application of the new approach enables us to reveal the laws of societal development and propound a new model of sustainable development via defining the humanity's ultimate goals. The main results of this study consist in understanding of the conditions for achieving the ultimate goal for Russia and for the world in general as well as justifying a long-term strategy for sustainable global development.

Keywords: values, development goals, global values, interdisciplinary approach, effectiveness evaluation criterion, development forecasting, sustainable development, mechanism to form future.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00809.

** Бондаренко Валентина Михайловна – к. э. н., в. н. с. Института экономики РАН, директор Международного фонда Н. Д. Кондратьева. E-mail: bondarenko@ikf2011.ru.

Алешковский Иван Андреевич – к. э. н., доцент, заместитель декана факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: aleshkovski@yandex.ru.

Ильин Илья Вячеславович – д. полит. н., профессор, заведующий кафедрой глобалистики, декан факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: dekanat@fgp.msu.ru.

Введение

Глобальные ценности, так же как и ценности социальных общностей и отдельных индивидов, должны удовлетворить их потребности, желания, интересы в определенных предметах или явлениях. Но современный мир находится в условиях, когда цифровые технологии создают фантастические по скорости возможности в удовлетворении различных потребностей, невзирая на то, какую ценность в иерархии ценностей они собой представляют. Поэтому под влиянием этих же технологий для индивидов, социальных групп и глобального мира в целом нарастают риски и угрозы их существования.

В настоящем исследовании затрагивается проблема определения глобальных ценностей и целей развития человечества, проблема познания будущего и его сущностных характеристик.

Методологические основания познания будущего

В настоящее время большинство стран глобального мира связывают свое будущее с использованием технологий Индустрии 4.0 и развивают цифровую экономику в своих государствах.

В международной практике в самом широком смысле под процессом цифровизации экономики обычно понимается социально-экономическая трансформация, инициированная массовым внедрением и усвоением цифровых технологий, то есть технологий создания, обработки, обмена и передачи информации [Varefoot *et al.* 2018].

Иными словами, цифровая экономика рассматривается как проблема техническая и технологическая для обработки стремительно увеличивающихся массивов данных (так называемых «big data»), как инфраструктурный проект. Но такой подход, имеющий место и в нашей стране, отражает технологическую и техническую стороны цифровой экономики [Программа...] без исследования сути изменения ее сущностных явлений, не затрагивая ценностных оснований.

Наш анализ экономических аспектов цифровой экономики позволил выявить, что намеченные (желаемые) результаты ее развития могут быть получены только при условии, если производство станет адресным, то есть персонализированным, и будет осуществляться по заказу конкретного человека, минуя производство чего-либо лишнего. Но на многие вопросы эмпирический метод ответы не дал, например, какой методологический инструментарий необходимо использовать или какой требуется разработать, чтобы подтвердить или опровергнуть полученный результат эмпирических (экономических) исследований.

Поиск ответа в рамках политэкономического этапа исследований привел к пониманию того, что основные формы бытия суть пространство и время. Бытие вне времени есть бессмыслица, как бытие вне пространства. Следовательно, за обобщающий показатель, характеризующий позитивное или негативное движение относительно цели, надо принять время. Но для этого следовало определить цель.

В рамках политико-экономического понимания цель формулируется основным экономическим законом – законом удовлетворения все возрастающих потребностей человека, или законом целеполагания. Углубленный политико-экономический анализ различных аспектов развития цифровой экономики показал невозможность достижения этой цели. При такой цели выполнение закона возвышения потребностей говорит о том, что человечество создает потребитель-

ское общество. Использование цифровых технологий лишь ускоряет его создание, в этом обществе одна удовлетворенная потребность станет рождать новую, и так будет продолжаться бесконечно до тех пор, пока не исчерпаются все ресурсы, но цель достигнута не будет.

Следовательно, политэкономический подход приближает нас к пониманию аспектов развития цифровой экономики, но не дает однозначного ее определения и ответа на вопрос, какой должна быть модель отношений между людьми, а также не дает полного ответа, способствующего пониманию будущего.

Поэтому в ходе исследования возникла потребность в мировоззренческом понимании закономерностей в развитии человеческого сообщества, а это значит, что прежде всего необходимо было разработать такой методологический инструментарий, который позволил бы выявить объективные, независимые от воли и сознания людей глобальные ценности и цели развития человечества. И уже на этой фундаментальной основе полностью сформировать объективное понимание будущего, которое не войдет в противоречие с достижениями научно-технологического прогресса, в том числе с цифровыми технологиями, а, наоборот, может обеспечить бескризисное развитие на пути достижения выявленных целей развития.

Следует отметить, что ответ на этот вечный вопрос пытались найти многие исследователи как прошлого, так и современности. В их числе немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии Иммануил Кант [1966], авторы докладов Римскому клубу Эрвин Ласло [Goals... 1977] и Ян Тинберген [Reshaping... 1976: 21], американский ученый, социолог и политолог Рональд Инглхарт [Inglehart 2015]. Генеральная Ассамблея ООН определила в 2000 г. 8 Целей развития тысячелетия [ООН 2000] и в 2015 г. – 17 Целей устойчивого развития [ООН 2015].

Авторами была поставлена задача – определить такую цель развития, которая не могла бы стать подцелью цели более высокого порядка в рамках земного существования человека.

Определение глобальной цели развития

Поиск общечеловеческой цели развития с мировоззренческих позиций показал, что развитие человеческого сообщества происходит ради достижения единой конечной цели. А именно – удовлетворить высшую потребность, высшую ценность каждого конкретного человека: стать совершенным в физическом, интеллектуальном, духовном плане и иметь высокий уровень сознания. Получается, что высшей ценностью является сам человек и возможность достижения им своего совершенства.

Теперь мы видим, что будущее основано на принципе единства человеческого сообщества, имеющего общее целеполагание, общую ценность и жизненную мотивацию выхода на новый путь развития всего мирового сообщества и каждого конкретного человека в отдельности.

Но для понимания будущего, кроме выявления целеполагания, перед авторами данной статьи встала еще одна проблема – необходимость рассматривать развитие всей глобальной человеческой системы и любой ее подсистемы с позиций *целостности, системности, комплексности и на базе междисциплинарного подхода*. То есть с позиции того, что мир един, что законы природы и общества, несмотря на имеющиеся различия, в определенном смысле тоже едины – они объек-

тивны, с необходимостью проявляются и реализуются независимо от людей, их нельзя отменить. Кроме того, мир является целостной системой и может быть познан только при объединении всех наук и духовных знаний в единое системное, целостное междисциплинарное, вернее, трансдисциплинарное знание. *Самым главным в междисциплинарном исследовании развития глобального мира является то, что оно должно осуществляться с позиции научно выявленной цели этого развития. Только таким образом минимизируется задача поиска и устраняются хаос, сложность и неопределенность в понимании развития глобальной человеческой системы.*

Следует учитывать, что проблема ценностей, в том числе и глобальных, сегодня является объектом исследования разных ветвей знания: философии, социологии, культурологии, истории и даже психологии. Такое разорванное, системно не объединенное знание по отношению к цели позволило ученым утверждать, что кризисы – необходимое условие развития, и не позволило решить задачу их преодоления, в том числе и для поиска модели будущего, то есть возникновения нового состояния глобального мира и каждой страны в отдельности.

Рассмотрение развития с позиций *целостности, системности, комплексности и на базе междисциплинарного подхода* дает ключ к пониманию закономерностей в развитии человеческого сообщества. Этот подход позволяет понять, что такие негативные явления, как хаос, сложность, неопределенность и кризисы, – это свойства самого бытия человеческого сообщества, свойства существующей во времени реальной фазы его развития, которые отражены в научных моделях – двух парадигмах развития (см. следующий раздел настоящей статьи). Будущее за той парадигмой, в которой учитываются объективные закономерности развития и формируются все условия развития, способствующие достижению его глобальной цели и преодолению всех негативных явлений.

Далее было выявлено, что единственным показателем, с помощью которого стало возможным измерять и сопоставлять все процессы и явления по отношению к глобальной цели развития, может быть только «время». И уже на основе этого единого показателя был получен единый критерий эффективности для всей человеческой системы и любой ее подсистемы в любом разрезе – это «время между достижением глобальной цели развития и той реальностью, где мир и все его части находятся». Если «время между» сокращается, не возвращаясь вспять, и эволюционно приближается к нулю, это значит, что развитие идет без кризисов. Данный показатель свидетельствует также о том, что мир объективно приближается к достижению глобальной цели, то есть к полной реализации своего будущего, а каждый человек достигает своего совершенства. А если показатель времени возрастает, то это означает, что мировое сообщество и отдельные его части находятся в разных временных пространствах «между», ценности становятся разными, все чаще несовместимыми, и договориться друг с другом не представляется возможным. За этим неизбежно следует нарастание конфликтов вплоть до военных столкновений. Сейчас мы являемся свидетелями пика таких отношений – мы находимся на грани развязывания глобальной войны во всех ее проявлениях. Более того, сейчас все человечество, страны, сообщества и конкретные люди распределены на оси времени между возникновением потребности в реализации цели и ее удовлетворением в разных точках, в разных временных пространствах. Поэтому у них могут быть совершенно разные уровни сознания, и, следовательно,

несопоставимые друг с другом ценности. Согласовать все разнонаправленные интересы чаще всего не представляется возможным, а значит, невозможны достижение глобальной цели развития и приближение будущего.

Закономерности развития человеческой системы

Наши исследования выявили, что весь многовековой путь развития человеческого сообщества состоит лишь из двух фаз развития человеческой системы, которые отражены в соответствующих научных моделях – парадигмах ее развития:

– первая парадигма – между производством и потреблением существует непосредственная связь;

– вторая парадигма – между производством и потреблением связь опосредована [Bondarenko 2014; Bondarenko *et al.* 2017].

Весь путь развития человеческого сообщества условно можно разделить на три этапа.

Первый этап характеризуется преобладанием социального устройства, описанного первой парадигмой развития, выражающейся в непосредственной взаимосвязи между производством и потреблением. Все, что производилось на том уровне ручного труда, которым начинало овладевать человечество, им же и потреблялось. Следовательно, время между возникновением потребности конкретного человека и ее удовлетворением было минимальным. Это доиндустриальный тип производства для себя и по заказу для конкретного потребителя на уровне домохозяйств (ремесленники). Развитие человеческого сообщества по отношению к цели происходило стихийно.

С появлением простейших технологий, с разделением труда, с появлением рынка, класса посредников (купцы) и всеобщего эквивалента обмена результатами этого труда – денег, с постепенной территориальной экспансией и развитием внешней торговли происходит трансформация непосредственной взаимосвязи производства и потребления в опосредованную связь. Формируется второй этап развития, описанный второй парадигмой. Его развитие во времени и пространстве ускоряется с переходом на индустриальные технологии. Формируется массовое индустриальное производство конвейерного типа с развитием внутренней и внешней торговли и территориальной экспансией до глобального уровня, а также массовое потребление. Производство и торговля ориентируются на массового абстрактного потребителя через стихийную, архаичную, рыночную, опосредованную удлинением времени и пространства форму связи с конкретным человеком с единственной целью – получение максимума прибыли. В этих условиях неопределенность потребления привела к возникновению, а затем к глобальному нарастанию диспропорции во времени производства и времени обращения товаров и денег и к их полной десинхронизации. Время обращения многократно превышает время их производства. Произошел колоссальный отрыв динамики движения материально-вещественных факторов производства, несмотря на многократное возрастание их объема, от их денежной формы, как реальной, так и виртуальной.

Сегодня развитие по отношению к цели происходит стихийно, эволюция сменяет инволюцию и наоборот. Поэтому кризисы, хаос и сложность, а также все другие негативные явления в развитии человеческого сообщества в существующей парадигме развития воспроизводятся, но уже в других, глобальных масштабах и с еще большей возможностью катастрофического финала. Сегодняшняя об-

становка в России и во всем глобальном мире – это вершина данной парадигмы развития. Все это свидетельствует о том, что существующая модель развития человечества полностью себя исчерпала и в настоящее время является объективным базисом и источником абсолютно для всех кризисных и негативных явлений, экономических и санкционных противостояний, природных аномалий и катастроф, терроризма, нелегальной миграции и дипломатических, торговых, информационных, кибер- и реальных войн с человеческими жертвами и материальными потерями. Все события, связанные с миграционными процессами граждан разных национальностей из стран, где условия жизни или перспективы хуже, чем в странах, куда они стремятся попасть на постоянное место жительства [Алешковский 2014], особенно с нелегальной миграцией, масштабы которой с середины XX в. значительно возросли и тем самым резко обострили свойственные ей дисбалансы в обеспечении национальной безопасности государств [Он же 2017], – все это звенья одной цепи, продукт существующей модели развития. Фактор времени в этой парадигме человеческих отношений играет самую негативную роль. Поэтому сегодня во всех странах созрел колоссальный запрос на изменения. Но в этот переходный период очень важно иметь научное, фундаментальное понимание выбора пути этих изменений.

Появление в 1970-х гг. информационных технологий, обеспечивающих возможность установления непосредственной коммуникации с потребителем и гибких производственных систем, перенастраиваемых под конкретный заказ в реальном времени, не изменило эту парадигму развития, не закрепило едва появившуюся возможность установления непосредственной связи между производством и потреблением и согласование интересов между ними. Информационные технологии стали самоцелью развития для сбора, хранения и обработки огромных массивов информации и средством создания глобальных рынков.

Между тем только с появлением цифровых и других технологий XXI в. производство может снова ориентироваться на удовлетворение потребностей каждого конкретного человека, не производя ничего лишнего, и на создание условий цифрового равенства в доступе к благам при максимальном их разнообразии. Ведь только цифровое равенство между конкретными людьми, равный доступ к благам цивилизации на основе заказа и согласование их интересов на каждом местном уровне в режиме самоуправления позволят устранить все системные недостатки в социально-экономическом развитии России и каждой страны мира, а также обеспечить равенство между местными уровнями, входящими в тот или иной регион. Далее, обеспечивая равенство между регионами и странами, цифровое равенство обеспечит изменения на глобальном уровне, но не наоборот.

Это значит, что наметился переход к первой фазе социально-экономического устройства жизни людей, описанного в первой парадигме развития человеческой системы, и очень важно его не пропустить. Речь идет о той парадигме, в которой производство может снова ориентироваться на удовлетворение потребностей каждого конкретного человека, не производя ничего лишнего, но это производство будет разворачиваться на новом постиндустриальном уровне, в основе которого будут лежать, например, аддитивные технологии, позволяющие осуществить персонализированное, быстрое в реальном времени производство любых групп товаров для конкретного потребителя.

Возможные модели будущего развития России и мира

Исследования с позиций мировоззренческого подхода показали, что переход к новой реальной модели развития становится возможным только в условиях технологической революции Индустрии 4.0. Во всех странах мира стремительно внедряются в жизнь порожденные ею различные цифровые устройства, искусственный интеллект, Интернет вещей, био-, нейро- и другие технологии XXI в. В этих условиях возможны три модели развития человеческой системы, в каждой из которых по-разному будут складываться условия развития и отношения между государством (властью), обществом, бизнесом и конкретным человеком в связи с выбором разных целей.

Первая модель. Общество осознанно или неосознанно выбирает разные цели развития. Наряду с этим узкой группой лиц ставятся свои собственные цели.

Все группы целей разнонаправлены. Развитие будет идти методом проб и ошибок, будущее неопределенно, то есть момент достижения сингулярности как точки невозврата в достижении разных целей и переходе на новую социально-экономическую модель развития может и не наступить. Но это будет очень растянуто во времени, и использование цифровых и других технологий в этой модели, работающих в режиме ускорения, будет сопровождаться большими человеческими и ресурсными потерями и может привести к апокалипсису. Следовательно, движение к будущему станет происходить очень медленно, с неоднократным возвратом на ранее достигнутые позиции или даже разрушая их. В этом случае выявленная нами глобальная цель развития может оказаться недостижимой.

Вторая модель. Развитие идет в условиях существующей сегодня системы и осознанно в интересах узкой группы людей, принятой ими цели развития и исповедуемых ими ценностей. В такой модели просматривается тенденция возникновения технологической сингулярности, сердцевинной которой являются искусственный интеллект и цифровые, биологические и другие технологии манипулирования и управления человеческим сознанием. Конечная цель в такой модели – контроль над всем миром для извлечения максимума прибыли. Риски для государств, общества в целом и человека возрастают, и переход на новую социально-экономическую систему развития делается невероятным. В этой модели человеческих отношений становится еще более возможным возникновение таких явлений, как идеология «Исламского государства»^{***}, которая формирует свои ценности и привлекательна для многих, особенно для молодежи.

Все сказанное выше подтверждается тем, что сегодня сложились условия, когда цифровая революция и другие высокие технологии XXI в., кроме своих положительных сторон, несут колоссальные угрозы, вплоть до угроз существованию человечества. Большинство из них сегодня уже хорошо известны, они обсуждаются в России и за рубежом. И это подтверждает возможность формирования второй модели развития, теоретически полученной с помощью мировоззренческого понимания закономерностей развития человеческой системы. Отсюда мы видим, что в этой модели развития будущее, в котором создаются условия для того, чтобы каждый конкретный человек стал совершенным, недостижимо. Следовательно, апокалипсис неизбежен.

^{***} Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – Прим. ред.

Третья модель. Развитие идет осознанно, с пониманием конечной цели и в интересах каждого конкретного человека, живущего в России и в других странах. Ориентация на интересы конкретного человека и их согласование в реальном времени позволяет за счет осуществления с помощью цифровых технологий производства по его требованию, не производящего ничего лишнего, сохранить ресурсы в первоначальном состоянии. Появится свободное время для собственного совершенствования, и все это явится единственно возможным условием, способным мотивировать каждого человека, особенно молодого, на обеспечение ускоренного и устойчивого развития по отношению к цели. В этом случае технологическая (цифровая) сингулярность синхронизируется с сингулярностью формирования новых отношений между людьми и осознанием ими необходимости эволюционно, без поворотов вспять приближать момент достижения цели глобального развития.

Сейчас мир находится между первой и второй моделями. Но стремительное внедрение в жизнь различных технологий, цифровых устройств, искусственного интеллекта, био-, нейро- и других технологий XXI в. с одновременным обострением международных отношений, миграционных процессов, санкционных, торговых, дипломатических войн и других негативных явлений вокруг России, между США и Китаем, США и Европой и т. п. ускоренно приближают мир ко второй модели развития. Роботизация во всех сферах делает лишним даже человека высокого ранга. Искусственный интеллект с учетом невероятной скорости перебора данных прошлого может выдать совершенно непредсказуемое решение в настоящем. *Следовательно, государства и их первые лица для собственного сохранения и сохранения своих народов, для обеспечения всеобщей безопасности и перехода на устойчивое развитие должны озаботиться прежде всего решением задачи формирования третьей модели развития и стратегии ее достижения.*

Условия формирования третьей модели развития России и мира

На концептуальном уровне условия формирования третьей модели развития современного мира представляются следующим образом.

Во-первых, спрогнозировав будущее из будущего, в котором время приблизилось к нулю в достижении цели глобального развития – человеку стать совершенным и прийти к высшему разуму, власти каждой страны и общество в целом впервые получают возможность разрабатывать единую для всего мира стратегию своего развития не просто на долгосрочную перспективу, а на всю перспективу, пока не будет достигнута глобальная цель, – каждому конкретному человеку стать совершенным в физическом, интеллектуальном, духовном плане, с высоким уровнем сознания и достигнуть высшего разума. Во-вторых, общество и государство получают возможность управлять только «временем между», обеспечивая его непрерывное сокращение по отношению к глобальной цели. Отсюда делаем вывод, что управлять «временем между» – это значит управлять развитием. Для этого надо перейти на непосредственные отношения между людьми, которые будут базироваться на персонализации производства на основе заказа конкретного человека, не производя ничего лишнего. Осуществить этот переход становится возможным только с помощью цифровых и других высоких технологий XXI в.

Достижение глобальной цели возможно не просто при переходе на новые отношения с помощью технологий XXI в., но при обязательном переходе на каждом

местном уровне на новую модель жизнеустройства с одновременной разработкой механизма ее реализации. Последним является механизм согласования интересов между государством, обществом, бизнесом с интересами каждого конкретного человека в реальном времени и вся ИКТ-инфраструктура связи между ними. И этот же механизм является механизмом становления безопасной для человека цифровой экономики.

Только в этом случае согласование их интересов на каждом местном уровне в режиме самоуправления и в реальном времени позволит устранить диспропорции, десинхронизацию всех процессов во времени и в пространстве. Далее по цепочке будет достигаться цифровое равенство между регионами и будут устраняться диспропорции в развитии как в регионах, странах, так и в мире в целом. Сначала все интересы согласуются на каждом местном уровне, на следующий уровень будут передаваться только те проблемы, которые на местном не представляется возможным решить. Таким образом, до верхнего межгосударственного уровня могут передаваться только проблемы стратегического значения, которые на предыдущем уровне не решаются. Данный подход позволит воплотить в жизнь систему стратегического планирования и управления по отклонениям. Не из центра по вертикали вниз, а наоборот: от конкретного человека на местном уровне и обратно к нему и только по одному стратегическому показателю – «время между». Такая модель управления является чрезвычайно гибкой, так как не приспосабливается к тому, что происходит сегодня в быстроразвивающемся и меняющемся мире, а строится на однозначном понимании будущего из будущего и механизме его достижения.

Это осуществимо при условии осознания правительствами того факта, что стремительное внедрение в жизнь различных современных технологий ускоренно приближает весь мир ко второй модели развития, и попыток формирования третьей модели развития.

Вывод о доминировании второй модели развития приводится в новом докладе Римского клуба «Come on!» [von Weizsäcker, Wijkman], выпущенном в 2017 г. Изложенные Е. фон Вайцеккером и А. Вийкманом на 220 страницах книжного текста концепции носят антиглобалистский характер и де-факто требуют смены всего способа производства и потребления современного человечества. В январе 2018 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе были названы наиболее вероятные риски для мировой экономики: 1) экстремальные погодные явления; 2) стихийные бедствия; 3) кибератаки; 4) мошенничество с данными или их кража; 5) неспособность справиться с неблагоприятными последствиями изменений климата; 6) масштабная вынужденная миграция; 7) рукотворные природные бедствия; 8) террористические атаки; 9) незаконная торговля; 10) пузыри на рынках активов ключевых экономик [Шваб 2017].

На концептуальном уровне стратегию формирования третьей модели развития для России и всех остальных стран мира можно показать на примере достижения 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), провозглашенных ООН.

Считается, что ЦУР формируют образ будущего мира. А если они, как и предыдущие 8 Целей развития тысячелетия, которые также создавали образ будущего, не будут достигнуты? Следовательно, стратегия их реализации – стратегия формирования третьей модели развития. А именно:

1. Мировое сообщество принимает единую глобальную цель развития – человеку стать совершенным в физическом, интеллектуальном, духовном плане, достигнуть высокого уровня сознания и прийти к высшему разуму.

2. 17 Целей и остальной круг потребностей человека при максимальном их разнообразии, но не входящих в противоречия с глобальной целью развития, рассматриваются как подцели цели более высокого порядка.

3. Прогнозный горизонт – не 2030 г., а вся долгосрочная перспектива, пока не будет достигнута цель.

4. Сбалансированность всех компонентов устойчивого развития человеческой системы обеспечивается, во-первых, целостным, системным, комплексным подходом и, во-вторых, объединением всех наук и духовных знаний в единое междисциплинарное знание в понимании достижения глобальной цели.

5. Вместо 169 задач ЦУР решается только одна задача – сформировать на каждом местном уровне новую модель жизнеустройства с одновременной разработкой механизма ее реализации. Последним является механизм согласования интересов между государством, обществом, бизнесом с интересами каждого конкретного человека в реальном времени, на каждом местном уровне каждого из государств. На уровень ООН они поступают как сумма согласованных интересов на региональном и государственном уровнях или с минимумом несогласованных интересов для их решения.

6. Вместо контроля за 338 глобальными показателями, помноженными на показатели региональных и национальных уровней, следует управлять достижением единой ЦУР только «временем между» ее достижением и той реальностью, где находятся каждая из стран и мир в целом. Благодаря этому будут обеспечены непрерывное сокращение «времени между» и все ускоряющиеся темпы приближения реализации глобальной цели развития.

Таким образом, с помощью технологий XXI в. впервые может возникнуть экономика согласованных интересов между государством, обществом, бизнесом и интересами конкретного человека в реальном времени на каждом местном уровне, где все направлено на достижение объективно заданной цели – совершенство человека. И это единственно возможная движущая сила, которая создаст мотивацию для повышения каждым человеком своего собственного интеллектуального потенциала и своей производительности труда, тем самым обеспечивая качество жизни не граждан вообще, а каждого конкретного человека.

В свою очередь, это позволит решить задачу значительного снижения зависимости экономик разных стран от санкций, торговых войн, нелегальной миграции и других вызовов современности. Каждым человеком будут генерироваться новые знания в интересах как всего общества, так и своих собственных. За счет сокращения производства никому не нужной продукции и генерации идей каждым конкретным человеком будут созданы все условия для ускоренного прорыва в будущее. В то будущее, в котором интересы людей станут самым главным приоритетом для государств.

Выводы

Таким образом, в настоящей работе представлены новые методологические основания для определения глобальных ценностей и глобальной цели развития человечества как единой цели для разработки и реализации стратегии формирования будущего всех стран мира, а также механизма его достижения.

Показано, что выстраивать (прогнозировать) весь путь достижения этого будущего, при этом минимизируя затраты, можно только из будущего [Бондаренко 2008; 2011]. То есть из того момента времени в будущем, когда объективно заданная цель – каждому человеку стать совершенным в физическом, интеллектуальном, духовном плане, иметь высокий уровень сознания и прийти к высшему разуму, – уже достигнута. Следовательно, развитие должно пойти не методом проб и ошибок, а осознанно, с пониманием конечной цели, а также в интересах каждого конкретного человека, живущего на планете.

И прогнозный горизонт не ограничивается каким-либо определенным годом, а предполагает всю долгосрочную перспективу, вплоть до достижения глобальной цели. Отсюда вытекает, что глобальные ценности, как и ценности сообществ людей и индивидов, нельзя декларировать, конструировать, проектировать, формировать. Они не будут реализованы. Весь многовековой опыт это подтверждает. Глобальные ценности будут приняты и согласованы только тогда, когда они станут производными единой объективно заданной глобальной цели развития.

Исходя из проведенных исследований, можно заключить, что ключевая роль правительств стран современного мира должна заключаться в синхронном создании новой среды человеческого бытия, адекватной высоким технологиям XXI в. Это единственно возможное условие эволюционно, без возвратов вспять, перейти на развитие без кризисов, устранить все причины возникновения рисков, обеспечить безопасность личности, малой территории, где живет человек, региона, государств и мира в целом. Стратегическая задача в формировании будущего всего глобального мира и каждой из стран в отдельности – обеспечить достижение научно обоснованной глобальной цели развития. При этом глобальные ценности будут согласованы и реализованы только тогда, когда они станут производными глобальной цели развития человечества.

Литература

Алешковский И. А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. 2014. № 2. С. 129–136.

Алешковский И. А. Глобализация международной миграции: социальные проблемы и политические последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2017. Т. 17. № 2. С. 213–224.

Бондаренко В. М. Прогнозирование будущего сквозь призму новой методологии познания, или Прогнозировать будущее можно только из будущего // Прогнозирование будущего: новая парадигма / под ред. Г. Г. Фетисова, В. М. Бондаренко. М. : Экономика, 2008. С. 220–270.

Бондаренко В. М. Контуры экономики будущего и настоящего: две парадигмы развития // Вестник Института экономики РАН. 2011. № 2. С. 25–38.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант // Избранные произведения: в 6 т. Т. 6. М. : Мысль, 1966.

ООН 2000. Цели развития тысячелетия ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unrussia.ru/ru/millennium-development-goals> (дата обращения: 30.05.2018).

ООН 2015. Цели в области устойчивого развития ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 30.05.2018).

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 01.10.2018).

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2017.

Barefoot K., Curtis D., Jolliff W., Nicholson J. R., Omohundro R. Defining and Measuring the Digital Economy. Working Paper 3/15/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bea.gov/sites/default/files/papers/defining-and-measuring-the-digiteconomy.pdf> (дата обращения: 01.10.2018).

Bondarenko V. Transition to Crisis-free Development: a Myth or Reality? // World Futures. 2014. Vol. 70. No. 2. Pp. 93–119.

Bondarenko V. M., Ilyin I. V., Korotayev A. V. Transition to a New Global Paradigm of Development and the Role of the United Nations in this Process // World Futures. 2017. Vol. 73. No. 8. Pp. 511–538.

Goals for Mankind. A Report to the Club of Rome on the New Horizons of the Global Community / ed. by E. Laszio. New York : Dutton, 1977.

Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. Princeton : Princeton University Press, 2015.

Reshaping the International Order. A Report to the Club of Rome / ed. by J. Tinbergen. New York : Dutton, 1976.

Weizsäcker E. von, Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome [Электронный ресурс]. URL: https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГАРМОНИЗАЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ ПРЕДЕЛЬНЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ И СЕТЕВЫХ РАВНОВЕСИЙ

Кожевников Н. Н., Данилова В. С. *

Глобализация и глобальные процессы рассмотрены с точки зрения трех фундаментальных пределов: идентификации, коммуникации, ритмов мировой гармонии, которые являются ядром системы координат мира на основе динамических и сетевых равновесий детерминистического хаоса. Глобализоваться может только нечто предварительно идентифицированное, сформировавшееся, равновесное. Коммуникация и устойчивые ритмы мировой гармонии также должны стремиться к динамическим равновесиям, что обеспечивается взаимосвязью между всеми уровнями глобальных процессов в культурно-цивилизационных сетях в контексте постнеклассического универсализма.

Ключевые слова: открытое образование, природа, культура, самоорганизация, диалог, взаимодействие, порядок, хаос, динамические равновесия, сетевая ячейка.

The article considers globalization and global processes from the point of view of three fundamental limits: identification, communication-network, and rhythms of world harmony, which are the core of the world's coordinate system based on dynamic and networks equilibria of deterministic chaos. It is stated that only something previously identified, formed, and balanced can globalize. The communication and stable rhythms of world harmony should also strive for dynamic equilibria, which are ensured by the interconnection between all levels of global processes within cultural and civilizational networks in the context of post-non-classical universalism.

Keywords: open formations, nature, culture, self-organization, dialogue, interaction, order, chaos, dynamic equilibria, network cell.

Введение

Развитие представлений о глобализации и методах глобалистики наиболее перспективно рассматривать в контексте представлений о системе координат ми-

* Кожевников Николай Николаевич – д. ф. н., профессор Северо-Восточного федерального университета, г. Якутск. E-mail: nikkozkh@gmail.com.

Данилова Вера Софроновна – д. ф. н., профессор Северо-Восточного федерального университета, г. Якутск. E-mail: vsdaniilova@gmail.com.

ра, возникающей посредством самоорганизации на основе предельных равновесий, обусловленных детерминистическим «порядком-хаосом», и охватывающей все уровни иерархии мира. В мире не может не быть системы координат, возникшей естественным путем, относительно которой происходит его дальнейшее развитие. Несмотря на всю его сложность, он удивительно организован, целесообразен, оптимален, устойчив; все его уровни связаны общекосмическим круговоротом вещества, энергии, информации [Кожевников 2018а].

Мир, окружающий современное человечество, с каждым годом становится все более и более сложным. «Вместе с тем не только в общественном сознании, но и в научном сообществе все еще отсутствует понимание того, что и трансформировавшийся таким образом мир, в котором мы живем, и имманентно связанная с ним глобализация вкупе с ее всевозможными последствиями не могут быть адекватно поняты иначе, нежели через призму единства и целостности этого мира... Под влиянием процессов глобализации мировое сообщество практически по всем параметрам общественной жизни все больше становится единой целостной системой, тогда как механизмов управления, адекватных этой целостности, нет» [Чумаков 2010: 4].

В настоящее время формируется общепланетарная реальность, основанная на взаимодействии всех геосфер, биосферных и цивилизационных оболочек. Сложное виртуальное единство социосферы, техносферы, антропосферы, культуросферы, инфосферы обеспечивается сочетанием естественного и искусственного, материального и идеального при доминировании планетарной духовности. Подход, основанный на системе координат мира, способен охватить все особенности глобальных процессов, происходящих в этой общепланетарной реальности, коррелируя с концепциями постнеклассического универсализма, ноосферогенеза и т. п.

Актуальность настоящей работы заключается в том, чтобы связать социально-гуманитарные процессы современного мира с предельными динамическими равновесиями, соответствующими планетарному и космическому порядкам.

Методология исследования

Любой объект мира (природное или культурное образование) может быть рассмотрен с точки зрения предельных динамических равновесий, поскольку все они стремятся к трем предельным фундаментальным равновесиям: идентификационному (I – предел), коммуникационно-сетевому (C – предел) и ритму мировой гармонии (K – предел), никогда их не достигая вследствие противодействия окружающей среды. Однако каждый этап процесса изменения любого природного или культурного образования можно сопоставить с промежуточными динамическими равновесиями F , H , G , связанными с I , C , K калибровочными соотношениями. Ячейка F , H , G является внутренней для природного или культурного образования и может быть устойчивой только в калибровочных узлах динамических равновесий [Кожевников 2018б].

Согласно основной идее естественной системы координат мира, все природные и культурные образования и их структуры могут быть связаны с предельными фундаментальными равновесиями трех типов (I , C , K) посредством соответствующих взаимодействий. Процесс состояний природного или культурного образования, характеризующий его развитие (изменение), можно представить как

перемещение ячейки F , H , G в соответствующем феноменологическом пространстве» [Kozhevnikov, Danilova 2016].

Первое (идентификационное) предельное динамическое равновесие обусловлено тем, что любой объект мира (природное или культурное образование) стремится к самоидентификации. Элементарные частицы связываются в химические элементы, газовые туманности превращаются в звезды, планетарные системы, галактики. Живое существует в виде отдельных организмов, особей, популяций, обладающих значительным биотическим потенциалом.

Второе предельное равновесие – коммуникационно-сетевое. Особь, индивид определяются через потоки информации, которыми все уровни живого обмениваются между собой; личность – через систему взаимоотношений, диалога; культуры – через диалоги и взаимоотношения отдельных индивидов и их групп. Человек не может не коммуницировать, это его естественное состояние. Коммуникационно-сетевое равновесие рассматриваемого объекта делает его способным взаимодействовать со всеми сферами сущего: от мира неживого до сферы духовного.

Третье предельное равновесие связано с ритмами мировой гармонии. Все устойчивые природные или культурные образования опираются на ритмы динамических равновесий. Человек связан с окружающей его средой циркадианными ритмами (их более ста), определяемыми периодами вращения Земли, Солнца, ритмами галактики, метagalaktiki и т. п. Все выдающиеся религиозные тексты, произведения литературы, искусства имеют устойчивые внутренние ритмы, соотношенные с ритмами мировой гармонии.

Система координат взаимодействует с открытыми природными и культурными образованиями, имеющими тенденцию к самоорганизации, саморазвитию, диалогу, взаимодействию с параметрами «порядка-хаоса» динамических равновесий [Kozhevnikov, Danilova 2018].

Процессы глобализации с точки зрения фундаментальных предельных равновесий

Рассмотрим глобализацию и глобальные процессы с точки зрения трех фундаментальных предельных равновесий (идентификации, коммуникации, ритмов мировой гармонии), которые образуют друг с другом единое гармоничное целое. Во-первых, такой предельный взгляд включает в себя масштаб самой планеты, ее геосфер, с точки зрения которого отсеивается все второстепенное, и позволяет выявить основные тенденции в планетарных и общечеловеческих процессах. Во-вторых, все предельные динамические равновесия, соответствующие конкретным природным (культурным) образованиям и соразмерным им масштабам, оказываются связанными друг с другом. Если в процессе исследования постоянно возвращаться к предельно-равновесным параметрам системы координат, то все особенности и свойства рассматриваемых процессов постепенно будут выявлены. Именно такой подход способен обеспечить полноценное, всестороннее исследование всей сложности окружающего нас мира. Культуры, религии, экономика, финансы и все другие сферы человеческой деятельности имеют свои идентификацию, коммуникацию, ритмы (циклы), что связывает их с системой координат мира.

Идентификация – первичное понятие, без которого никакая глобализация невозможна. Глобализироваться может только что-то определенное, предваритель-

но сформировавшееся, без этого глобальные процессы приведут к хаосу и беспорядку. В основе всех действительно значимых продуктов окружающего мира и человеческого духа лежит уникальная самоидентификация. Многие природные или культурные образования не смогли осуществить подобную идентификацию, однако ее можно завершить мысленно, получить соответствующие модель и ориентиры, которые обеспечат направленность процесса исследования на целостность и всесторонность.

Вторая важнейшая тенденция – все природные или культурные образования в природе, социуме, гуманитарной сфере стремятся к коммуницированию. Для индивидуума диалог, согласно исследованиям М. М. Бахтина, предшествует монологу. Культуры могут существовать только потому, что они коммуницируют благодаря активности создающих их людей. Цивилизации также должны коммуницировать, и это единственный путь для дальнейшего развития человечества. Система координат на основе предельных динамических равновесий может сделать эту коммуникацию максимально укомплектованной по всем возможным типам взаимодействий и, следовательно, равновесной.

Однако только идентификация и коммуникация не могут обеспечить устойчивого взаимодействия человечества между его подсистемами и с окружающей средой. Для этого необходим третий компонент системы координат мира – устойчивые ритмы мировой гармонии. Ритмы могут объединять самые различные объекты и образования мира, поскольку способны проникнуть в любую сферу социума, духа, охватить любые процессы и явления. Все оптимальные равновесные состояния этих процессов имеют свои ритмы, и чем они ближе к фундаментальным ритмам мировой гармонии, тем эти равновесия устойчивее. Любой ритм природного и культурного образования стремится оптимизироваться, обрести все большую устойчивость, включиться в более общую иерархию ритмов и ритмокаскадов.

Ритмы и ритмокаскады пронизывают весь мир, и то, что он не погиб, а продолжает успешно эволюционировать, свидетельствует, что устойчивые и оптимальные ритмы, связанные с мировой гармонией, превалируют над разрушительными тенденциями. Человек вовлечен в ритмы, которые определяются вращением Земли, Солнца и другими циклическими процессами. Культурно-цивилизационные системы опираются на культурно-цивилизационные волны (ритмы) и культурно-цивилизационно-сетевые ячейки, которые способны обеспечить их дальнейшее развитие. Человечество глобализирующегося мира все теснее взаимодействует с культурно-цивилизационными сетями, включающими в себя научные, образовательные, информационные, экономические, финансовые и другие их разновидности. Такие сети будут устойчивыми, только если их ячейки будут ориентироваться на описанные выше пределы, то есть каждая такая ячейка должна уравнивать свои идентификацию, коммуникацию и внутренние ритмы сети, изоморфные ритмам мировой гармонии. Эти сети связаны с системой координат мира посредством калибровочных отношений, что позволит исследовать основные культурно-цивилизационные сетевые модели на всех уровнях их структурной организации.

Вышесказанное позволяет углубить представления о фундаментальных аспектах современной глобалистики, в частности, о регулировании глобальных процессов и акторском аспекте как важном компоненте глобализации. А. Н. Чумаков,

рассматривая управление глобальными процессами и их регулирование, обосновывает, что в современном мире возможно только последнее [Чумаков 2018: 309–411]. Однако регулирование тоже не всегда можно организовать. Глобализация ориентирована на естественные объективные процессы. Но вследствие попыток использовать глобализацию в различных корыстных целях к ней присовокупляются различные внешние, несвойственные ей дополнения. Следовательно, задача современного человечества – направить глобализацию в русло аутопоэзиса на основе описанной выше системы координат предельных равновесий, помочь ей с самоорганизацией посредством ее гармонизации. Что касается акторского аспекта, то, как отмечает Э. Киш, «это не новый, еще неизведанный силовой центр и не мировое правительство, но, по сути, качественно новая система отношений между акторами» [Киш 2010: 22]. Подход, основанный на системе координат мира, допускает участие в нем многих акторов. Условием их участия в этом подходе является связь с предельными динамическими равновесиями. Тогда все соответствующие им уровни оказываются связанными и гармонизированными.

Глобализация и постнеклассический универсализм

Система координат мира позволяет по-новому взглянуть на современный универсализм, опирающийся на общепланетарный синтез различных сфер человеческой деятельности, концепцию открытой рациональности, взаимодействие научных и вненаучных подходов, когнитивных и ценностных параметров знания, тесную взаимосвязь объяснения и понимания, западного и восточного типов мышления, рациональных и иррациональных методов познания. Такой универсализм должен опираться на динамические и сетевые фундаментальные равновесия как для отдельного индивида, так и для всего человечества. Тогда, с одной стороны, каждый человек может развить свое естественное бытие в контексте социального и духовного, сделав его уникальным, но предрасположенным ко взаимодействию с общечеловеческим. С другой стороны, формируется бытие в планетарном масштабе, объединяющее биологические, социальные и духовные подсистемы и гомеоморфное бытие индивидов. Этот подход углубляет идеи синтеза философских идей Запада и Востока и созвучен сквозным идеям Великого равновесия и Мировой гармонии китайской и индийской философии.

Фундаментом постнеклассического универсализма является организованность земных оболочек, которая превосходит все созданное человеком, обладая высокой устойчивостью, оптимальностью, способностью к саморазвитию. Если бы параметры геосфер и ритмы их изменений не соответствовали космическим, то они не существовали бы миллиарды лет как гидросфера и атмосфера. Организованность «не есть механизм... это динамическое, вечно изменчивое, подвижное, в каждый момент меняющееся и никогда не возвращающееся к прежнему образу равновесие» [Вернадский 1967: 99]. Человек постоянно использует организованность планеты, которая до сих пор имеет огромные ресурсы. Биосфера своей эволюцией подготовила условия для того, чтобы дать «старт человеческой истории (запасы нефти, угля и т. п.)» [Кузнецов и др. 1996: 63], однако современная цивилизация практически паразитирует на организованности биосферы, вынуждая ее деградировать. Необходимо, чтобы сеть многовариантных и устойчивых взаимодействий с биосферой превышала по уровню своей организованности сложнейшую иерархическую систему циклов, обеспечивающих существование биосферы.

Участие человека в общепланетарном бытии должно опираться на принцип, нормирующий его взаимоотношения с биосферой, а затем и с ноосферой, который сформулировал Н. В. Тимофеев-Ресовский: «Человечество должно научиться жить “на проценты” с круговорота вещества и энергии в биосфере, не истощая, как это имеет место до сих пор, а наоборот, наращивая природные ресурсы и производительные силы биосферы» [Стратегия... 1997: 161].

Как отмечает М. М. Камшилов [1974: 32], «сама жизнь создает условия, благоприятствующие своему дальнейшему развитию». Главным свойством биосферы можно считать динамическое равновесие, способное проявляться как пластичность и обеспечивать ее целостность, саморазвитие, устойчивость. Р. Том отмечает, что «жизнь скорее можно представить в виде некоторой глобальной структуры, характеризующейся одновременным количеством элементарных подсистем, но в то же время некоторой целостной и устойчивой (пространственной и биохимической) конфигурацией» [Том 1980: 153]. На всех уровнях мира есть связанные состояния энергии, информации, духовности. «Природа изобилует связанными состояниями: от звездных скоплений и макроскопических тел до микрообъектов» [Файнберг 1994: 471]. Связанность означает вовлеченность личности в устойчивые природные и общественные циклы, в которых конечный продукт одного из промежуточных циклов становится началом другого. Общая совокупность всех этих циклов образует единую замкнутую систему, осуществляющую в природе и обществе фундаментальный процесс своего кругового возвращения. Критерием таких циклов является минимум затрат: энергетических, информационных, духовных. Формирующиеся человекоразмерные комплексы создаются благодаря усилиям находящихся в них личностей и обладают самодостаточностью, ответственностью, внутренней гармонией, способностью осуществлять регулировочные процессы по оптимизации потоков вещества, энергии, информации в своих пределах. Человек в таких условиях не будет отчужден от самого себя, но окажется способным к наиболее полному развитию. Организованность земных оболочек и их взаимосвязь с системой координат мира позволяет углубить их воздействие на гуманитарные науки и духовные воззрения.

Дискуссия

Планетарные культурно-цивилизационные сети обладают огромными возможностями как для исследования глобальных процессов, так и для их гармонизации. С одной стороны, в организации ячеек этих сетей могут быть использованы рациональные понятия, осмысленные концепции, четкие ритмы, когнитивное мышление. С другой – все иррациональное, ориентированное на интуицию, непроявленное, но так или иначе соотносящееся с предельными динамическими равновесиями, также может быть включено в эти ячейки.

Наиболее важными свойствами таких связанных с системой координат мира сетей являются следующие. 1. Установление резонансных взаимосвязей между ячейками различных уровней организации сетей. Наиболее наглядными из них являются микроуровень (индивид, личность), мезоуровень (этносы, культуры), макроуровень (планетарные, общечеловеческие процессы). Подобные уровни можно выделить и для любых культурных и цивилизационных подсистем. 2. Создание противовесов для процессов, протекающих во всех сферах современной человеческой деятельности. Любое скоропалительное неравновесное решение и

направляемое им действие неизбежно будут остановлены инерцией сетей, «завязнут» в них. 3. В сетевых процессах присутствует обратная связь. Можно вернуть действие или его часть назад и исправить ошибку. 4. Взаимодействие человека с сетями (культурными, научными и т. п.) происходит посредством самоорганизации, вследствие объективных процессов.

Культуры, религии и мифы, как их предшественники, тесно связаны с идентификацией, поскольку всегда опирались на самобытное. На макроуровне – это набор основных характерных черт, фундаментальных элементов и знаков. На микроуровне идентификация определяется цивилизационно-культурным кодом, характеризуемым ритмическим взаимодействием культуры и цивилизации. Ритмы мировой гармонии на много тысячелетий стали «осью» для мифологии и религий, устойчивой связью между индивидом и окружающим миром.

Все сферы духовной деятельности человека имеют свои устойчивые и оптимальные механизмы коммуникации. Для культуры их обеспечивает цивилизация, для религий – церковь. Цивилизация и церковь проявляют себя на макроуровне как подсистемы планетарных процессов. Такая коммуникация будет направлять сетевой социум к устойчивому и оптимальному развитию, что позволит ему избежать революционных потрясений. В условиях планетарной и общечеловеческой взаимосвязи всех современных процессов такие потрясения разрушат геосферы, прежде всего атмосферу и биосферу, заморозят океан, уничтожат человечество. На микроуровне цивилизационно-культурные системы гармонизируются цивилизационно-культурным кодом – ритмическим взаимодействием основных знаков (элементов) культуры и цивилизации. Ритмами экономических процессов являются, например, циклы Н. Д. Кондратьева (К-циклы или К-волны) – периодически сменяющиеся подъемы и спады современной мировой экономики продолжительностью 48–55 лет.

Устойчивая взаимосвязь человека и человечества с природной координатной системой является необходимым условием их дальнейшего развития. Только в этом случае человечество не погубит биосферу, но сможет развиваться гармонично, оптимально и практически неограниченно долго. Мир спасут не пришельцы, не красота, его спасет опора всей дальнейшей деятельности человечества на систему координат мира.

Выводы

Гармонизация глобальных процессов осуществляется через совокупность динамических равновесий различных уровней. Три наиболее наглядных из них связаны с индивидом и личностью, этносом и культурой, планетарными и общечеловеческими явлениями. Особое значение как для исследования глобальных процессов, так и для их гармонизации приобретают при этом культурно-цивилизационные сети. Такие связанные с системой координат мира сети способны создавать противовесы для любых видов современной человеческой деятельности. Все природные и культурные образования и процессы оказываются связанными друг с другом через предельные равновесия координатной системы. Можно исправлять ошибку практически во всех действиях. В то же время равновесные действия никаких препятствий со стороны описанной выше системы координат встречать не будут.

Глобальные процессы могут резонансно взаимодействовать друг с другом через природные и культурные образования всех уровней, связанных с предельными динамическими равновесиями, что открывает новые возможности для развития современного универсализма. Системно-структурная иерархия и организация когерентных взаимодействий оболочек и соответствующих им структур позволяет выделить одноуровневые и многоуровневые, социальные, экологические, экономические и другие структуры. На основе этих оболочек начинается формирование производственно-технологических, территориальных, культурных, духовных сетей, которые становятся каркасом универсального синтеза всех направлений человеческой деятельности и познания. Сетевые структуры обладают гибкостью, в них легче организовать обратные связи и общий мониторинг за развитием любых процессов в планетарно-цивилизационных оболочках, исходя из системы координат мира. Важнейшим направлением дальнейшего развития универсализма является гармонизация всех этих оболочек и глобальных процессов. Это обеспечит устойчивый диалог между отдельными личностями, а через них и между культурами в современных условиях.

Литература

Вернадский В. И. Биосфера. М. : Мысль, 1967.

Камшилов М. М. Эволюция биосферы. М. : Наука, 1974.

Киш Э. Философия глобализации // Век глобализации. 2010. № 2. С. 16–32.

Кожевников Н. Н. Универсальная система координат мира на основе предельных динамических равновесий // Наука и техника в Якутии. 2018а. № 1(34). С. 10–14.

Кожевников Н. Н. Метафизический, онтологический, феноменологический, герменевтический аспекты системы координат мира на основе предельных динамических и сетевых равновесий. Якутск : Изд. дом СВФУ, 2018б.

Кузнецов В. И., Идлис Г. М., Гутина В. Н. Естествознание. М. : Агар, 1996.

Стратегия выживания: космизм и экология / отв. ред. Л. В. Фесенкова. М. : Эдиториал УРСС, 1997.

Том Р. Теория катастроф. М. : Мир, 1980.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2018.

Файнберг В. Я. Связанное состояние // Физическая энциклопедия: в 5 т. Т. 4. М. : Большая российская энциклопедия, 1994. С. 471.

Kozhevnikov N. N., Danilova V. S. The World Coordinate System on the Basis of Limit Dynamic Equilibriums // European Journal of Philosophical Research. 2016. Vol. 5(1). Pp. 18–26.

Kozhevnikov N., Danilova V. Human Development in the World Coordinate System on the Basis of Limit Equilibria // Agatos. 2018. Vol. 9. No. 1. Pp. 135–143.

ПОЛЮС КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI в.

Голиней В. А. *

В статье исследуются некоторые аспекты полюса как составного элемента системы международных отношений. С помощью метода интерпретаций рассматриваются характеристика и основные концепты, с которыми отождествляется полюс. Это позволяет увидеть главные черты полюса, выводимые из геополитической, геоэкономической и геоцивилизационной картин мира, а также дать определение полюса в политическом контексте XXI в.

Ключевые слова: полюс, система международных отношений, регионализация, геополитика, геоцивилизационное пространство, корпоративизм, идентификация.

The present article considers some aspects of a pole as an integral part of the international relations system. By applying the method of interpretations the author considers the characteristics and basic concepts identified with the pole. This allows defining the key features of the pole, deduced from geopolitical, geo-economic and geo-civilizational world views and also helps to describe the pole in the political context of the 21st century.

Keywords: pole, international relations system, regionalization, geopolitics, geo-civilizational space, corporativism, identification.

В политическом дискурсе последних лет часто можно встретить упоминание полярности или центричности, которые позволяют представить определенные характерные черты системы международных отношений. В таком случае принято говорить о существовании в различные периоды следующих миров: однополярного, биполярного, многополярного, бесполюсного, полицентричного или моноцентричного. Такое устройство мировой системы содержит в себе скрытую или открытую форму иерархии. Приведем примеры.

Однополярный мир в смысловом контексте уже означает, что имеется один полюс, одно государство, которое формирует институты системы, «правила игры», приближает к себе одних игроков, отдаляет других, то есть создает иерархическую соподчиненность государств-наций. Отсюда исходит еще одно название – моноцентричный мир, который содержит в себе несколько иную характеристику системы: имеется один глобальный центр влияния и принятия решений, остальные же государства занимают определенную нишу, контролируют определенное пространство, не влияя на всю систему международных отношений, и потому согласны на более низкий статус, например, регионального, а не глобального игро-

* Голиней Владимир Андреевич – магистр международных отношений факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: natli2009@yandex.ru.

ка. Институционализация в такой системе направлена не просто на легитимацию центра силы, одного полюса, но на создание взаимозависимости всех элементов системы. Если следовать логике Марты Финнемор [Современная... 2015: 533–559], то складывается такая ситуация, когда происходит частичная диффузия влияния, которая, в свою очередь, тесно связывает все государства, разделяющие «правила игры» центра. Поэтому можно предположить, что даже при изменении такой системы на какую-либо другую ее элементы частично остаются.

Биполярный мир представляет собой структуру мирового устройства, уравновешенную двумя элементами – двумя полюсами, которые в определенной степени равновесны, являются ядрами двух противоборствующих систем и имеют притязания на глобальную политику, защищая свои «проекты» развития мира. В то же время, если рассматривать период холодной войны как типичный случай биполярности, то он, говоря языком классических реалистов или неореалистов, являет собой практический пример нескольких постулатов, важных для этих теорий. Если вывести за скобки центральное положение государств как главных акторов, так как речь идет о системах объединенных стран, то биполярность подтвердила, что, во-первых, категория силы является главным мерилем национальных интересов; во-вторых, основой взаимодействия между государствами была триада – «баланс сил», дилемма безопасности и баланс между аксиомами наступательного и оборонительного реализма [Smith *et al.* 2012: 43].

Многополярный мир подразумевает наличие нескольких (более двух) полюсов, центров принятия решений, которые, взаимодействуя между собой, определяют контуры глобальной политики. В своих трудах отечественный исследователь А. Г. Дугин выводит основные черты многополярного мира, противопоставляя их характеристике иных полюсных миров [Дугин 2013: 31–32]. Во-первых, можно сказать, что многополярный мир строится субъектами международных отношений в лице государств или их коалиций, которые формируют международные организации, союзы политического и военного характера, а также интеграционные объединения. Таким образом, выводятся два краеугольных постулата – полюс может отождествляться с государством, которое обладает полным суверенитетом в процессе принятия решений, и в случае недостаточности сил одного государства формируются объединения из нескольких стран, преследующих одинаковые цели. В такой характеристике можно увидеть полицентричную многоуровневую архитектуру сил всей системы международных отношений. На вершине находятся центры силы: несколько самодостаточных мощных государственных или объединений государств, в которых есть безусловный лидер, выступающий от лица остальных.

Бесполярный мир – еще одна форма. В отличие от многополярной модели, где ключевыми акторами выступают все же государства, в бесполюсном мире действуют разные центры силы, которые размывают «монополию государств на власть» [Naass 2008: 45]. Ричард Хаасс подчеркивает: мы должны принимать во внимание факт, что помимо обычных государств или международных правительственных организаций в настоящее время усиливается роль акторов внегосударственного поля. Уже сейчас в мире существует большое количество структур, которые заменяют собой функциональные стороны государства, например, частные военные компании, транснациональные агрохолдинги, частные медицинские фирмы, СМИ, банки, коммунальные службы, НИИ и космические компании

(конкурируют наравне с государствами). Бюджет многих НКО и ТНК порой превышает ВВП ряда стран, например, капитализация компании «Apple» на начало 2018 г. составляла 821 млрд долларов [Гайнуллина], а ВВП ЮАР в 2017 г. (30-я экономика мира) был лишь 757 млрд долларов [Показатель]. Такой факт, с учетом традиции либеральной и английской школ ТМО, иной раз заставляет задуматься о том, что не только государства являются акторами и что, возможно, стоит говорить о статусе некоторых корпораций как «полюсе» международной системы, так как они влияют на повестку дня и могут оказывать воздействие на ряд менее сопоставимых по силе государств в процессе принятия решений.

Тем не менее, чтобы действительно понять характеристику мирового устройства, разобраться, является ли оно сейчас многополярным, однополярным или бесполюсным, в первую очередь необходимо выяснить, что представляет собой полюс на самом деле. Является ли он государством или имеет какую-то другую форму?

Дело в том, что зачастую, когда речь заходит о полярности в международных отношениях, подразумевается «воображаемая геополитическая конструкция мира» [Многополярный... 2003], и потому четкого объяснения сущности полюса найти невозможно, то есть попросту определение полюса в политическом смысле отсутствует в современных глоссариях, словарях и энциклопедиях, хотя о самих мирах (многополярном, однополярном и пр.) активно говорят и пишут.

В то же время из предыдущих описаний можно выделить некоторые черты для понимания полюса, например, в большинстве исследований под полюсом понимается непосредственно государство. В своем труде И. В. Ильин и соавторы [Ильин и др. 2013: 39] дают более широкую трактовку: «...полюс – это элемент глобальной политической системы, обладающей значительным военным, экономическим, политическим и цивилизационным потенциалом», при этом каждое государство или объединение стран может обладать тем или иным элементом, образуя либо экономический, либо политический, либо военный, либо цивилизационный полюс.

Иное представление о полюсе содержится в «Столкновении цивилизаций» С. Хантингтона, где можно найти идею, что ключевыми акторами международных отношений в XXI в. будут цивилизации, а значит, можно предположить, что именно они и станут полюсами, определяющими глобальную политику. Подробное теоретическое объяснение концепции полярности разрабатывается в русле цивилизационистики и геополитики также А. Г. Дугиным.

Несмотря на то что мы сталкиваемся с различными точками зрения, каждая из которых трактует интересующее нас понятие по-своему, можно выделить ряд схожих черт, описывающих полюс. Во-первых, это неразрывная связь так называемого полюса с территорией, географическим пространством. Здесь мы имеем конкретные наименования характеристик – государство или регион (региональный лидер). Во-вторых, связь с обществом, которое в этом пространстве существует. Каждое общество может отличаться или иметь схожие элементы характеристики, что приводит исследователей к конкретным примерам – начиная от историко-культурных типов Н. Я. Данилевского и заканчивая геодивизациями. Вдобавок заметим, что в обыденном смысле понятие «полюс» означает «предел, границу, крайнюю точку чего-либо или что-либо, диаметрально противоположное другому» [Значение...].

Таким образом, мы подходим к тому, что выяснение границ и «ипостаси» полюса лежит в большой плоскости и неразрывно связано со следующими элементами: государство, регион, цивилизация, возможно, крупное экономическое объединение (интеграционный проект как совокупность государств). В итоге мы получаем следующую картину политического дискурса о полюсе:

1. Если рассматривать полюс в проявлении формы государства, то необходимо понять, в каком из значений понятия «государство», собственно, его и стоит рассматривать. Государство в широком представлении можно описать тремя разносторонними концептами: *state*, *polity* и *national patrimony*.

Привычное англоязычное *state* берет свое начало в XIII в. от старого французского слова *estat*, которое напрямую вышло из латинского *status*, что означает «статус, позиция, состояние». В политическом контексте *state* приобрело свое понимание как некий статус территории (*condition of the country*) от латинского выражения *status rei publicae* (статус республики) [Этимология слова «state»]. Уже во времена Вестфальского мира с развитием философских идей в Англии слово *state* приобрело окончательное значение как «государство», в которое вкладывалось в первую очередь понимание статуса суверенитета правительства, а не просто территории. Для понятия «территории» чаще стали использовать концепт *country*.

Второй ипостасью «государства» является понятие *polity*, которое берет свое начало в греческом языке и означает *политию* – «разный политический порядок любого типа» [Универсальная... 2012: 361]. То есть полития по существу означает любую политическую единицу, от общины до государства, и позволяет рассматривать различные политические системы, их эволюцию, формы, типы и иерархическое построение [Гринин 2016].

Третьим концептом для «государства» следует считать понятие *national patrimony*. *Patrimony* в своем первом содержании означает «вотчина, наследство» [Понятие...]. В контексте же *national patrimony* мы уже имеем понятие «национальное достояние государства» – все, что осталось от предыдущих эпох и форм развития государства, наследуется текущим и грядущими поколениями. Такой концепт несколько близок понятию, введенному Ж. Готтманном, – *иконография пространства*, под которым автор понимал «“духовный комплекс” общества, размещенного на определенной территории», сложенный «из базовых составляющих: религиозное кредо, социальная точка зрения и политическая память» [Бабков 2010: 31].

В итоге мы можем увидеть, что по своей сущности полюс в форме представления государства, скорее всего, может быть понятым как нечто, имеющее одновременно и определенный статус, и пространственную форму, то есть находящийся между *country* и *state*, и как нечто тяготеющее к образованию некой политической системы, то есть в определенной степени может пониматься как *полития*. Если же рассматривать полюс с точки зрения национального достояния, то ближе к этому понятию будет не ипостась государства, а цивилизационный критерий, что также выводит нас на содержательный аспект политии. Поэтому мы обратимся к представлению полюса через форму цивилизации.

2. Начнем с того, что цивилизация – это многосторонний концепт, под которым понимают и «качественное состояние общества и государства, отражающее уровень развития материальной и духовной культуры, и развитость политической структуры, и степень технологичности общества, и уровень воспитанности и т. д.»

[Геоцивилизация 2003]. Безусловно, само понятие «цивилизация» рассмотрено уже многими учеными вдоль и поперек, и если мы углубимся в разъяснения, то необходимо будет писать отдельный труд. Отдавая должное таким исследователям, как А. Фергюсон, Н. Я. Данилевский, Л. И. Мечников, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин, К. Ясперс, Ф. Бродель, и другим не менее значимым ученым, которые занимались всесторонним и многоаспектным изучением цивилизаций, мы обратимся к представлениям об этом понятии как определенной системе на международной арене.

Например, отечественный исследователь А. Н. Чумаков, проводя анализ смежных и различных сторон культуры и цивилизации, пришел к необходимости рассмотреть общественные мировые процессы с точки зрения культурно-цивилизационного контекста. Он пишет о культурно-цивилизационных системах, которые понимаются им как «самодостаточные целостные общественные структуры, которые, с одной стороны, характеризуются принципиальной схожестью основных параметров культуры... а с другой – относительной равномерностью проявления в различных частях данной социосистемы цивилизационных связей и отношений» [Чумаков 2017: 402]. То есть такие структуры соединяют в себе элементы, общие для всего человечества, например, язык, ценности, религию, связанные с культурным контекстом, но проявляющиеся со своей цивилизационной спецификой в том или ином пространстве, где располагаются национальное государство, малые или крупные общества, иные формы социальных систем. Из такого контекста можно предположить, что потенциалом для статуса полюса обладает не просто тот или иной тип цивилизации, а любая форма социальной системы, но реально его достигает только та, которая в состоянии выйти на глобальный или региональный уровень международной арены, сделав свою специфику примером для других.

Схожее представление о полюсе можно вывести и из мир-системного анализа, если принимать во внимание, что «мир-система – это система взаимодействующих политий, которые часто организованы как иерархически взаимно переплетенные элементы» [Chase-Dunn *et al.* 2015]. Элементами в таких системах выступают разноуровневые центр, полупериферия и периферия, каждый/-ая из которых формируется единством экономического, политического, исторического, социокультурного компонентов. Субъектами, отображающими положение обозначенных элементов, выступают не просто государства, а политии Мир-Системы, которые вполне могут принимать форму цивилизации. При этом такой подход напрямую выводит цивилизацию как завершенную политическую единицу в качестве полюса на международной арене.

В итоге получается, что, так же как и в случае с государством, в цивилизационном контексте полюс может быть представлен как некая форма политики и выражаться в виде системы – цивилизации. При этом так или иначе цивилизация будет иметь связи с государством, отождествляться с ним или выходить из него на новый этап развития.

3. Если же рассматривать полюс еще с одной точки зрения, а именно с точки зрения тождественности региону, то для начала надо понять, что представляет собой *регион*. Это понятие имеет много значений, например, переплетается с государством, будучи представленным его частью в виде административно-территориальной единицы, или является пространственным понятием в географии,

позволяя делить сушу и океаны на части света, континенты и более мелкие пространства. И в том и в другом случае мы имеем возможность определить границы региона, так как это будет или государственная граница, или сухопутная, окаймленная морским пространством. Тем не менее, чтобы увидеть «регион» в наиболее полной форме, его следует рассматривать в триаде с концептами *regionalism*, *regionalization* и *regionness*, которые, в свою очередь, неразрывно связаны с понятием *глобализация*. Все эти понятия связаны между собой, и порой трудно вычленишь, что от чего является производным.

Если начинать с рассмотрения сущности *регионализма*, то его можно определить как «политику и проект, посредством которых государства и негосударственные субъекты сотрудничают и координируют между собой стратегию в рамках конкретного региона» [Farrell, Hettne 2005: 24], что открывает для нас современное понимание регионов как чего-то большего, чем просто территория или государство. Регион через призму регионализма становится уже географическим пространством, которое государство и внегосударственные акторы наполняют определенной политикой, экономической идеей, процессом интеграции и культурой.

В то же время главным аспектом *регионализма* является баланс между процессами централизации и децентрализации. Следуя национальным интересам, страны могут группироваться и образовывать регион или оставаться автономными. «Идея автономии (суверенитета), направленная на преодоление подчиненности... стран перед крупными державами международной системы» [Rivarola Puntigliano, Vriceseño-Ruiz 2013: 7] имеет важное значение в регионализме. Эта идея объясняет поведение стран, находящихся в одном пространстве. Если у них есть общие проблемы и угрозы безопасности, возможно достижение значимых результатов при региональном сотрудничестве, то государства объединяются. Этот процесс может сформировать регион и стать основой *регионалистской политики*, но в то же время «открыть» суверенитет малых и слабых стран. Поэтому мы должны учитывать проблему гегемонии и неоднородности региона. Без лидера в региональном пространстве все процессы будут идти довольно медленно, так как лидер-государство является «мотором» регионального развития, тем, что наполняет политику *регионализма*.

Также ответом «малых» или неготовых к сотрудничеству с более крупной страной государств будет создание своей зоны интересов, которая как субрегион (матрешка) будет входить в контекст региональной системы, например, Андское сообщество наций в рамках Южной Америки и Западного полушария [Fawcett, Hurrell 1995: 250–282]. При этом такая политика может быть отождествлена с интеграцией или ответом на глобализацию, проводимым государствами в форме *регионализации*.

Региональная интеграция – это процесс сотрудничества и объединения государств в политической, экономической сферах или сфере безопасности. Этот процесс в большинстве случаев происходит на территориальной основе, когда соседи, которые разделяют общую границу, объединяются для достижения каких-то целей, например, для создания зоны свободной торговли или зоны коллективной безопасности.

Таким образом, ключевым фактором региональной интеграции выступает вопрос *идентичности*. Исследователи региональных процессов выделяют геогра-

фическую, национальную идентичность и идентичность на основе ценностного, политического и экономического инструментария [Chackel 2016]. Она играет ключевую роль в процессе регионализации и успешности политики регионализма, так как либо сближает страны, либо разделяет их. Аспект идентичности лучше всего раскрывается на примере понятия *regionness* [Hettne, Söderbaum 2000]. В нем можно найти те общие скрепы и интересы, «дух» регионализации, историческую память, родство языка и религиозно-общественного сознания, которые способствуют успешному сближению стран и их интеграции.

Исходя из такого контекста, получается, что международная арена уподобляется сложной многоуровневой системе, где все страны, проводя региональную политику, имеют возможность сотрудничать и формировать субрегиональные и региональные блоки, которые по мере сотрудничества могут даже соединиться друг с другом. При этом регионализм сводится к своего рода политике, которая двигает регионализацию и, в свою очередь, имеет разные формы, одна из которых – интеграция.

В совокупности, исходя из всех описанных концептов, мы можем предположить, что полюс представляется в большей степени как некая форма политики, действующей на международной арене. Отметим, однако, что проанализированные концепты в первую очередь имеют отношение к геополитическим представлениям мирового устройства, где главную роль играет государство-нация, что дает нам не совсем точную современную картину. Ни отдельные цивилизации, ни регионы, ни даже частные или международные организации не могут в полной мере возместить государство, не могут отождествляться с полюсом, в то же время государство-нация более не может игнорировать значительный вес, силу и влияние со стороны других акторов, и потому, скорее всего, мы должны говорить, что для окончательного утверждения на международной арене они все используют взаимосвязанные инструменты, срачиваясь между собой. Мы можем наблюдать своего рода проникновение элементов ТНК в политику государства, которое использует его для своих целей, государство же взаимно проникает в ТНК, используя его для геополитических целей. То же происходит и с цивилизацией. Мы можем увидеть из описания понятий «государство», «регион» и др., как они переплетены между собой, поэтому в данной работе предлагается интегральный подход и выдвигается гипотеза, что наравне с государствами-нациями в нынешней системе международных отношений функционируют такие акторы, как государства-корпорации и государства-цивилизации, которые дополняют современное объяснение сущности и формы полюса. Чтобы раскрыть эти понятия, нам необходимо обратиться не к геополитической, а к геоэкономической и гецивилизационной картинам мира, которые приближают нас к многогранному пониманию современной системы международных отношений.

Если рассматривать тему геоэкономики, в первую очередь возникает образ какого-то государства, которое доминирует в экономическом, рыночно-хозяйственном плане. То есть речь, возможно, идет о своего рода центре экономического развития, который влияет на региональные процессы, формирует экономическое пространство под своей эгидой. Этих центров может быть несколько, они могут группироваться, но при этом неразрывно связаны с глобальным рынком и национальным государством.

О такой связи упоминал японский специалист по менеджменту К. Омаэ. В своих трудах он вывел экономические отношения на первый план, говоря уже не столько о государствах, сколько об экономических зонах внутри них. Для него города, провинции производства и территории экономического развития являются «естественными экономическими зонами, ограниченными в географическом масштабе, но часто имеющими колоссальное экономическое влияние» [Ohmae 1995: 80]. То есть в экономическом плане эти зоны способны выходить за пределы национальных границ того или иного государства, они больше имеют отношение к глобальной экономической системе, являясь, по мнению автора, своего рода центрами роста, узлами, которые на геоэкономическом уровне больше связаны с внешним, мировым капиталом, чем с национальным государством, в котором они располагаются географически.

Такие зоны были названы им *регион-государствами*. Если вернуться к трактовке понятия «регион», что было дано ранее, то мы увидим, что в данном контексте регион отождествляется с ячейкой глобальной экономической сети, которая охватывает весь мир, связана с системой потребления и спроса. Каждая зона, то есть регион-государство, специализируется на каком-то производстве, при этом покрывая внутренний спрос, она больше нацелена на экспорт продукции, что заставляет ее стремиться выйти за границы национального государства. Ввиду заинтересованности всех зон в аналогичных целях они отрываются от национального капитала, превращаясь в интернациональные единицы, что приводит как раз к формированию определенных правил игры, где важную роль играют не государства, а отношения между частными транснациональными корпорациями. Именно в такой геоэкономической картине мира Омаэ видит будущее.

Таким образом, мы сталкиваемся с вопросом – как же стоит называть акторов, действующих в такой системе? Из имеющихся вариантов, на наш взгляд, лучше всего подходит такой концепт, как государство-корпорация. Этот актор, с нашей точки зрения, формирует геоэкономическое пространство, в котором наравне функционируют экономические зоны, государства, интеграционные блоки и корпорации. И для того, чтобы раскрыть этот концепт, нам необходимо обратиться к сущности понятия «корпорация».

«Корпорация» берет свое начало от латинского *corpus*, что означает «тело», преобразовываясь в XVII в. в своего рода «легально уполномоченный субъект, единицу, которой может быть и муниципальное руководство, и бизнес-компания» [Этимология слова «corporation»].

Сейчас слово «корпорация» чаще используется сугубо в экономической терминологии, однако если прибегнуть к политической теории, то можно обнаружить, что это понятие имеет отношение и к политическим субъектам. Такой теорией принято считать корпоративизм. Он позволяет понять исторический процесс срачивания интересов экономических и политических субъектов. Это ярко показано в исследовании Г. Виарды, в котором автор выделил четыре формы корпоративизма – историческую, идеологическую, манифестовую и некорпоративизм [Wiarda 2016: 13–19].

В каждой из этих форм на определенном историческом этапе преобладала та или иная группа, «корпорация», то есть единица общества, которая лоббировала свои интересы и поддерживалась государством. Для исторической формы это была традиционная община, которая позже заменилась тандемом «государство + цер-

ковь»; для идеологической расцвет пришелся на время эпохи Возрождения и Просвещения с идеями свободы (либерализма и капитализма), которая позже зафиксировала новую «корпорацию» в виде тандема «государство + индивидуальный крупный собственник»; в манифестовой форме произошел всплеск реакционных сил после поражения в Первой мировой войне, и именно в это время образовались объединения, союзы (*fascio*) мелких собственников, на которых ориентировалось государство и которые стали новой корпорацией; завершающая, современная форма в виде неокорпоративизма с 60-х гг. XX в. вывела на первый план тандем «государство + ТНК», объединения нескольких крупных собственников, деятельность которых игнорирует национальные границы государств.

Таким образом, мы видим, что в рамках геоэкономического пространства крайне важным является анализ отношений главных экономических субъектов того или иного исторического этапа, в результате чего происходит отождествление, сращивание интересов одной группы общества, «корпорации» с интересами государства. Поэтому в рамках геоэкономической картины мира на первое место выходит анализ не государства, а элит, их состава, процесса формирования, взаимосвязи между собой внутри и с другими элитами вовне, ведь часть той или иной элиты формируется за счет преобладающей на данном историческом этапе «корпорации», то есть группы людей, которые лоббируют свои интересы, пользуясь экономическими и политическими инструментами государства.

Обращаясь же к геоцивилизационной картине мира, мы будем неизбежно сталкиваться с геополитическими и цивилизационными идеями. Принимая во внимание такое наложение, мы постараемся раскрыть иную сторону геоцивилизационных представлений и начнем с геоцивилизационного пространства.

Под геоцивилизационным пространством понимается такое пространство, матрица которого имеет двойное направление: материальные и нематериальные элементы измерения. С одной стороны, оно зависит от природно-климатических условий, так как они косвенно влияют на формирование определенного набора характеристик человека, этнических образований, государств, которые развиваются и живут на той или иной территории. В определенной степени такое представление близко к геополитическому, где главным является вопрос «почвы и крови», особенно оно близко к пониманию К. Хаусхофером сущности пространства, когда, например, для островного человека морское пространство является возможностью выхода за границу привычной суши, а для материкового человека море предстает пределом, до которого он доходит, действуя на земле [Хаусхофер 2016: 270–278]. Поэтому с данной стороны геоцивилизационное пространство описывается геополитическими материальными элементами в виде территории и общества, которое функционирует на этой территории.

С другой стороны, рассматриваемое пространство неразрывно связано с нематериальными аспектами, а именно временным критерием и критерием восприятия человеком, обществом себя и окружающего мира, что отсутствует в геополитических представлениях. Временной критерий позволяет выделить развитие той или иной социальной общественной структуры, выводя за рамки споров вопрос о совершенстве и превосходстве каких-либо других структур. Главный аспект этого критерия – наличие конкретно в то время и в том месте адекватного общественного состояния, уровня развития, конкурентной идеи. Под адекватным состоянием понимается форма набора идейных, общественных, культурно-цивилизаци-

онных, политэкономических и иных установок как форм самоидентификации, которые воспринимаются и воспроизводятся обществом в конкретный исторический период времени. То есть представляется, что современные, например, государства, существующие в рамках своих территориальных пространств именно сейчас, имеют подходящую, адекватную для своего времени форму и структуру, то же самое касается общества, политико-экономического и технологического развития, в то время как если мы попытаемся сравнить эти формы с теми, которые существовали на этих пространствах ранее, то они окажутся с учетом временного критерия неподходящими.

Важность рассмотрения геочивилизационной картины мира заключается в том, что если основное внимание исследования перенести в нематериальную плоскость, то, подобно конструктивистам, можно сконцентрироваться на аспектах идентификации. Именно в рамках идентификации происходит становление идейных концептов, которые воплощаются в виде структур государств, народов, влияют на формирование цивилизационной матрицы, ценностного пласта бытия, и создается самость того или иного этноса, социального формирования; при этом ясно видно, что, например, национальность определяется не по крови, а путем установления конструкта идентификации у каждого человека и в обществе в целом, что опять-таки отсутствует в геополитике.

Если же раскрывать сущность аспекта идентификации, то получим следующее представление: с одной стороны, «это фиксация принадлежности к чему-то единому, культурно-исторически целостному, к общности во времени, пространстве, в индивидуальном сознании и коллективном бессознательном» [Лукин], а с другой стороны, идентичность выстраивается на базе идей, которыми определенная социальная или политическая группа «может манипулировать, реконструируя их в своих интересах» [Тимофеев], что может приводить к размежеванию по идеологическому признаку и будет тесно связано с геоэкономическим представлением о роли элит и корпораций.

Наиболее подробно концепт идентичности был разобран отечественными исследователями ИМЭМО РАН, в работе которых можно увидеть разноуровневые элементы идентичности от индивидуальной, классовой до этнической, государственной и даже цивилизационной. Составные элементы идентичности при этом сводятся к характеристике определенных наборов ценностей; характеристике цивилизационных кодов матриц, которые представляют собой «когнитивные стереотипы, образующие ментальную целостность, объединяющие крупные популяции людей, и лежащие в основе всех важнейших сфер человеческой деятельности» [Плебанек 2011: 108]; этногенезу и анализу социальных, экономических и политических институтов. Совокупность всех этих элементов позволяет создать своего рода единый *профиль*, портрет не просто этноса, государства, а многоуровневого пространства. Представляется, что для такого пространства свойственны следующие уровни: зарождающийся, этнический, национальный, региональный, континентальный, глобальный.

Каждый из них, подобно концепту *regionness*, вмещает в себя определенный набор идей, цивилизационные коды, историческую и культурную память, что формирует определенную идентичность для каждого уровня, и соответственно акторов, которые действуют на международной арене в рамках того или иного уровня. Например, для зарождающегося уровня характерны аспекты кровнород-

ственных общинных связей или территориально-соседских; для этнического – формирование этноса; для национального – формирование суперэтноса, объединяющего уже несколько кодов, матриц, идентичностей в одну крупную структуру; региональный уровень характеризуется укреплением непосредственно государств, будь то государства-нации/корпорации или иные формы; континентальный уровень вмещает мегапроекты, которые призваны объединять под одним «стягом», панидеей целые континенты (обе Америки, Африка, Большая Евразия); глобальный же уровень неразрывно связан с общечеловеческим планетарным единством. Мы предполагаем, что на каждом из представленных уровней в рамках определенного пространства может существовать несколько субъектов, выдвигающих своего рода конкурирующие и альтернативные друг для друга «проекты», идеологические концепты. Борьба этих идей может происходить как с использованием военных средств, так и в нежесткой форме, на основе создания каких-то «мифов», целью которых было бы разрушение или подмена собой базовых элементов идентичности, свойственных для каждого уровня и исторического временного контекста. То есть в рамках геочивилизационной картины мира речь напрямую заходит об информационной войне, войне концептов, идеологий и смыслов, и, начиная с национального и регионального уровней, именно государство-цивилизация, по нашему представлению, становится в таких условиях тем самым актором, который ведет борьбу идей.

Почему выбрано понятие «государство-цивилизация»? Дело в том, что в рамках войны смыслов в первую очередь под удар попадают элементы цивилизационной матрицы и ценностный пласт представлений общества. Изменение, пусть и малейшее, в этих структурах может привести в итоге к подмене определенных концептов и их трактовки. При этом представляется, что субъект на международной арене, имеющий идеологический, идентификационный проект более высокого уровня, обладает и большими инструментами для влияния на другие пространства, а значит, способен начать политику размывания основ цивилизационных кодов и «идей» других, конкурирующих акторов на более низких уровнях. Например, США, которые проводят глобальную политику и отстаивают глобальный проект, пользуясь распространенностью английского языка и своих источников в информационном пространстве, так или иначе, влияют на представления людей по всему миру о том, что такое свобода, демократия, что добро, а что зло для международного сообщества. Такие представления могут в корне не соответствовать тем базовым, которые имеются в профиле геочивилизационного пространства какого-либо государства, но если видеть только одну безальтернативную картинку, то рано или поздно начинаешь верить в ее правдоподобность и идеал, к которому стоит стремиться.

Таким образом, формы государства-цивилизации и государства-корпорации позволяют вывести политический дискурс о государстве-нации на новый уровень обсуждения, при этом представленные концепты предоставляют возможность расширить характеристики современного мирового устройства. Его в определенной степени действительно можно отождествлять с многополярным, как это и делают многие исследователи, однако в нем стоит по-иному смотреть на понятие «полюс». В политическом контексте XXI в. под полюсом уже недостаточно понимать просто государство, под этим термином стоит понимать определенное триалистичное пространство (геополитическое/геоэкономическое/геочивилизаци-

онное), в каждом из которых имеется своя форма социально-политической системы с ярко выраженным лидером – полития (государство-нация, государство-корпорация и государство-цивилизация), которая имеет отношение к идеям, идеологии, процессу идентификации, то есть служит объединяющим элементом, начиная с национального и заканчивая глобальным уровнем.

Литература

Бабков А. Иконография как метод геополитического анализа [Электронный ресурс] : Власть. 2010. Сентябрь. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/09/Babkov.pdf> (дата обращения: 01.06.2018).

Значение слова «полюс» [Электронный ресурс] : Большой энциклопедический словарь. URL: <https://www.vedu.ru/bigencdic/49337/> (дата обращения: 02.06.2018).

Гайнуллина А. Apple или Google: какую компанию первой оценят в \$1 трлн [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/356983-apple-ili-google-kakuuyu-kompaniyu-pervoyu-ocenyat-v-1-trln> (дата обращения: 01.06.2018).

Геоцивилизация // Энциклопедия «Глобалистика» / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003. С. 172.

Гринин Л. Е. Зависимость между размерами общества и эволюционным типом политики // История и Математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов / под ред. А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова, Л. Е. Гринина. М. : URSS, 2016. С. 263–303.

Дугин А. Г. Теория многополярного мира. М. : Евразийское движение, 2013.

Ильин И. В., Леонова О. Г., Розанов А. С. Теория и практика политической глобалистики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 39.

Лукин В. А. Внешнеполитический курс постсоветской России: в поисках идентичности [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1796> (дата обращения: 26.05.2018).

Многополярный мир // Энциклопедия «Глобалистика» / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003. С. 632.

Плебанек О. В. Цивилизационная матрица как категория геополитики // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. № 1. С. 106–113.

Показатель ВВП по паритету покупательной способности (ППС) за 2017 год [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas/ranks/%D0%92%D0%92%D0%9F-%D0%BF%D0%BE-%D0%9F%D0%9F%D0%A1> (дата обращения: 01.06.2018).

Понятие слова «patrimony» [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/patrimony> (дата обращения: 01.06.2018).

Современная наука о международных отношениях за рубежом: хрестоматия: в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. И. С. Иванова. М. : НП РСМД, 2015.

Тимофеев И. Н. Российская идентичность: сделать невозможное возможным [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-identichnost-sdelat-nevozmozhnoe-vozmozhnym/> (дата обращения: 27.05.2018).

Универсальная и глобальная история: Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества: хрестоматия / под ред. Л. Е. Гринина, И. В. Ильина, А. В. Коротаева. Волгоград : Учитель, 2012.

Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. 2-е изд. М. : Мысль, 2016.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2017.

Этимология слова «corporation» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/word/corporation> (дата обращения: 01.06.2018).

Этимология слова «state» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/word/state> (дата обращения: 01.06.2018).

Chackel J. *Regional Identities and Communities* // *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism* / ed. by M. Rosenblum, D. Tichenor. New York : Oxford University Press, 2016. Pp. 559–579.

Chase-Dunn C., Inoue H., Neal T., Heimlich E. *The Development of World-Systems* [Электронный ресурс] : *Sociology of Development*, University of California Press. 2015. Vol. 1 No. 1. Spring. Pp. 149–172. URL: http://irows.ucr.edu/papers/irows86/irows86.htm#_ftn7 (дата обращения: 01.06.2018).

Farrell M., Hettne B. *Global Politics of Regionalism*. London : Pluto Press, 2005.

Fawcett L., Hurrell A. *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. New York : Oxford University Press, 1995.

Haass R. N. *The Age of Nonpolarity. What will Follow U.S. Dominance* // *Foreign Affairs*. 2008. No. 87(3). Pp. 44–56.

Hettne B., Söderbaum F. *Theorising the Rise of Regionness* // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5(3). Pp. 457–474.

Ohmae K. *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies*. New York : The Free Press (Simon and Schuster Inc.), 1995.

Rivarola Puntigliano A., Briceño-Ruiz J. *Resilience of Regionalism in Latin America and the Caribbean: Development and Autonomy*. London : Palgrave Macmillan, 2013.

Smith S., Hadfield A., Dunne T. *Foreign Policy: Theories, Actors, Cases*. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2012.

Wiarda H. J. *Corporatism and Comparative Politics: The Other Great ‘Ism’*. New York : Routledge, 2016.

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Иоселиани А. Д.*

Осмысление цивилизации требует тщательного рассмотрения концептуального ядра цивилизации, которое образуют понятия гуманизма, экологии и безопасности. Именно этому и посвящена данная статья. Особое внимание уделяется проблеме гуманного отношения к миру, ведущего к новым парадигмам и сохранению хрупкого баланса антропо-социо-техно-природного комплекса. Автор статьи аргументирует идею о том, что на современном этапе концепции гуманизма неразрывно связаны с экологией и, как следствие, с формированием экологического мышления, совершенствованием экологического образования и усилением экологической безопасности.

В работе анализируются факторы и детерминанты, влияющие на экологическую безопасность.

Ключевые слова: техногенный мир, экология, экологическая безопасность, экологический императив, гуманизм, природа.

To understand a civilization one should carefully consider its conceptual core formed by the notions of humanism, ecology and security. This is what this article is devoted to. Special attention is paid to the problem of humanistic attitude to the world, which form new paradigms and preserve the fragile balance in the anthropo-socio-techno-natural system. The author substantiates the idea that currently the concepts of humanism are inseparably linked with ecology, and as a consequence, with the formation of environmental thinking, improvement of environmental education and strengthening of environmental security. The article analyzes the factors and determinants affecting the ecological security.

Keywords: anthropogenic world, ecology, environmental security, environmental imperative, humanism, nature.

Основа противоречий между взаимодействиями общества техногенного мира и экологии заключается в несоответствии потребностей человека экологическим возможностям биосферы. Это обстоятельство усиливает важность ответа на вопрос, касающийся приоритетов социального развития: это эскалация потребностей, которая в конечном итоге ставит под сомнение само сохранение условий для существования человечества. Оптимальное самоограничение способствовало бы дальнейшему прогрессу и одновременно не нарушало бы зыбкого баланса функционирования антропо-техно-социо-природного комплекса. Ведущий вектор дальнейшего человеческого развития должен выступать в качестве принципа соответствия природного и социального, а деятельность человека должна определяться

* Иоселиани Аза Давидовна – д. ф. н., профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва. E-mail: aza-i@yandex.ru.

экологическим императивом, экологическим образованием, а также экологической безопасностью.

Экологическая сфера оказалась дезинтегрирована наукой и техникой: техника составляет среду обитания современного человека. Внутри этой среды обитания человек живет, мыслит, чувствует, приобретает опыт. Новейшие технологические структуры стали для человека «инородной занозой», вместо того чтобы быть органом живого целостного организма. Поэтому для человека необходимо формирование новой концептуальной парадигмы, требующей трезвого, более гуманного подхода по отношению к природе. Природа – это сложный организм, с которым человек обязан взаимодействовать так, чтобы не вызывать дисбаланс между потреблением и восстановлением экологии, обретать больше функциональных связей с природой.

На всех этапах эволюции техники и технологии наблюдается явление, носящее название «отчуждение» и характеризующее статус человека в техногенном мире [Иоселиани 2018: 155]. Философское понятие «отчуждение» многомерно. Оно охватывает мир явлений: разрыв человека с природой, оторванность человека от других людей, оторванность индивидов от результатов своего труда, общества, собственности, социально-политических институтов.

Научно-технический прогресс (НТП) многократно умножил возможности человека в отношении освоения природы. Однако грандиозные масштабы преобразовательной деятельности человека привели к антропогенному воздействию на природу. Это воздействие можно сопоставить с самыми крупными природными катаклизмами, оно чревато необратимыми последствиями, как то: ежегодное вымирание десятков видов растений и животных (и этот процесс невозможно остановить ни с помощью заповедников, ни с помощью искусственного разведения); сокращение лесного массива по причине вырубki, защелачивания почв и захоронения отходов; увеличение площади пустынь, загрязнение водоемов (в океане ежегодно растекаются по поверхности миллионы тонн нефти); уменьшение объема кислорода, ухудшение общего состава атмосферы (выбросы золы, водорода, угля, двуокиси серы и др.). По подсчетам ученых, если все остальные страны доведут свой индустриальный уровень до уровня США, то экосистема не выдержит нагрузки и разрушится.

Таким образом, вопрос «Не погубит ли человек планету?» становится животрепещущим. По ответам на этот вопрос все человечество можно условно разделить на две группы: тех, кто верит в научно-технический прогресс (в то, что он разрешит все проблемы), и тех, кто настроен пессимистически. При этом стоит отметить, что природозащитных движений становится все больше (например, постоянно расширяется движение «зеленых»), появляются организации и комитеты, которые активно проверяют работу программы по охране экологии [Карако 2016].

Человек – это часть природы, однако существуют некоторые различия в понимании того, каким образом должны быть выстроены его отношения с миром природы. В первом варианте люди признают первородство и могущество природы, во втором – претендуют на статус «венца творения» и на то, что мир является инструментом и объектом для удовлетворения потребностей человека. В третьем варианте признается тот факт, что человек является одним из примеров живой материи, обладающей надчеловеческим абсолютным смыслом. Это очень гармо-

нично сочетается с религиями Востока (буддизмом, даосизмом, индуизмом, конфуцианством), которые основаны на гармонии между человеком и природой.

Также, как замечает А. Н. Чумаков, «для западной (техногенной) модели культурно-цивилизационного развития характерно стремление к овладению силами и богатствами природы... Восток же, напротив, ассоциируется с преемственностью культуры, где проявляется тенденция невмешательства в природные процессы. Здесь традиционно доминирует коллективистское начало, в то время как на Западе – индивидуальное; и потому человек на Востоке больше ориентирован на адаптацию, а не на ее преобразование, как это характерно для западного менталитета» [Чумаков 2015: 35–47].

Что касается современных вариантов гуманизма, формирующих экологическое мышление, то в европейской ментальности они берут начало в конце XIX в. И только к концу XX в. окончательно пришло осознание того, что безопасная экология является формой самоопределения цивилизации.

Экологическому подходу свойственен новый тип мышления, это так называемое «монистическое мышление», его зачатки появились благодаря системным исследованиям и методологии системного подхода. Новый тип мышления исходит из того, что объект исследования берется в целостной конкретности в виде иерархически организованной системы.

Данный подход оказался революционным в когнитивной психологии и смежных с ней дисциплинах, таких как лингвистика, искусственный интеллект, символическая логика, эпистемология, а также в других, где изучаются познавательные процессы. То есть пошел процесс цепной реакции, приведший к возникновению программ междисциплинарного характера, исследующих мышление и познание (эпистемологической, когнитивистской и психологической).

В исследованиях мышления экологический подход базируется на теоретико-познавательных основаниях.

Старые парадигмы мышления исчерпали себя, показав ограниченность некоторых постулатов, которые содержались в традиционных версиях. А именно:

- а) мышление изолировалось от прочих процессов сознания;
- б) мыслительные функции и свойства рассматривались в терминах объекта, который ими отображался, при этом субъект оставался за скобками анализа;
- в) проблемы мышления были в отрыве от практики, от общения, истории и культуры.

Для преодоления вышеуказанных недостатков необходима постановка проблемы мышления на междисциплинарных стыках философского и специально-теоретического подходов. Для стратегии изучения мышления на междисциплинарном уровне характерна направленность на конкретизацию его субъективных и объективных оснований.

Экологический подход предполагает, что сущность мышления представляет собой естественный (то есть природный) характер, оно является результатом биосоциального развития, фило- и онтогенеза.

Экологический подход отличается прогрессивным характером. Этот подход направлен против редуционизма (физиологического, механистического, информационного, биологического, социального). Одновременно эта направленность является ограниченной, поскольку она опирается на позитивистско-аналитическую и культурную традицию в философии [Мамедов 2016].

Экологическому подходу присущ философский редукционизм, и это ведет к понижению результативности его применения, что связано с недостатками системной методологии. Однако эти недостатки могут быть преодолены посредством синергетического подхода. Время диктует потребность в изменении мышления человека в соответствии с развитием теории самоорганизации.

В контексте цивилизационного развития необходимо выявить зависимость между развитием гуманитарного и индустриального интеллектов; следует обеспечить сохранение закона техногуманитарного баланса, который зависит от потенциала производственных технологий. Чем он выше, тем совершеннее средства влияния на экологию и меньше агрессивности в борьбе за выживание человечества.

Как замечает А. П. Назаретян, «планетарная цивилизация, которая овладела громадным технологическим потенциалом, может избежать самоистребления только тогда, когда люди успеют вовремя усовершенствовать систему базовых ценностей, норм и механизмов самоорганизации в соответствии с новыми требованиями истории» [Назаретян 1997: 96]. Эту возможность А. П. Назаретян видит в более широком использовании электронных сетей, «которые освобождают человеческие контакты от пространственных зависимостей» [Там же: 97].

Рассмотрим ряд особенностей нового отношения к миру, ведущего к новым парадигмам мышления.

Во-первых, меняется отношение к природе. Она уже не рассматривается как кладовая, удовлетворяющая потребности человека.

Во-вторых, это изменение отношения к человеку, его нравственности – насколько она соответствует потребностям современности.

В-третьих, человечество глобализируется, при этом возрастает ценность, а также взаимозависимость отдельных регионов и стран, основой политики является приоритет общечеловеческих ценностей, отвергается насилие.

В-четвертых, нет противопоставления объекта и субъекта.

По мнению основателя Римского клуба А. Печчеи, экологическое понимание гуманизма должно иметь три базовых начала: любовь к справедливости, нетерпимость к насилию и чувство глобальности [Печчеи].

Сегодня гуманизм – это не абстрактное этическое понятие, то есть не важно, что в него вкладывает какой-либо конкретный человек. Это понятие отражает передовые разработки науки касательно потенциальной гибели человечества, вернее – разработки путей предотвращения этой гибели. Его содержание раскрывается посредством рассмотрения двух ипостасей: «человек – космос», «человек – социум».

Целью процесса гуманизации личности является установление гармонии личности и общества, а также установление гармонии природы и личности. Процесс гуманизации не сводится только к социализации, так как если гуманизация способствует прогрессу, то социализация иногда бывает доминантой деструктивного разрушения личности. Гуманизация может вести к безопасному миру, а социализация – к рождению рисков. Насколько совершенна гуманизация, выявляется тем, насколько отношения открыты качественным изменениям и являются ли они предпосылкой для дальнейшего развития.

Безусловно, общество играет значительную роль в процессе формирования сознания человека.

В XX в. появилось такое понятие, как «гуманистика». Это новый способ познания живого и достижение понимания мира посредством понимания человека. Путем познания в этом случае является эмпатия, то есть человек отождествляется с живым существом и видит мир глазами этого существа. Обладая способностью чувствовать за другого, человек получает возможность понимания одушевленности живых существ. И это не поддается логическому объяснению [Олескин 1992].

В конце XX в. понимание гуманизма конкретизировалось в понятиях «диалог», «ненасилие», «образованность».

Современная философия постмодернизма обозначила проблемы безусловных экологических требований глобализации и их противоречие; проблемы экологической однородности мира, которые обусловлены культурной фрагментацией; проблемы микроэкологии, экологического фундаментализма (чему способствовало движение «зеленых») и проблемы экологической экспертократии.

В конечном итоге новое цивилизационное сознание как новая форма экологического сознания и гуманизма изменяет стержневое концептуальное ядро, в котором точкой интенсивности является не человек, а живой космос. Неопределенность и хрупкость существования цивилизации объясняются столкновением естественного и искусственного в среде обитания человека.

Проблема нового гуманизма генетически связана с экологической безопасностью. Экологический гуманизм и экологическая безопасность находятся в отношении взаимообусловленности и детерминации.

Экологический кризис, многочисленные проявления которого указывают на общую дестабилизацию экосистемы планеты, по своему характеру, свойственным ему причинам и сущности является цивилизационным кризисом.

Специфика философского анализа проблем безопасности заключается в том, что посредством логического обобщения конкретных фактов безопасность анализируется как явление, свойственное определенной системе, как результат деятельности политических субъектов, государств, а также изучается процесс деятельности, направленной на достижение целей обеспечения безопасности человека, общества и государства.

Ядро философских проблем экобезопасности заключается в научном решении проблемы, в анализе ключевых факторов, влияющих на экобезопасность, в рассмотрении реальных и возможных экологических угроз для жизни и здоровья людей, их интересов и потребностей, целей, идеалов и прав, современного характера проявлений и возможных трансформаций экологических угроз и опасностей.

Проблемы экологической безопасности усугубляются с развитием промышленности, техники, транспорта, объектов инфраструктуры, с постоянным увеличением антропогенного воздействия на природу и природные экосистемы. Нынешнее состояние экологической безопасности во всем мире вызывает глубокую озабоченность: под угрозой вымирания находится все живое, включая людей; растут масштабы экологических и техногенных катастроф, появилась опасность экологического терроризма, вызванного процессами глобализации; возникают новые разновидности опасности (даже на генетическом уровне); усиливаются тенденции деградации живого и сокращения биологического разнообразия. Природа не успевает самовосстанавливаться при все возрастающем антропогенном давлении и потреблении.

Экологическая безопасность охватывает такие векторы развития, которые определяют приоритеты экологической политики, вырабатывают принципы, стандарты, средства и методы обеспечения экологической безопасности, стабильности и устойчивого развития.

Экологическая безопасность является частью комплексной многоуровневой социально-техничко-природной системы. Формирование экологической безопасности происходит благодаря объективным процессам – под влиянием различных факторов, таких как внешние и внутренние, политические и экономические, климатические и природные, экологические и техногенные. Эти факторы, в свою очередь, также подвержены влиянию окружающей среды, уровня развития цивилизации и т. д.

Если под термином «фактор» понимать детерминанту, причину какого-либо процесса, то к факторам обеспечения защиты экологии от угроз, вызванных антропогенным давлением на окружающую среду, следует отнести те феномены общественной жизни, а также те объективные и субъективные процессы, которые порождают защищенность жизненно важных интересов государства, общества и человека.

В современных условиях развития цивилизации могут возникнуть (или создаваться) реалии социальной жизни, которые вместе с устранением или уменьшением негативного воздействия неблагоприятных факторов, влияющих на экологическую безопасность, могут оказать благоприятное воздействие на охрану окружающей среды или, по крайней мере, сделать возможным более широкое использование имеющихся факторов такого типа. В этом ключе необходимо отметить такие детерминанты, как демографические, социокультурные и психологические.

Таким образом, речь идет о детерминации процесса обеспечения экобезопасности, об анализе субъективных и объективных, негативных и позитивных природных, техногенных и социальных факторов, которые влияют на этот процесс. Кроме того, многие факторы взаимосвязаны, так как, оказывая комплексное влияние на экологическую безопасность, они нередко дублируют друг друга. Тем не менее определенные факторы могут влиять косвенно и не поддаваться прямому наблюдению и анализу. Такие ситуации затрудняют разработку методов укрепления экологической безопасности и принятия необходимых решений на локальном, региональном, экономическом, политическом и других уровнях.

В качестве заключения сформулируем несколько суждений.

Во-первых, новое цивилизационное сознание изменяет свое концептуальное ядро. Во-вторых, экология выступает в качестве новой формы гуманизма. Точка интенсивности гуманизма сместилась с человека на живой космос. И в-третьих, неопределенность существования цивилизации задается столкновением естественного и искусственного в среде обитания человека.

Экологическая безопасность должна определять приоритеты экологической политики, вырабатывать четкие принципы, средства и методы обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития через анализ и изучение всех детерминант, позволяющих прогнозировать будущее экологического развития и формировать новое экологическое мировоззрение.

Литература

Иоселиани А. Д. Антропология техногенного мира. Пермь : АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2018.

Карако П. С. Философия природы: прошлое, настоящее, будущее. Минск : Экоперспектива, 2016.

Мамедов Н. М. Экологическая концепция культуры: философско-методологические основания // Вестник экологического образования в России. 2016. № 2(80). С. 1–5.

Назаретян А. П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 1–98.

Олескин А. В. Гуманистика как новый подход к познанию живого // Вопросы философии. 1992. № 11. С. 149–160.

Печчеи А. Человеческие качества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/chelovecheskie-kachestva-read-244874-1.html> (дата обращения: 02.07.2018).

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2. С. 35–47.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ГАРМОНИЯ С ПРИРОДОЙ – ОСНОВАНИЕ СВОБОДЫ ОБЩЕСТВА

Махаматов Т. М., Махаматова С. Т.*

В статье рассматривается диалектика достижения гармонии во взаимодействии общества и природы. Авторами раскрывается роль техники как формы разрешения противоречия между обществом и природой, как способа достижения базисной свободы общества. Эволюция техники рассматривается в гносеологическом, социально-экономическом аспекте, указывается на огромный разрыв между творцами новых технологий и их потребителями, что часто вызывает техногенные кризисы. Проводится мысль, что развитие техники и технологии является материализованной формой проявления ноосферы. Однако следует учитывать, что развитие «системы машин» вызывает новые формы эксплуатации труда, интенсифицирует труд. Авторами делается вывод, что развитие техники нуждается в контроле со стороны гражданского общества, и это способствует преодолению техногенных и экологических кризисов.

Ключевые слова: базисная свобода, сущность техники, природа, общество, глобальная цивилизация, ноосфера.

The article deals with the dialectic of achieving harmony in the interaction between society and nature. The authors disclose the role of technology as a form of resolving the contradiction between society and nature and as a way to achieve basic freedom of a society. The evolution of technology is considered in the epistemological, socio-economic aspect and points to a huge gap between the creators of new technologies and their consumers, which often causes anthropogenic crises. It is suggested that the development of engineering and technology is a materialized manifestation of the noosphere. However, one should keep in mind that the development of the 'machine system' causes new forms of labor exploitation as well as, intensifies labor. The authors conclude that the development of technology should be controlled by civil society in order to overcome anthropogenic and environmental crises.

Keywords: basic freedom, the essence of technology, nature, society, global civilization, noosphere.

* Махаматов Таир Махаматович – д. ф. н., профессор Департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: makhamatov.tair@mail.ru.

Махаматова Саида Таировна – к. э. н., старший преподаватель Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: makhamatova@mail.ru.

Экономические основания свободы и техника

Проблема поиска форм и способов достижения гармонии природы и человека в настоящее время остается одной из главных глобальных проблем. Многие исследователи диалектики взаимодействия общества и природы в основном обращают внимание на экологические проблемы как результат этого процесса [Тобиас, Моррисон 2016; Олейников, Борзова 2016; Ковылин, Мамедов 2017 и др.]. Философское осмысление «нарастания реального глобального антропогенного экологического кризиса» [Олейников, Борзова 2016] – важная, но лишь одна сторона проблемы. Другая немаловажная сторона взаимосвязи общества и природы – достижение обществом свободы от слепых сил природы – не должна оставаться вне должного внимания. Ведь свобода, достигаемая обществом во взаимоотношении с природой, является базисной.

В базисе гармонии экосистемы и социосистемы как фундаменте свободы лежит ряд взаимосвязанных факторов, в числе которых – техника и техносфера. Как пишут Ю. А. Ковылин и Н. М. Мамедов, от формирования «не противостоящей, а совместимой с биосферой техносферы... зависят гармонизация социально-экономического и экологического развития, устойчивое развитие общества» [Ковылин, Мамедов 2017: 33]. *Такая гармонизация, достигаемая развитием техносферы, и есть один из факторов базисной, то есть производственно-экономической, формы свободы общества, создающей основу политической и личностной свободы человека* [Махаматов 2016: 99–100].

Философский анализ техники в аспекте формы и способа достижения свободы общества от слепых сил природы требует углубленной и диалектико-логической конкретизации, то есть рассмотрения ее категории во взаимосвязи с категориями гносеологии и социальной философии. Однако механистичность многих определений понятия техники [см.: Розин 2012: 180], детерминированной технократически ориентированной современной культурой человечества [Чумаков 2012], является одной из причин неполноты рассмотрения диалектики технологической стороны достижения гармонии во взаимоотношениях общества и природы. Следует согласиться с утверждением Н. В. Попковой, что «привычные способы категоризации техники нуждаются в переосмыслении и создании новых концепций, раскрывающих ее сущность» [Попкова 2018: 114].

Однако признавая очевидным факт, что «техника меняет и природу, и человека» [Там же: 115], не следует забывать, что она является продуктом человеческой материально-преобразующей и познавательно-созидательной деятельности человечества [Маркс 1969: 200–203]. В этом вопросе В. М. Розин вполне прав, говоря, что развитие техники «потребует от человека столь больших изменений (в области его ценностей, образа жизни, в самих практиках), что, по сути, будет означать постепенный уход от существующего типа цивилизации и попытку создать новую цивилизацию», которая также будет основана на более высокой технике, но станет «более безопасной для жизни и развития человечества» [Розин 2006: 248–249]. Соглашаясь с позицией В. М. Розина по поводу существенных изменений в образе жизни человека, вызываемых развитием техники, но ссылаясь на рассуждения А. Н. Чумакова, выскажем свои возражения по поводу «попытки создания новой цивилизации». «Говоря о цивилизации, – пишет А. Н. Чумаков, – мы имеем в виду, прежде всего, определенный тип взаимодействия людей и соот-

ветствующую систему политического устройства, основанную на признании прав человека и верховенства закона» [Чумаков 2018: 182]. Автор совершенно прав, ибо *главной сущностью цивилизации изначально была и ныне остается ценность человека, главенство его прав и их защищенность законами общества, создание благоприятных условий для всестороннего развития личности, расширения границ его свободы*. Естественно, здесь подразумевается диалектическое единство процесса развития свободы личности с укреплением целостности социального организма и стабильности его существования [Махаматов 2018б: 32].

Как известно, общий каркас цивилизации как способ организации жизни общества, где законами государства признаются и защищаются права личности гражданина, появился в Древней Греции. Дальнейшее, хотя и противоречивое, развитие цивилизация получила в эпоху Просвещения. С тех пор идет постепенное совершенствование ее основной сущности и потому нет объективной необходимости в создании новой цивилизации. Формы ее становления и проявления в разных странах могут быть разными, но сущность не меняется, что выступает объективным онтологическим основанием «становления глобальной цивилизации» [Чумаков, Стычинский 2018: 4]. Есть только необходимость в позитивной «динамике осознания цивилизационного единства» народов мира и дальнейшем совершенствовании сущности цивилизации путем расширения взаимосвязи и сотрудничества различных ее – цивилизации – национальных форм в политических, торгово-экономических, социальных и культурных сферах [Махаматов 2018а: 66].

Таким образом, философское осмысление техники как фактора достижения обществом свободы от слепых сил природы и проблемы использования результатов НТР в установлении гармонии между природой и человеком следует рассматривать через призму сущности глобальной цивилизации и биосоциальной природы человека.

Экономическая, гносеологическая и социальная сущность техники и свобода

Как бы развита ни была техника, ее сущность не меняется: она есть и остается орудием производства, опосредующим звеном между человеком и природой. Общеизвестно, что субстанциальной основой свободы человека является его освобождение от господства природы, ибо, как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «ограниченное отношение людей к природе обуславливает их ограниченное отношение друг к другу» [Маркс, Энгельс 1957: 29]. Преодоление, скорее всего, уменьшение этой ограниченности начинается с развития общественных производительных сил и, соответственно, средств производства, что проявляется в развитии производства. Благодаря последнему природа, «которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и непреступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот» [Там же], постепенно превращается в *объект* человеческой деятельности.

Как пишут М. Ч. Тобиас и Д. Г. Моррисон, «человек – это единственный природный представитель, который в конечном счете изменяет виды, ускоряет эволюцию, делает возможным то, что раньше считалось невозможным... Из анализа затрат и выгод становится ясно, что в XXI в. нет иной возможности, чем полное признание человеческой осознанности и его природного сознания, изменения его

отношения как к себе, так и к окружающему миру» [Тобиас, Моррисон 2016: 21]. Человеческая осознанность проявляется и реализуется на практике как развитие техники и технологии производства, как этапы достижения и расширения свободы человека от слепых сил природы и как поиск форм и способов установления гармонии общества с природой. Такая свобода, если переиначить слова Б. Спинозы, выступает как *познание и применение* на практике природных законов. Гегелевская же концепция свободы, хотя и идеалистична, но помогает глубже понять диалектику взаимодействия природы и общества.

Познание и тождественная бытию мысль, то есть истинная мысль, согласно Г. В. Ф. Гегелю, есть основание освобождения человека от господства природы. Он пишет, что «примирение духа с природой и действительностью есть то единственное, что составляет его истинное освобождение...» [Гегель 1975: 578]. В «Философии духа» он эту мысль продолжает: «Субстанция духа есть свобода, то есть независимость от некоего другого, отношение к самому себе... Свобода духа, однако, не есть только независимость от другого, приобретенная вне этого другого, но свобода, достигнутая в этом другом, – она осуществляется не в бегстве от этого другого, но посредством преодоления его» [Его же 1977: 25].

Практическим преодолением «этого другого» и достижением свободы, как раскрыли классики марксизма, является развитие материально-преобразующей деятельности общественного человека. В этом процессе он познает существенные особенности, законы обрабатываемых объектов природы и творит «вторичную природу», совершенствует и развивает орудия труда, создает, говоря словами К. Маркса, «систему машин». Здесь каждое совершенствование орудий труда, технологии и организации производства, технические изобретения и научные открытия, интеллектуальный капитал, свидетельствующие о развитии мысли, углублении «познания необходимости», являются шагами освобождения от слепых сил природы [Махаматова 2014]. Поэтому технику следует понимать не только как средство производства, но и как проявление интеллектуальных и социокультурных процессов [Розин 2012: 180; Ковылин, Мамедов 2017], способ разрешения диалектического противоречия между природой и обществом и форму расширения базисной свободы человека.

Однако совершенствование техники, создание «системы машин» как практическое проявление развития научного познания, производительных сил и свободы общества от слепых сил природы и потенциальное основание увеличения свободного времени работника имеют несколько противоречивых аспектов. Во-первых, развитие техники из-за капиталистического способа производства вместо того, чтобы служить основанием для увеличения свободного времени рабочего, когда он мог бы развивать себя, членов своей семьи, попадает во все большую зависимость от капитала. «Отсюда тот экономический парадокс, – пишет Маркс, – что самое мощное средство для сокращения рабочего времени превращается в вернейшее средство для того, чтобы все время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, находящееся в распоряжение капитала для увеличения его стоимости» [Маркс 1973: 419].

Во-вторых, как утверждал К. Маркс, специфическое отличие машины как системы заключается в том, что работник фактически становится «живым придатком этой системы машин» и деятельность рабочего «уже только опосредствует работу машины» и «всесторонне определяется и регулируется движением машин,

а не наоборот» [Маркс 1969: 203, 204]. Здесь мы видим, что техника не дает свободу человеку, но, наоборот, «порабощает», усиливает его физическую и интеллектуальную зависимость. Однако данное явление не следует рассматривать как предупреждение о том, как рассуждает Н. В. Попкова, что «отсутствие контроля над ней (техникой. – *Авт.*) в настоящее время – следствие отставания интеллектуального развития людей от технического... Рассматривая техноэволюцию как естественный процесс и провозглашая техническую реальность более высоким эволюционным уровнем, нежели биологическая, – продолжает она, – можно выдвинуть неожиданную гипотезу, что человек (и – шире – биологический мир) утратил эволюционное лидерство и начинает инволюцию, признаком которой и являются современные проблемы» [Попкова 2018: 116, 118–119].

Вряд ли можно согласиться с данным утверждением автора. Доходящая до пропасти разница, интеллектуальное и социально-нравственное противоречия между творцами, составляющими меньшинство, и широкими потребителями указывают на необходимость усиления социальной ответственности изобретателей и потребителей технических средств во всех областях человеческого бытия. Любые технические открытия и изобретения совершаются меньшинством, но используются большинством чисто утилитарно: они не понимают многих аспектов, в том числе вредных последствий технических средств [Олейников, Борзова 2016: 131]. Следовательно, этот факт не является показателем, как пишет Н. В. Попкова, «отставания интеллектуального развития людей» и тем более не может быть основанием для утверждения, что «прорывая рамки биологического и используя ресурсы живого вещества в качестве трамплина для собственного совершенствования, техника может сегодня рассматриваться как локомотив эволюции Вселенной» [Попкова 2018: 120].

Локомотивом эволюции был и остается человек. Вся *техносфера есть не что иное, как материализованная мысль и форма ноосферы*. Но в условиях отставания уровня интеллектуальной и морально-нравственной зрелости социума в понимании негативных последствий безответственного использования достижений технологического развития [см.: Олейников, Борзова 2016: 131; Ковылин, Мамедов 2017: 40–43] возникают экологические кризисы, глобальные проблемы.

Ноосфера – сфера познанной необходимости

Противоречивость процесса освобождения человека от господства природы на основе развития производительных сил и научной мысли, а также гносеологическая и социально-экономическая сущность техники были раскрыты в идее В. И. Вернадского о ноосфере, в которой говорится о необходимости сочетания производственной деятельности с научным анализом последствий воздействия человека на природу. Н. Н. Моисеев, анализируя концепцию ноосферы своего учителя, указывает: «В. Вернадский не раз писал о том, что согласованное с Природой развитие общества, ответственность и за Природу, и за ее будущее потребует специальной организации общества, создания специальных структур, которые будут способны обеспечить это совместное согласованное развитие». Затем он делает заключение о том, что уместно говорить «об эпохе ноосферы, когда человек уже сможет разумно распоряжаться своим могуществом и обеспечить такое взаимоотношение с окружающей средой, которое позволит развиваться и обществу, и Природе» [Моисеев 1990: 24].

Эпоха ноосферы и есть эпоха гармонии природы и общества, которая есть фундамент свободы как познанной и материализованной необходимости. Она воспроизводится на основе постоянного разумного (научного) развития техники, технологии и практического использования под активным контролем гражданского общества не только в рамках отдельной страны, но и в глобальном масштабе. Последнее уже определяется характером организации международной жизни, особенностями и противоречиями эпохи неоглобализации [Махаматов 2017].

Таким образом, свобода как общества, так и отдельных индивидов определяется гармоничным взаимоотношением человека и природы в глобальном масштабе, что требует политического, нравственного и интеллектуального господства человека над собой, над своим эгоизмом. Взаимодействие человека с природой, по сути, есть отношение человечества со своим будущим, формирующимся в последствиях и достижениях его деятельности, что он оставляет своим потомкам. Здесь не может быть места разумному эгоизму, ибо экологическая гармония как свобода необходима всему человечеству и возможна на основе общечеловеческой гармонии, глобального господства ноосферы.

Литература

Гегель Г. В. Ф. *Философия природы* / Г. В. Ф. Гегель // *Энциклопедия философских наук*: в 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1975.

Гегель Г. В. Ф. *Философия духа* / Г. В. Ф. Гегель // *Энциклопедия философских наук*: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1977.

Ковылин Ю. А., Мамедов Н. М. *Становление и развитие техносферы: перспективы гармонизации* // *Век глобализации*. 2017. № 4. С. 33–44.

Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии*. Т. 1. М.: Политиздат, 1973.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* / К. Маркс, Ф. Энгельс // *Соч.* 2-е изд. Т. 3. М.: Госиздат, 1957.

Махаматов Т. М. *Размышления о философской категории «свобода»* // *Меняющиеся ценности в современном мире: сб. научных трудов* / под ред. А. Н. Чумакова, Т. М. Махаматова. М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2016. С. 98–107.

Махаматов Т. М. *От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект* // *Век глобализации*. 2017. № 4. С. 55–61.

Махаматов Т. Т. *Запад и Восток: генетика духовного пути* // *Век глобализации*. 2018а. № 1. С. 60–67.

Махаматов Т. М. *Диалектик онтологических факторов политики* // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018б. № 3. С. 28–35.

Махаматова С. Т. *Интеллектуальный капитал как основа национального богатства России: проблемы и перспективы развития* // *Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. 2014. № 2(8). С. 12–19.

Моисеев Н. Н. *Человек и ноосфера*. М.: Молодая гвардия, 1990.

Олейников Ю. В., Борзова Т. В. *Философское осмысление глобальной проблемы взаимодействия общества с природой* // *Век глобализации*. 2016. № 3. С. 121–132.

Попкова Н. В. *Место техники в эволюционной картине мира: философские концепции и практические выводы* // *Век глобализации*. 2018. № 1. С. 112–123.

Розин В. М. Понятие и современные концепции техники. М. : ИФ РАН, 2006.

Розин В. М. Техника и социальность: Философские различия и концепции. М. : ЛИБРОКОМ, 2012.

Тобиас М. Ч., Моррисон Д. Г. Метафизика защиты природы / пер. с англ. М. : Проспект, 2016.

Чумаков А. Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 3–16.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2018.

Чумаков А. Н., Стычинский М. С. Культурно-цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобализации // Век глобализации. 2018. № 1. С. 3–14.

СОБЫТИЯ 11 СЕНТЯБРЯ КАК ТОЧКА БИФУРКАЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Федяева О. О.*

Соединенные Штаты Америки являются одним из ключевых акторов на международной арене, чья дипломатия и вооруженные силы, широко представленные во всех частях планеты, – весомый фактор мировой политики. Террористические акты 11 сентября 2001 г. стали своего рода катализатором к активизации внешнеполитических действий США как на глобальном, так и на региональном уровне. В статье рассмотрен процесс эволюции внешнеполитических инициатив американского государства после событий 11 сентября; особое внимание уделено оценке американской внешней политики в отношении так называемых «failed states».

Ключевые слова: внешняя политика, превентивный удар, национальная безопасность.

The United States of America is one of the key actors in the international arena, whose diplomacy and armed forces, widely scattered in all parts of the world, are an influential factor in world politics. The 9/11 terrorist attacks became a catalyst to intensify the US foreign policy actions at both global and regional level. The article describes the evolution of the US foreign policy initiatives after the 9/11 events with particular focus on the US foreign policy with respect to the so-called 'failed states'.

Keywords: foreign policy, pre-emptive strike, national security.

Террористические атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон в Вашингтоне 11 сентября 2001 г. стали катализатором изменения внутри- и внешнеполитической повестки в США. В целом, за исключением меняющихся взглядов на взаимодействие с Китаем и развитие ПРО, представления Джорджа Буша-мл. о внешней политике до 11 сентября были схожи с представлением администрации Билла Клинтона. В частности, Дж. Буш-мл. одобрил дальнейшее расширение НАТО, согласился оставить американские войска на Балканах, подтвердил сохранение политики ограниченного взаимодействия с Россией и Китаем, а также призвал к дальнейшей либерализации мировых рынков. Основное внимание первых месяцев пребывания у власти республиканской администрации было сосредоточено на внутренних проблемах; американские исследователи фиксировали отсутствие новых ярких международных инициатив с приходом президента-республиканца [Walt 2002: 56].

После террористических атак ситуация изменилась. Администрация Джорджа Буша-мл. провозгласила войну международному терроризму. За короткое время

* Федяева Ольга Олеговна – аспирантка ИМЭМО РАН, специалист планово-экономического отдела ГМИИ им. А. С. Пушкина. E-mail: little.olga@inbox.ru.

в американской экспертной среде сформировалась концепция «транснациональной войны» с мировыми угрозами. В 1990-е гг. новые вызовы содержали в себе угрозы увеличения объемов наркотрафика и нарастания опасности терроризма, но эти вызовы являлись второстепенными по сравнению с локальными конфликтами. В начале XXI в. борьба с террористическими сетями вышла для США на первый план [Фененко 2009].

В это же время в Соединенных Штатах происходило переосмысление понятия «failed state» (неудавшееся государство): американское экспертное сообщество считало «неудавшимися» преимущественно государства Африки и Латинской Америки – страны, где правительства не могли обеспечить нормальное функционирование министерств и ведомств вследствие перекрытия каналов финансирования искусственно поддерживаемых Советским Союзом социалистических режимов. Концепция «продвижения демократии», ставшая одним из внешнеполитических ориентиров Вашингтона с середины 1990-х гг., исходя из доктринальных документов, подразумевала вовлечение США в «государствостроительство» даже в тех местах, откуда не исходила прямая угроза американским национальным интересам [A National... 1995: 11].

Изначально пришедший на смену демократу Б. Клинтону республиканец Дж. Буш-мл. скептически относился к идеям траты значительных ресурсов на решение проблем, которые не представляют непосредственной угрозы для Соединенных Штатов. Однако после 11 сентября в администрации Дж. Буша-мл. стали полагать, что «неудавшиеся государства» могут стать плацдармом для международного терроризма. Тем самым происходило расширение применения этого термина и ко многим странам Большого Ближнего Востока. В частности, американские исследователи актуализировали понятие возрастающей анархии, порождаемой слабыми государствами, которое редактор журнала «Atlantic Monthly» Роберт Каплан описал еще в 1994 г.

Логика большинства американских экспертов отныне стала выстраиваться в русле вмешательства США в политику стран, имеющих отношение к «failed states», для нормализации в таких государствах внутренней ситуации с целью предотвращения зарождения в них террористических ячеек, враждебных Вашингтону. Одной из причин вовлеченности Соединенных Штатов стало, по мнению аналитиков, отсутствие адекватной реакции мирового сообщества на необходимость управления «несостоявшимися государствами». В этой связи подчеркивалось, что именно США должны влиять на действия таких стран в области экономики, политической системы, законотворческой деятельности и внутренней безопасности [Krasner, Pascual 2005]. Подобная логика привела к вторжению Соединенных Штатов в Афганистан в 2001 г. и в Ирак в 2003 г.

Эту ситуацию подробно описал внешнеполитический аналитик Института Катона Гэри Дэмпси в своей статье «Старое безумие под новой маской: государствостроительство для борьбы с терроризмом» от 21 марта 2002 г. Сам эксперт полагает, что между бедностью и приверженностью терроризму в неблагополучных странах связь отсутствует. Напротив, «легкий доступ к деньгам является предшественником политической жестокости в нестабильных странах» [Dempsey 2002: 9].

В своем послании Конгрессу 29 января 2002 г. президент США впервые применил к ряду стран понятие «ось зла» («Axis of Evil»). К их числу он отнес госу-

дарства, которые, по данным американских спецслужб, могут заниматься производством или продажей химического оружия, а также оказывают поддержку террористическим организациям, в том числе «Аль-Каиде»^{**}. К таким странам он отнес прежде всего Ирак. По мнению Дж. Буша-мл., Ирак «продолжает проводить враждебную по отношению к США политику и поддерживает терроризм» [Walt 2002: 58].

Несмотря на то что Соединенные Штаты к тому времени уже вторглись в Афганистан, где укрывался, по данным спецслужб, организатор терактов 11 сентября, первостепенное внимание в докладе среди стран «оси зла» было уделено именно Ираку.

1 июня 2002 г. Джордж Буш-мл. выступил в военной академии в Вест-Пойнте, где заявил, что Вашингтон будет наносить превентивные удары по странам «оси зла» в том случае, если есть опасность попадания оружия массового поражения или ракетных технологий в этих государствах в руки террористов. Кроме того, во время выступления были сформулированы понятия «оборонительная интервенция» и «упреждающий удар» в качестве средств защиты американских интересов. Эти мероприятия должны распространяться в том числе на самые удаленные части планеты. В первую очередь, с учетом контекста войны с исламским терроризмом, речь шла о таких странах Большого Ближнего Востока, как Афганистан, Ирак, Иран, Сирия и Ливия. Ведение военных действий предполагалось осуществлять даже в отсутствие состояния открытой войны между США и третьей страной и без ее уведомления посредством нанесения внезапных воздушных ударов [Mandelbaum 2002: 61].

В сентябре 2002 г. была принята первая при новой администрации Стратегия национальной безопасности США. В ней констатируется факт победы либерализма над тоталитаризмом и провозглашается верховенство прав человека. Согласно Стратегии национальной безопасности США от 2002 г., никто не может сравниться с Соединенными Штатами в политическом и экономическом развитии. Наибольшей угрозой безопасности страны в данном документе считалась «совокупность радикализма и высоких технологий». В этой связи Америка намеревалась действовать жестко по отношению к государствам, где формируется такая комбинация.

США также намерены «активно работать с целью принести надежду демократии, развития, свободных рынков и свободной торговли в любой уголок мира». Одним из конкретных объектов этих мероприятий называется Афганистан, где международная коалиция во главе с НАТО уже проводила к тому моменту анти-террористическую операцию. Сам Афганистан называется освобожденной страной, где США продолжают бороться против «Талибана»^{**} и «Аль-Каиды».

Среди приоритетных целей американской внешней политики – борьба с терроризмом по всем фронтам: политическим, дипломатическим, военным. Эта борьба будет вестись дома и за рубежом, пока угроза не достигла границ государства. При этом Вашингтон «не постесняется действовать в одиночку, пользуясь правом нанесения предварительного удара для самозащиты» [The National... 2002: 17].

^{**} Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

Можно отметить, что в целом в американском стратегическом мышлении сменились географические приоритеты. Если до распада Советского Союза основное внимание во внешней политике уделялось арабо-израильскому конфликту и развитию Европы, то в 1990-е и в особенности в 2000-е гг. США стали проявлять особый интерес к Арабскому Востоку и Северной Африке, где неустойчивые, а временами и откровенно враждебные Соединенным Штатам режимы являлись источниками терроризма. Европейским странам в качестве союзников по Организации Североатлантического договора отводилась роль «тылового прикрытия» американской политики в Евразии. В исследовательских статьях появились тезисы о «маргинализации Европейского союза» и расхождении стратегического военного видения США и ЕС. В американских экспертных кругах стали популярны идеи реформирования НАТО в организацию, способную проецировать силу и влияние на территорию от Турции до Китая [Lieven 2005: 18].

Менее успешная по сравнению с войной в Заливе иракская кампания 2003 г. заставила Пентагон пересмотреть свою военную тактику. Приоритетом реструктуризации баланса американских войск на театре ближневосточных военных действий стал запрос на использование сил общего назначения. Доминирование воздушных сил в начале 1990-х гг. стало менее эффективным в 1999–2000 гг. в Косовской операции, что и было подвергнуто критике американскими военными экспертами [Disjointed... 2002]. В Пентагоне стала набирать популярность концепция «объединенности», согласно которой авиационные и сухопутные группы, действуя скоординированно, способны успешно противостоять не только регулярной армии, но и нерегулярным вооруженным формированиям. Кроме того, стали приниматься во внимание особенности иракского общества. Лобовые атаки в середине 2000-х гг. стали все чаще заменяться на более тонкие невоенные действия, рассчитанные на межклановые противоречия внутри Ирака. 9 января 2007 г. Белый дом провозгласил переход к «новой иракской политике» [Фененко 2009].

Пересмотр тактики незначительно отразился на видении стратегии. В 2006 г. вышла новая Стратегия национальной безопасности США. В ней подводились итоги и перечислялись результаты, достигнутые Вашингтоном при реализации предыдущей Стратегии национальной безопасности 2002 г. Основные успехи, согласно Стратегии 2006 г., были сделаны на Ближнем Востоке, несмотря на то, что в предыдущем программном документе ставился широкий ряд задач во внутренней, а не только внешней политике: от повышения эффективности национальной экономики до реструктуризации силовых ведомств. Так, утверждается, что население Ирака и Афганистана избавилось от тирании. Констатируется успех государств Северной Африки (Египет, Марокко и т. д.) и Персидского залива (Саудовская Аравия, Кувейт и т. д.) на пути демократических преобразований. Стоит отметить, что такие достижения перечислены в сдержанных формулировках, очевидно, потому, что на самом деле все упомянутые государства сохраняли устойчивые авторитарные и тоталитарные тенденции.

Во внешнеполитических планах в Стратегии 2006 г. на первом месте стоит защита демократии и прав и свобод человека, поскольку эти установки являются американскими ценностями, а также присущи всем людям на планете. В качестве одной из целей названа необходимость «покончить с тиранией» в КНДР, Иране, Сирии, на Кубе, в Белоруссии, Бирме и Зимбабве [The National... 2006]. В этой

связи можно предположить, что борьба с авторитарными режимами на Ближнем Востоке выступала как проявление общей тенденции внешней политики США по распространению демократии в мире, с учетом, однако, арабской и персидской специфики. В целом новая Стратегия представляет собой обзор результатов реализации предыдущей стратегии и определение целей на ближайшую и стратегическую перспективу, при этом сохранена преемственность при изменениях в тактике исполнения внешнеполитических установок.

Литература

Фененко А. В. Современные военно-политические концепции США // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 1. С. 66–83.

A National Security Strategy of Engagement and Enlargement // The White House. Washington, D.C., 1995.

Dempsey G. T. Old Folly in a New Disguise. Nation Building to Combat Terrorism // Policy Analysis. 2002. No. 429.

Disjointed War: Military Operations in Kosovo. Santa Monica, SA : RAND, 2002.

Krasner S. D., Pascual C. Addressing State Failure // Foreign Affairs. 2005. No. 4. Pp. 153–163.

Lieven A. America Right or Wrong: An Anatomy of American Nationalism // Foreign Affairs. 2005. March/April.

Mandelbaum M. The Inadequacy of American Power // Foreign Affairs. 2002. Pp. 61–62.

The National Security Strategy // The White House. Washington, D.C., 2002.

The National Security Strategy // The White House. Washington, D.C., 2006.

Walt S. M. Beyond bin Laden: Reshaping U.S. Foreign Policy // International Security. 2002. Vol. 3(26). Pp. 56–78.

ПРОБЛЕМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ В АФГАНИСТАНЕ

Бахромзода М. З.*

Прошло уже 40 лет с тех пор, как Афганистан превратился в главный центр террористических атак. Есть много причин, которые содействовали превращению Афганистана в очаг терроризма, и они привлекают внимание мирового сообщества. В данной статье на основе научно доказанных источников выявлены основные причины войны в Афганистане, которая продолжается уже в течение многих лет. Во время проведения исследования автор выяснила, что специальные исследовательские институты разделяют талибов на три группы, а именно: «черные», «серые» и «белые». Утверждается, что «белые» талибы составляют большую часть вооруженной оппозиции, которая борется за мирную и достойную жизнь в Афганистане. Также особое внимание автор уделяет условиям жизни афганских беженцев, которые вернулись на родину, чтобы работать на благо государства.

Ключевые слова: Афганистан, «Талибан»¹, Пакистан, эксперт, война, оружие, безопасность, мир.

It is forty years since Afghanistan has turned into the main center of terrorist acts. There are many reasons that contributed to the transformation of Afghanistan into such a terrorist hotbed attracting the world community's attention. In the present article, basing on scientifically valid sources, the author identifies the main causes of the year's long war in Afghanistan. While studying the issue, the author revealed that the Taliban is divided into three groups, namely: "black", "gray" and "white". It is alleged that the "White Taliban" forms a large part of the armed opposition fighting for a peaceful and dignified life in Afghanistan. The author also pays special attention to the living conditions of the Afghan refugees who returned to their homeland to work for the benefit of the state.

Keywords: Afghanistan, Taliban, Pakistan, expert, war, weapons, security, peace.

Развитие мирного процесса в Исламской Республике Афганистан является одной из важнейших проблем, которые привлекают внимание мирового сообщества. Проблема урегулирования общего положения в Афганистане имеет региональное значение, однако пути решения этого вопроса обсуждаются на международном уровне, и это придает ему глобальный характер. Согласно историческим источникам, первое независимое афганское государственное образование сложи-

* Бахромзода Манижа Зафаршодухт – докторант философии (Ph.D.) по журналистике кафедры международной журналистики Таджикского национального университета (г. Душанбе). E-mail: bakhromzodam@mail.ru.

¹ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – Прим. ред.

лось в 1747 г. под предводительством эмира Ахмада-шаха. С первых дней образования и до нашего времени в Афганистане совершались многочисленные террористические акты, которые имели разные цели и причины.

Факты и причины возникновения противоборств и конфликтов в Исламской Республике Афганистан исследовались многими учеными, которые приходили к разным выводам. Так, таджикские ученые Х. Назаров и С. Мерганов считали одной из важнейших проблем афганского общества в 1971–1972 гг. безработицу, и решить ее можно было, обеспечив население работой. В своей книге «Новый Афганистан» они пишут, что, кроме широких масс рабочих и дехкан, в тот период даже выпускники средних школ, число которых каждый год составляло не более 18 тыс. человек, не находили себе работу и оказывались в смятении. «Именно по причине такого экономического кризиса и ожесточенной классовой борьбы... в течение десяти лет, то есть с 1963 до 1973 г., в Афганистане сменились пять правительств», – отмечают эксперты [Назаров, Мерганов 1982: 111–112].

Начало революции в Афганистане тоже является одним из факторов обострения его внутреннего положения. После Апрельской революции 1978 г. к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Но уже в начале правления в государстве начинаются открытая борьба и раскол внутри партии. Из-за некомпетентного управления и проведения выборов этой партией в стране наблюдалось массовое недовольство населения и шла вооруженная борьба. Сильное сопротивление социалистическому правительству оказали в первую очередь радикальные исламисты. Они считали всех членов НДПА врагами афганской нации и ислама в целом. Таким образом, против нового политического режима Афганистана исламисты объявили священную войну, или джихад, в которой участвовали группировки моджахедов. Последние вели активную агитационно-пропагандистскую работу среди населения. Особенно выгодным для исламских боевиков было то, что большинство населения Афганистана (примерно 90 %) являлось неграмотным [Новичков]. Такое положение наблюдалось в 1979 г., что соотносится с началом продолжительной сорокалетней войны в Афганистане.

Советские эксперты И. Александров и Р. Ахрамович придерживаются мнения, что проблема конфликта между Пакистаном и Афганистаном из-за территории также связана с тем, что в последнем идет продолжительная гражданская война. В своей книге «Государственное устройство Афганистана» они пишут, что «с целью давления на Афганистан империалистические государства под предлогом пуштунской проблемы стали провоцировать конфликт между Афганистаном и Пакистаном» [Александров, Ахрамович 1957: 64–68]. Исследование вопроса показывает, что во внешней политике Исламской Республики Пакистан как государства исламского мира возобновление тесных взаимоотношений с другими мусульманскими государствами считается приоритетным направлением. Пакистанский политик Р. Султана по этому поводу пишет, что развитие дружественных отношений со странами мусульманского мира, особенно с соседями, является одним из важнейших условий внешней политики Пакистана. Спор между Афганистаном и Пакистаном Р. Султана относит к политическим проблемам и отмечает, что такие отношения между этими государствами начались «после того, как афганское правительство наложило вето на прием Пакистана в Организацию Объединенных Наций в 1948 году, которое впоследствии было отозвано, и ситуация была полюбовно разрешена. Из вышеизложенного становится ясно, что хотя про-

тивоедействие Афганистана по вопросу принятия Пакистана в члены ООН разрешилось дружественным путем, однако это положило плохое начало дальнейшему ходу отношений.

По поводу превращения Пакистана в основного врага Афганистана в своем интервью высказался бывший афганский министр обороны, известный полевой командир Ахмад Шах Масуд, который отметил, что врагами Афганистана являются именно пакистанские талибы. По утверждению Масуда, «главный поджигатель войны в Афганистане – Пакистан и его армия... Пакистан считает, что Афганистан – это главный барьер для достижения его стратегических целей...» [Афганистан... 2005: 210]. Такое мнение по поводу Пакистана Ахмад Шах Масуд выражал в большинстве своих выступлений и призывал мировое сообщество к оказанию помощи Афганистану. В одном из своих интервью он называет основной причиной всех проблем Афганистана политику Пакистана и внешнее давление других государств: «Я буду повторять это до тех пор, пока международное сообщество не осуществит необходимое давление на Пакистан, пока не прекратится вмешательство Пакистана в афганские дела, без чего можно быть уверенным, что огонь войны в нашей стране никогда не будет погашен» [Интервью... 2004: 138–139].

Несмотря на то что Масуд стремился к прекращению войны в стране и особенно хотел избавить Афганистан от вмешательства и давления Пакистана, отношения между двумя государствами до сих пор остаются нестабильными. Политики связывают данный фактор с некомпетентностью нынешнего афганского правительства. Как отмечено в интервью корреспондента сайта «Афганистан.ру» Фирдоуса Кавиша с афганским экспертом – политиком, доктором Мухаммадом Джавадом Салехом, которое было опубликовано 7 апреля 2017 г., отношения правительства Афганистана с правительством Пакистана в настоящий момент находятся на самом низком уровне, значит, Афганистан не смог добиться эффективности в установлении мира и порядка для обеих сторон. На основании мнения афганского политика можно сделать вывод, что сегодня Афганистан и Пакистан нуждаются в особом внимании мирового сообщества. Стоит отметить, что несколько стран Азиатского региона на основе межгосударственных договоренностей реализуют совместные проекты, такие как энергетический проект Центральной Азии и Южной Азии «CASA-1000», строительство железной дороги и другие, в которых участвуют также Пакистан и Афганистан. Эти проекты в какой-то степени улучшили отношения двух государств. Однако между ними до сих пор не утихает пламя войны и конфликта, что становится основным барьером для обеспечения безопасности в Афганистане. Как пишет таджикский политик Сайфулло Сафаров, «Пакистан достаточно активно вмешивается во внутренние дела Афганистана, блокируя его попытки эффективно решать стоящие перед ним проблемы» [Сафаров 2010: 13]. По словам этого автора, в связи с тем, что Пакистан превратился в основной международный центр терроризма, он управляет всеми экстремистскими группировками в Афганистане.

Необходимо отметить, что наравне с другими факторами самым важным является дестабилизация обстановки внутри государства Афганистан во главе с группировкой «Талибан». Это движение через два года после своего образования пришло к власти в Кабуле [Кепель 2004]. В своей книге «Афганистан: моджахеды, оппозиция и заинтересованные стороны» эксперт Джумахон Алими пишет,

что глава талибов – мулла Мухаммед Омар – охарактеризовал значение движения «Талибан» следующим образом: «Талибы – это союз афганских моджахедов, целью которых с самого начала было развитие шариатского типа управления в Афганистане и борьба с бесчинством и злом, недоверием и противоборством в этой стране» [Алими 2012: 26]. Однако дальнейшее исследование деятельности «Талибана» показало, что вместо борьбы со злом, противоборством и недоверием данное движение своими действиями уничтожает мирных людей и дестабилизирует ситуацию в Афганистане. Бывший президент страны Хамид Карзай несколько раз призывал моджахедов к перемирию.

Таджикский политик Абдунаби Сатторзода считает возможным подписание мирного соглашения между Афганистаном и движением «Талибан», однако, как он пишет, такое действие приведет к дестабилизации не только в Афганистане, но и на всей территории Среднеазиатского региона. В том числе, по мнению эксперта, перемирие между талибами и правительством Афганистана «означает начало новой полномасштабной гражданской войны между талибами, а также проталибскими силами в новом правительстве и остальной частью афганского общества, то есть многочисленными национальными, политическими и религиозными силами Афганистана, что приведет к еще большему расколу этой страны по этническому, политическому и религиозному признакам» [Сатторзода 2010: 65]. С другой стороны, по стратегии Белого дома, поддержанной правительством при Хамиде Карзае с 2010 г., движение «Талибан» вместо прекращения боевых действий и гарантии безопасности Афганистана обеспечивается военными средствами. На основе такого решения американские исследователи и эксперты определили, что «не более 5 % членов движения “Талибан” в Афганистане представляют собой непримиримых экстремистов, не идущих на диалог и готовых умереть за свои идеи. Однако основная часть талибов (по оценкам американских экспертов, около 70 %) примкнула к движению “Талибан” исключительно ради денег» [Thompson]. Сами талибы несколько раз упомянули, что мирные переговоры возможны только тогда, когда оккупационные силы навсегда покинут Афганистан. «Согласно словам талибов, никакое обещание материального обеспечения не может их заставить отказаться от борьбы и джихада, так как они воюют не за деньги и власть. Это джихад и борьба за ислам и прекращение участия иностранных военных сил» [Алими 2012: 49].

Исходя из этого, если, с одной стороны, правительство Афганистана ищет пути решения проблем этого государства, то с другой – политика нынешнего правительства Афганистана в отношении движения «Талибан» не способствует стабилизации положения в стране, так как «эксперты отмечают, что, во-первых, схема “деньги в обмен на лояльность” не является устойчивой, и сложившие оружие боевики могут снова переметнуться к талибам, как только деньги закончатся или те предложат им больше. Во-вторых, проведение такой политики заставит тысячи нищих афганцев вступить в ряды движения “Талибан” лишь для того, чтобы получить жилье, работу и деньги. В-третьих, поступление таких средств в бюджет Афганистана приведет к еще большей коррупции во всех эшелонах афганской власти» [Садыков 2010: 249–250].

Учитывая вышеизложенное, можно считать, что «Талибан» действует в Афганистане целенаправленно и считает свои интересы превыше всего. Поэтому дестабилизация положения в Афганистане для талибов является средством получе-

ния прибыли. Принимая во внимание именно такие действия талибов, Институт демографии, миграции и регионального развития в сотрудничестве с российским Межрегиональным обществом «Движение развития» делит талибов на три группы: «черные», «серые», «белые». К первой группе, то есть к «черным» талибам (арабы и другие нации), этот институт относит тех, кто не является жителями Афганистана и только за деньги участвует в войне в этой стране. Их покровители дают им средства для того, чтобы в южной части Афганистана постоянно велись боевые действия, поэтому большинство террористических актов совершаются данной группировкой. Вторая группа, то есть «серые» талибы, это те, которые живут в Афганистане и являются профессиональными военными. Но они не имеют никакого отношения к международному терроризму, особенно к «Аль-Каиде»², и воюют только из-за того, что в течение сорока лет в Афганистане господствует нестабильность и на этой земле находятся боевики из других стран. И третью группу, то есть «белых» талибов, согласно докладу этого института, представляют те, кто в силу сложившихся обстоятельств участвует в военных действиях, так как экономика страны разрушена и у них нет другого способа обеспечить свою семью. «Белые талибы» составляют большую часть вооруженной оппозиции и предпочли бы вести мирный образ жизни, если бы были рабочие места и условия для него», – говорится в докладе [Крупнов и др. 2008: 14]. Исходя из этого, обеспечение мира в Афганистане военным путем невозможно. В этой связи необходимо, чтобы улучшилась экономика страны и сократилось число граждан, входящих в состав террористических группировок.

Именно низкий уровень развития экономики Афганистана заставляет граждан этой страны вступать в ряды талибов и других боевиков, которые дестабилизируют обстановку в этом государстве. Однако в результате исследования работники Международного комитета Красного Креста (МККК) определили, что, по мнению афганцев, гражданским лицам, которые добровольно помогают врагу, не гарантирован такой же уровень защиты, как тем, кто был вынужденно совершает эти действия. Согласно их докладу, 31 % респондентов санкционируют нападения на гражданских лиц, которые добровольно перевозят боеприпасы для противника, и только 10 % – на тех, кого к этому принуждают. Также в фокус-группах и глубоких интервью респонденты объяснили, что гражданские лица, которые помогают врагу, фактически «участвуют в войне» [People... 1999].

В результате войны, длившейся более тридцати лет, действия движения «Талибан» и других сил нанесли крупный экономический ущерб различным отраслям афганской экономики. Только в 2016–2017 гг. талибы, афганские силы и другие группировки совершили более 240 нападений на медицинские учреждения в нарушение законов гуманитарного права. В результате этих атак была разрушена система здравоохранения: боевики повредили или уничтожили клиники и больницы и убили или ранили бесчисленное количество специалистов в области здравоохранения. «Другие были вынуждены оставить свою работу или бежать, и многие пациенты боялись обращаться за медицинской помощью» [Monaghan]. Наряду с этим уровень зависимости от наркотических средств в Афганистане увеличивается, что, в свою очередь, не может не отразиться негативно на социально-

² Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

медицинских затратах. «Зависимость от наркотических средств, отсутствие безопасности и влияние полевых командиров – это замкнутый круг, который превращает Афганистан в угрозу, политически парализованную, плохо управляемую и бедную страну, где развиваются теневая экономика и наркомания» [Пятая... 2012]. Непрерывные войны не только отразились на сфере здравоохранения Афганистана, но и нанесли сильный ущерб социально-экономической жизни этого государства.

Нестабильная обстановка в Афганистане как основной фактор ухудшения экономического положения стала поводом для вынужденной эмиграции населения данного государства. Однако после поражения талибов в 2001 г. начался этап возвращения беженцев, которые в основном временно проживали в Иране и Пакистане. Мечтой большинства беженцев и афганских эмигрантов были не только обретение спокойствия и встреча с близкими, они были готовы к восстановлению страны после гражданской войны. Около 1400 афганцев возвратились из 30 стран мира, чтобы помочь в возрождении своей родины. Наджибулла Моджадиди – один из таких афганских эмигрантов, он 30 лет прожил в США и получил диплом магистра в сфере финансов. В 2003 г. он решил вернуться на родину, где работал в качестве управляющего отделом аудита Министерства финансов Афганистана. «Хотя я много лет находился вдалеке от моей страны, – говорил он, – я всегда думал о ней и никогда не забывал ее. Это наш дом, и мы вернулись, чтобы восстановить его» [Афганистан... 2005: 3].

Кроме Наджибуллы, есть и другие беженцы, которые, возвращаясь в Афганистан, преследовали цели достижения спокойствия и стабильности в стране. Однако с возвращением на родину не все афганцы становятся постоянными ее жителями, чему есть несколько причин. По словам Хамида Хамдарда, заместителя главы управления Международной организации по миграции в городе Кабуле, один из факторов возвращения афганских беженцев – это политико-психологический характер местного населения Афганистана. По его мнению, многие, кто оставался в стране все эти годы войны и несчастий, зачастую с подозрением смотрят на тех, кто вернулся с Запада, чтобы помочь своей родине восстать из пепла. «Одна из таких проблем – холодный прием со стороны соотечественников, оказываемый тем из вчерашних эмигрантов, кто имеет двойное гражданство. Многие афганцы скептически относятся к патриотизму репатриантов, а некоторые даже считают их шпионами. Они не доверяют людям с двойным гражданством и считают, что те работают на другую страну, где жили с комфортом. Семьи многих из репатриантов до сих пор остаются за границей», – говорит Хамид Хамдард [Афганистан... 2005: 4–5].

Для улучшения положения афганских беженцев в Центральной Азии действует Верховный комиссариат ООН по делам беженцев (UNHCR). Эта организация была сформирована в 1950 г. после окончания Второй мировой войны. «В настоящее время UNHCR имеет более 10 900 работников в 130 странах мира. Бюджет UNHCR, который в первые годы деятельности организации составил 300 тыс. долларов США, в 2016 г. увеличился до 6,54 млрд долларов США» [History of UNHCR]. Этот комиссариат заключил договоренности со многими странами об обеспечении афганских беженцев жильем. После того как UNHCR в 2002 г. запустил программу добровольного возвращения беженцев, более 3,5 млн афганцев вернулись на родину. Одним из государств, которые активно содействовали

UNHCR в предоставлении беженцам места жительства, является Канада. Эта страна ежегодно предлагает квоту для приема 7,5 тыс. беженцев. Наряду с этим афганские беженцы до сих пор проживают на территории республик Средней Азии – Таджикистана, Туркменистана, Киргизии и Казахстана, а также западно-европейских государств.

В то время как часть населения Афганистана оказалась в незавидном положении беженцев на территориях других государств, положение граждан, оставшихся в этой стране, выглядит еще более сложным. Они постоянно находятся в состоянии конфликта и в нестабильной обстановке, как следует из социологического опроса Международного комитета Красного Креста, который был организован в 1999 г. с целью соблюдения основных принципов гуманизма, особенно в странах с нестабильной обстановкой, в том числе в Афганистане. Как отмечается в справке МККК, «85 % респондентов говорят, что они жили в районе, где происходили боевые действия. 44 % сообщают, что живут в районе, который оказался под контролем противника. 83 % афганских респондентов говорят, что война вынудила их покинуть свои дома. 70 % отмечают, что они получили серьезный материальный ущерб во время войны. Более половины респондентов (53 %) сообщают, что во время конфликта был убит член их семьи. 59 % сообщают о потере контакта с близким родственником» [People... 1999]. Данные сведения свидетельствуют о том, что для мирового сообщества обеспечение безопасности в этой стране, где население сильно страдает от последствий войны, является главной целью. Кроме того, должно улучшаться также экономическое положение Афганистана, но это возможно, только если в данной стране будут царить мир и спокойствие.

Многие эксперты, исследуя проблему 40-летней войны в Афганистане и нерешенность многих других вопросов, предлагают различные их решения. По мнению специалистов и исследователей геополитических проблем, Афганистан расположен на территории, которая называется Римленд. Один из основоположников геополитики Н. Спикмэн утверждает, что Римленд – это ключ к власти мира, поэтому каждый, кто владеет этим ключом, управляет Евразией, а тот, кто управляет Евразией, управляет судьбами всего мира [Гаджиев 1997]. Такую позицию Спикмэна поддерживает таджикский политолог К. Искандаров, который в своей статье «Афганистан в поле зрения геополитических интересов США» пишет, что эта страна – дверь к бесчисленным богатствам Евразии, Каспийского моря с природными ресурсами, Персидского залива, к нефти Казахстана и природного газа Туркменистана, к многочисленным запасам черных и цветных металлов. С точки зрения К. Искандарова, «политическую основу присутствия вооруженных сил Америки в Афганистане и регионе составляют два проекта: “Великий Средний Восток”, который составляет мусульманский мир от Афганистана до Марокко, и “Великая Средняя Азия”, что объединяет необъятные территории Сибири и Северной Индии» [Искандаров 2010: 65]. Российские эксперты Ю. Крупнов, И. Батыршин, А. Дереникьян, Б. Крупнов и С. Мелентьев утверждают, что сейчас под предлогом борьбы с терроризмом в Средней Азии США и НАТО решают следующие проблемы в Афганистане:

- устанавливают контроль над Россией, Китаем и Ираном;
- не допускают реинтеграции стран СНГ;

- обеспечивают контроль над энергетическими ресурсами и выгодными для их транспортировки коммуникациями в Кавказско-Каспийском и Центрально-Азиатском регионах;
- обеспечивают себе стратегическое присутствие в глубоком тылу КНР;
- берут под контроль «непокорный» Иран;
- имеют возможность спровоцировать региональный конфликт, способный стать предлогом для начала глобальных военных акций [Крупнов и др. 2008].

Таким образом, изучение данного вопроса показывает, что обеспечение мира в Афганистане является важной глобальной проблемой, и для ее решения мировое сообщество должно искать новые пути. В своем докладе Сайфулло Сафаров отмечает, что «возрождение мира Афганистана... с существованием достойных сыновей этой страны и друзей... это реальность. Так как началась и продолжается война, процесс мира тоже начинается и будет продолжаться» [Сафаров 2011: 7]. Значит, обеспечение мира и спокойствия в Исламской Республике Афганистан прежде всего находится в руках граждан этой страны и государств, желающих мира и спокойствия многострадальному афганскому народу. Поэтому необходимо усилить содействие и помощь других стран Афганистану и его гражданам, чтобы найти пути решения данной проблемы.

Литература

Александров И., Ахрамович Р. Государственный строй Афганистана. Сталинабад, 1957 (на тадж. яз.).

Алими Дж. Афганистан: моджахеды, оппозиция и заинтересованные стороны. Душанбе, 2012 (на тадж. яз.).

Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 2 / под ред. А. А. Князева. Бишкек : Илим, 2005.

Гаджиев К. С. Геополитика М. : Международные отношения, 1997.

Интервью с командующим Ахмад Шахом Масудом // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 1 / под ред. А. А. Князева. Бишкек : Илим, 2004. С. 138–143.

Искандаров К. Афганистан в фокусе геополитических интересов США // Влияние внешних факторов на обстановку в Афганистане и безопасность Центральной Азии: материалы Междунар. науч. конф. Душанбе, 2010. С. 59–70.

Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма. М. : Ладомир, 2004.

Крупнов Ю., Батыршин И., Дереникьян А. [и др.] Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия: проектно-аналитический доклад. М., 2008.

Назаров Х., Мерганов С. Новый Афганистан. Душанбе : Ирфон, 1982 (на тадж. яз.).

Новичков М. Афганская война (кратко): причины, ход войны, итоги, последствия: краткая история Афганской войны (1979–1989) [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/article/243021/afganskaya-voyna-kratko-prichinyi-hod-voynyi-itogi-osledstviya-kratkaya-istoriya-afganskoj-voynyi> (дата обращения: 06.06.2017).

Пятая Конференция регионального экономического сотрудничества по Афганистану (РЕССА V) / под общ. ред. Х. Зарифи. Душанбе : Ирфон, 2012. С. 79–81; 163–166.

Садыков А. Новая политика США по отношению к движению «Талибан»: деньги в обмен на лояльность // Влияние внешних факторов на обстановку в Афганистане и безопасность Центральной Азии: материалы Междунар. науч. конф. Душанбе, 2010. С. 247–252.

Сатторзода А. Динамика ситуации в Афганистане и архитектура безопасности в Евразийском пространстве // Сотрудничество государств Среднего Востока и Евросоюза: комплексное взаимодействие и перспективы. Душанбе : РТСУ, 2010. С. 61–68.

Сафаров С. Взаимосвязь безопасности Центральной Азии и Афганистана: пессимистический и оптимистический сценарии // Влияние внешних факторов на обстановку в Афганистане и безопасность Центральной Азии : материалы Междунар. науч. конф. Душанбе : Рос.-Тадж. (слав.) ун-т, 2010. С. 12–18.

Сафаров С. Афганский кризис и пути выхода из него // Вестник мира Азии. 2011. № 1. С. 3–7 (на тадж. яз.).

History of UNHCR [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unhcr.org/en-us/history-of-unhcr.html> (дата обращения: 29.06.2017).

Monaghan Ch. Afghanistan: Hospitals are under Attack, and Children are Paying the Price [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/en/document/afghanistans-hospitals-are-under-attack-and-children-are-paying-price> (дата обращения: 23.06.2017).

People on War. Country Report Afghanistan: ICRC Worldwide Consultation on the Rules of War. Geneva : ICRC, 1999.

Thompson M. Afghanistan Exit Strategy: Buying off the Taliban? [Электронный ресурс]. URL: <http://content.time.com/time/nation/article/0,8599,1916521,00.html> (дата обращения: 24.05.2018).

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ГРАЖДАНСКАЯ РЕЛИГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Митрофанова А. В.**

Цель данной статьи – продемонстрировать, что официальный дискурс о традиционных духовно-нравственных ценностях в России представляет собой попытку конструирования гражданской религии, обладающей потенциалом для объединения российской нации и обеспечения религиозной санкции существующей политической системе. Хотя термин «гражданская религия» открыто не используется, очевидно, что духовно-нравственные ценности способны наделять трансцендентным смыслом светские политические концепции и институты. Автор полагает, что конструируемая гражданская религия не имеет прямого отношения к существующим религиозным системам. В настоящий момент она сосредоточена на Победе в Великой Отечественной войне, которую представляет как сакральное внеисторическое событие, объединяющее общественную и частную сферы. Особое внимание уделено гражданским ритуалам, обнажающим религиозную природу традиционных ценностей.

Ключевые слова: гражданская религия в России, трансцендентная легитимность, традиционные духовно-нравственные ценности, День Победы, гражданские ритуалы, национальная идея в России.

The article aims at demonstrating that the official discourse about traditional spiritual-moral values in Russia represents an attempt to construct a civil religion with a potential to unify the Russian nation and to provide religious sanction to the existing political system. The term «civil religion» is not openly used; but spiritual and moral values are apparently able to give transcendental meaning to mundane political concepts and institutions. The author suggests that civil religion under construction is not directly related to the established belief systems. Instead, it is centered on the Victory in the Great Patriotic War understood as a sacred «out of

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (номер проекта: 18-0-11-00598).

** Митрофанова Анастасия Владимировна – д. полит. н., профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор факультета международных отношений и зарубежного регионоведения РГГУ, профессор факультета религиоведения Православного института Святого Иоанна Богослова. E-mail: avmitrofanova@fa.ru.

history» event that unites the public and the private. Special attention is paid to civic rituals that reveal the religious nature of traditional values.

Keywords: *civil religion in Russia, transcendental legitimacy, traditional spiritual-moral values, Victory day, civic rituals, national idea in Russia.*

Введение

В последние годы ценности стали чрезвычайно политизированной проблемой во всем мире. Общественная дискуссия о национальных ценностях происходит везде, где свобода слова существует в принципе. Всемирные «войны ценностей» свидетельствуют о глубоком кризисе современного общества перед лицом многочисленных моральных вызовов, таких как биоэтика, кризис института брака, эвтаназия, размывание гендерной идентичности. На фоне ценностных конфликтов хрупкими выглядят даже консолидированные общества. Неудивительно, что духовно-нравственные ценности (известные также как традиционные) заняли центральное место в российских внутривластных дискуссиях. Некоторые исследователи даже утверждают, что примерно в начале 2010-х гг. в российской политике произошел «поворот к морали» [Engström 2014; Laine, Saarelainen 2017; Laruelle 2014; Sharafutdinova 2014].

Политика ценностей в России остается малоисследованной проблемой. Большинство научных публикаций посвящены специфическим аспектам дискурса о традиционных ценностях [Blakkisrud 2016; Chebankova 2016; Horvath 2016; Laine 2016; Østbø 2016; Sharafutdinova 2014; Stepanova 2015; Wilkinson 2014], при этом политика ценностей не поставлена в более широкую концептуальную рамку, например, в рамку гражданской религии. Существует также определенная этнографическая литература о новых гражданских ритуалах и сакральных пространствах, построенная на эмпирических исследованиях [Браун 2015; Габович 2015; Колягина, Конрадова 2015; Ушакин 2014; Резникова 2015; Юджина 2015; Gabowitsch 2016]. Данная статья призвана продемонстрировать, что официальный дискурс о традиционных духовно-нравственных ценностях является попыткой создания гражданской религии, способной объединить российскую нацию и обеспечить трансцендентную легитимность существующей политической системы. Хотя термин «гражданская религия» до сих пор официально не использовался, концепция традиционных духовно-нравственных ценностей, очевидно, предназначена придать вполне светским политическим понятиям и институтам некоторое сакральное значение. Поскольку природа зарождающейся гражданской религии носит скрытый характер, внимание автора сосредоточено на том, как результаты ее конструирования представлены в официальном дискурсе и гражданских ритуалах. Восприятие гражданской религии гражданами России находится вне пределов данной статьи.

1. Гражданская религия, национальная идентичность и трансцендентная легитимность: теоретический обзор

Разделение российского общества на антагонистические группы по таким параметрам, как этничность, религия, благосостояние, отношение к прошлому и т. д., остается глубоким. Иногда кажется, что гражданская война в России не

закончилась: настолько быстро происходит поляризация граждан на основе оценки давно прошедших событий и умерших исторических фигур. Даже у русского большинства отсутствует единая интерпретация истории и видение будущего, что свидетельствует о кризисе национального единства. Каждая проблема, какой бы незначительной она ни была, провоцирует немедленную мобилизацию групповой лояльности, которая выливается в волну сетевых репостов и последующих интернет-битв. В качестве объединяющих площадок антагонистические группы используют социальные сети (при незначительном выходе за пределы Интернета), так как российский социально-политический климат не способствует публичному обсуждению болезненных вопросов.

Можно согласиться с норвежским исследователем Полом Колстё, что «Россия, несомненно, является полноценным, международно признанным государством, но это не превращает ее автоматически в национальное государство... С момента распада Советского Союза среди граждан России существует заметный недостаток ощущения общей цели и идентичности» [Kolstø 2004: 8]. Хрупкость национального единства россиян обнажилась, например, в обращении президента к гражданам, сделанном в сентябре 2004 г., после убийства заложников в Беслане. Широко обсуждавшаяся фраза «Мы назвали новую страну Российской Федерацией» подчеркивала, что, вопреки необходимости «мобилизовать нацию» (о чем говорилось в том же обращении), нации как таковой еще не существовало [Обращение... 2004]. Фрагменты СССР, «названные» Российской Федерацией, были единственным доступным строительным материалом для нового государства.

Другие официальные заявления также выдают не только проблемы национального единства, но и недостаточную легитимность политической системы «нового» государства. Россия переживает двусторонний кризис, затрагивающий и национальное единство, и государственную легитимность. В идеальной ситуации консолидированная нация и легитимная государственная система усиливают друг друга; в российской ситуации слабая нация и слабое государство взаимно подрывают друг друга. Разнообразие политических позиций в стране – нормальное явление, но государственные институты могут функционировать, только когда большинство граждан уважает их легитимность. Если значительное число людей отрицает легитимность политической системы, данное государство находится в зоне риска. В таких обстоятельствах задача правительства – балансировать между антагонистическими позициями внутригосударственных групп, пытаясь в то же время примирить их и выдвинуть проект национального единства. Успешный проект разрешит кризис государственной легитимности – и наоборот. Проблема заключается в том, что сцепка «легитимность/единство» нуждается в религиозной санкции.

Согласно классической работе Карла Шмитта о политической теологии, все политические (относящиеся к государству) концепции представляют собой секуляризированные версии богословских понятий [Schmitt 2005: 36]. Изучение политики фактически представляет собой анализ нисхождения сакрального в мир политических явлений. Политические идеи и институты нуждаются в трансцендентной санкции, которая детерминирована их близостью к сакральному. Подход Шмитта отражен, например, в Основах социальной концепции Русской право-

славной церкви, где говорится о иерархии политических режимов [Социальная... 2001: 39]. В соответствии с приоритетами Церкви прямое Богоправление, или теократия, описанная в Книге Судей, представлена в качестве предпочтительного режима, поскольку ее трансцендентная легитимность очевидна. Монархия (самодержавие) расположено на ступень ниже, но все еще обладает значительной долей трансцендентной легитимности. Монархов некогда почитали как божества (египетских фараонов, японских императоров), как потомков божества (существовала легенда, что Меровинги являются потомками Христа) или просто как чудотворцев. Веками люди верили, что монархи Франции и Англии способны исцелить золотуху наложением рук – «королевским прикосновением» [Bloch 1973]. Сэмюэла Джонсона, знаменитого английского писателя, в 1709 г. ребенком приводили к королеве Анне для чудесного исцеления [None 2017: 95]. Монархия, таким образом, может быть относительно просто легитимизирована через прямую апелляцию к сакральному.

Трансцендентная санкция становится проблематичной в случае немонархических режимов, таких как диктатура и демократия. Появление светских режимов привело к тому, что они потребовали сложных форм религиозной легитимности. Диктатура может добиться ее посредством культа личности, который создается и поддерживается средствами массовой информации, национальными системами образования и пропагандистским искусством. Диктаторов представляют как сверхъестественных существ, воплощения национального духа, чья мудрость и сила значительно выше, чем у среднего человека. Например, Сапармурат Ниязов, бывший президент Таджикистана с 1990 г. и до своей смерти в 2006 г., называл себя Отцом Туркмен (Туркменбаши); он переименовал месяц апрель в честь своей матери, январь – в свою честь, а также воздвиг свою позолоченную статую, которая вращалась по ходу солнца. По наблюдениям Абея Полесье и Славомира Горака, «несмотря на то, что богом он себя [по крайней мере, при жизни] не изображал, в поездках по стране президент регулярно демонстрировал свои “божественные способности” многими способами, например, показывая способность предсказывать погоду или предвидеть важные события в стране» [Polese, Horák 2015: 462]. Иди Амин, президент Уганды в 1971–1979 гг., официально называл себя Повелителем всех земных зверей и морских рыб, а президент Гаити Франсуа Дювалье изображал из себя вудуистское божество Барона Субботу. На таком фоне любая политическая оппозиция становится нелегитимной по определению, поскольку противопоставляет себя всей нации, воплощенной в «отце» и символе.

Демократии изобрели свой путь легитимации с помощью четко сформулированной концепции гражданской религии, способной обеспечить трансцендентную санкцию политическим идеям и институтам. Ж.-Ж. Руссо (1762, «Об общественном договоре») писал, что даже республиканское государство неспособно выжить без религиозного основания. Он предположил, что для санкционирования существующего политического порядка необходима гражданская религия, и выдвинул идею квазитрансцендентности политических понятий и институтов. В XX в. к этой идее вернулся американский социолог Роберт Белла, ставший основателем современных научных подходов к гражданской религии [Bellah 1967].

Сначала гражданские религии не ассоциировались с демократией, поскольку японский синтоизм считался их признанным примером. Американский исследователь Дон Бейкер подчеркивает, что синтоистский культ был сконструирован искусственно, чтобы обеспечить духовную основу новых, пореформенных политических институтов: создатели современной Японии «возвели поклонение местным божествам в статус нового национального культа, который назвали Синто (путь богов), а затем перешли к созданию национальной сети жрецов – с целью как отправления ритуалов, так и пропаганды доктрины, которая, как они надеялись, сможет внушить японскому народу любовь к Японии и японскому императору» [Baker 1997: 157]. Симптоматично, что Роберт Белла называл «американским синтоизмом» гражданскую религию США [Белла 1996: 676]. Тем не менее гражданская религия и демократическое правление уживаются довольно хорошо. Гражданские религии существуют в большинстве устойчивых демократий.

Проще всего заклеить гражданскую религию как профанацию священного. По этой причине ее отвергают две категории людей: во-первых, это верующие и неверующие люди, обладающие современным (секулярным) представлением о религии как сфере, отделенной от других сфер общества, включая политику [см., например: Novogun 2017: 258, 262]. Во-вторых, гражданская религия неприемлема для людей досекулярных (традиционных), обладающих, по формулировке Дональда Смита, целостным мировоззрением, которое «отрицает различие между сакральным и секулярным» [Smith 1974: 17], а также для религиозных фундаменталистов [о фундаментализме см.: Mitrofanova 2014], которые сознательно стремятся вернуться в досекулярный мир. Невзирая на эти отрицательные реакции, гражданские религии неизбежно носят синкретический характер, поскольку их сакральные элементы инструментальны – они используются для легитимации политического.

Концепция постсекулярности [Узланер 2013] или, в более радикальной версии, десекуляризации [Berger 1999] помогает осознать двусмысленность гражданской религии. Мир, в котором мы живем, не является секулярным на сто процентов, он пережил момент «расколдовывания», но не смог остаться без религии, поскольку сакральное все еще необходимо в качестве инструмента легитимации. Дмитрий Узланер справедливо утверждает, что религия возвращается не на пустое место, а в ландшафт, созданный процессами секуляризации [Узланер 2013]. Гражданская религия – двусмысленный феномен, одновременно принадлежащий сферам религии и политики. Его функции намного уже, чем у религии: они сводятся к объединению нации и санкционированию государственных институтов.

Единого понимания отношений между гражданской религией и тем, что в других работах известно как национальная (государственная) идеология, не существует. Я полагаю, что это синонимичные термины, каждый из которых подчеркивает собственную сторону медали. Концепция гражданской религии больше применима в случае прямых ссылок на трансцендентное (Бога, богов, божества и т. д.), в то время как концепция национальной (государственной) идеологии может применяться к обществам, где ссылки на сакральное не так очевидны (апелляция к национальному духу, вечно живым героям и т. д.). Совпадения между национализмом и религией были детально описаны в классической работе

Карлтона Хейса [Hayes 1960]. Даже советская государственная идеология, хотя и не была национальной, часто концептуализировалась как гражданская религия [Вососк 1985: 220]. Религиозные аспекты государственной идеологии в СССР были подробно исследованы Кристел Лэйн [Lane 1981].

2. Духовно-нравственные ценности: скрытая гражданская религия

В специфическом российском контексте функциональная демократия нуждается в собственном методе обеспечения трансцендентной легитимности. Религиозная санкция должна обеспечиваться на равном удалении от существующих религий. Иными словами, гражданскую религию придется изобретать, не затрагивая болезненные религиозные точки. Например, эта религия не может быть основана исключительно на православии, потому что это вызвало бы отрицательную реакцию со стороны мусульман, буддистов, агностиков, атеистов и др. Нельзя согласиться с мнением архимандрита Кирилла [Говоруна], что «православная Церковь играет важнейшую роль в конструировании новой гражданской религии России» [Novogun 2017: 258]. По моему мнению, православие и Церковь играют некоторую роль, но небольшую. Русская православная церковь, как и мусульманские, буддийские и прочие религиозные организации, вовлечена в обсуждение предложенных ценностей, но ее слово не всегда является решающим. Российская гражданская религия неизбежно будет синкретичной и «бриколажной» (мозаичной) [Stepanova 2015: 126]. Она может включать некоторые элементы православия, как и дохристианских верований, но будет одинаково открытой для заимствований из других религиозных систем и идеологий.

Поиск гражданской религии в России замедлен, так как этот термин официально не используется. Вместо этого применяют более привычный термин «национальная идея», который в постсоветский период претерпел эволюцию от «русской идеи» дореволюционных и эмигрантских публицистов до «российской идеи» современного официального языка. Слово «идеология» не употребляется вообще, так как навязывание идеологии запрещено Конституцией РФ.

«Нация» в Конституции 1993 г. не упомянута. В то время это слово было немодным, вместо него обычно использовали расплывчатое понятие «народ». Следуя советской языковой традиции, граждан России официально называли народом, состоящим из индивидов разных «национальностей» (то есть этнических групп). Конституция упоминает «многонациональный народ» – термин, который подвергался острой критике со стороны, например, Валерия Тишкова, ведущего российского этнолога и министра национальностей в правительстве РСФСР в 1992 г. В 1999 г. в программной статье «Забыть о нации» он назвал язык «многонациональности» саморазрушительным и потенциально ведущим к дезинтеграции России по причине усиливающегося национализма «внутренних наций» [Тишков 2003: 147]. Тишков придерживается конструктивистского подхода к нациям и сохраняет скептицизм в отношении самой концепции, считая ее избыточной и даже «призрачной» [Там же: 167]. О нации, конечно, не забыли, но конструктивизм в конечном итоге возобладал в российской политике – не потому, что исчезли сконструированные внутригосударственные нации, но благодаря переходу к конструированию целостной российской нации.

Федеральная целевая программа 2013 г. «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» [ФЦП... 2013] официально расшифровывает понятие многонационального народа как «российскую нацию», но переход к подобной терминологии занял более десяти лет. основополагающая статья будущего президента В. В. Путина 1999 г. «Россия на рубеже тысячелетий», опубликованная перед началом первого срока его полномочий, упоминает нацию как случайный синоним «населения»; для этого документа нация, безусловно, не является центральной концепцией. Однако именно к статье 1999 г. восходит официальный дискурс о российском единстве: В. В. Путин определяет Россию как «внутренне разобщенное» общество, нуждающееся в социальном консенсусе относительно целей и ценностей. Он резко возражает против введения идеологии, предлагая вместо этого опереться на «исконные, традиционные ценности россиян» [Путин 1999].

Большинство наблюдателей согласны, что использованная терминология свидетельствует о гражданском (не этническом) характере национальной идеи в официальном дискурсе. Пол Колстё полагает, что «продолжая говорить скорее о россиянах, чем о русских, Путин обозначил, что собирается продолжать многоэтническое или надэтническое национальное строительство, начатое его предшественником» [Kolstø 2004: 5]. Финский исследователь Веера Лайне справедливо утверждает, что «на уровне дискурса современный российский государственный национализм не опирается на этнические или гражданские характеристики, даже если мы решим применить подобные категории» [Laine 2016: 28]. Нельзя согласиться с высказыванием, что в 2012 г. официальная риторика в России стала более этнически ориентированной [Blakkisrud 2016: 255]. Возможно, дело всего лишь в том, что слово «русские» часто используется как общее понятие, обозначающее все российские этнические группы.

В 1999 г. В. В. Путин определил четыре ключевые ценности, объединяющие народы России: патриотизм, державность, государственничество, общественную солидарность [Путин 1999]. В тот момент эти ценности не были ни полностью национальными, ни «исконными». Будущий президент видел «новую русскую идею» как органическое единство общечеловеческих ценностей с самобытными российскими, выдержавшими проверку временем [Там же]. Названные ценности также не были консервативными ни в каком значимом смысле: например, семья вообще не попала в этот список.

Семья превратилась в одну из безоговорочных российских ценностей не ранее, чем в качестве официальной идеологии партии «Единая Россия» возник так называемый «российский консерватизм». В программном документе 2009 г. «Россия – сохраним и приумножим!» партия провозгласила следующие ценности общими для граждан России: любовь к родине, крепкая семья, здоровый образ жизни, профессионализм и гражданская солидарность [Программный... 2009]. Примерно с этого момента традиционные ценности стали еще и консервативными. Семья постепенно превратилась в главную из них; в конце 2017 г. традиционное новогоднее обращение президента было почти полностью посвящено радостям семейной жизни [Новогоднее... 2017].

Российские ценности постепенно все менее сосредоточивались на государстве и все более – на духовных связях. Их общепринятым обозначением стано-

ваются «духовно-нравственные ценности». Важным представляется также появление синонимичной метафоры «духовные скрепы», которая впервые прозвучала в выступлении Президента РФ В. В. Путина перед Федеральным собранием в 2012 г., когда он заметил, что «российское общество испытывает недостаток духовных скреп» [Послание... 2012]. Метафора, в зависимости от намерений говорящего, может быть использована серьезно или с юмором. Сократившись до просто «скреп», она стала поговоркой, популярным мемом и элементом демотиваторов.

Ценности, или скрепы, можно найти в официальной риторике в разных вариантах. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на 2015–2025 гг. содержит следующий список духовно-нравственных ценностей: человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро, стремление выполнить моральные обязательства перед собой, своей семьей и перед Отечеством [Стратегия... 2015]. Эта версия ценностей адаптирована к целям воспитания. К удивлению иностранных исследователей, духовно-нравственные ценности стали даже частью Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Curanović 2012: 243]. Норвежский ученый Ярдар Ёстбё даже подсчитал, что слово «духовный» в последней версии этого документа использовалось 15 раз [Стратегия... 2015], знаменуя, что ценности в России стали предметом безопасности [Østbø 2016: 1–2]. Важность такого нововведения очевидна, поскольку последние два десятилетия о «духовной безопасности» в России говорили только оппозиционные политики из коммунистического или национально-патриотического лагеря [Norvath 2016; Stepanova 2015].

Несмотря на множество упоминаний, официального списка традиционных духовно-нравственных ценностей все еще не существует. Неясно даже, что означает «традиционные»: полузабытые досовременные, к которым надо вернуться, или просто общие, давно устоявшиеся, которые надо сохранить? Или и то и другое? Что этим ценностям противостоит: современные или чуждые ценности? С моей точки зрения, ответы на эти вопросы второстепенны. Концепция традиционных ценностей появилась как индикатор социального кризиса. В стабильной ситуации люди просто живут в соответствии со своими ценностями, не рассматривая ни ценности, ни практики как традиционные. Потребность в традиционных ценностях появляется, когда последние находятся под угрозой, близки к исчезновению или нуждаются в восстановлении. Независимо от содержания традиционных ценностей, они с функциональной точки зрения являются ответом на кризис, который угрожает разрывом социальных связей (отсюда и метафора «скреп»). Таким образом, традиционные ценности в России являются функциональным аналогом гражданской религии.

Традиционные ценности сформированы нечетко, а содержание гражданской религии – с точки зрения устоявшихся религий – смутно, так как четкие определения были бы отвергнуты одной из антагонистических групп. Датский религиовед Оле Рийс, говоря об объединительной роли ритуалов гражданской религии, предполагает: «...эти ритуалы избегают открыто провозглашать, какая трансцендентная сила придает режиму сакральный характер» [Riis 1998: 260]. В то же время предельная неясность ценностей делает их неотличимыми от ценностей любой другой нации. Поэтому российские ценности должны быть сформулированы с

умом: быть достаточно смутными, чтобы не оттолкнуть многочисленные внутригосударственные группы, но достаточно специфичными, чтобы соответствовать задачам национального строительства.

3. Ритуалы Победы: воплощение ценностей на практике

Говоря о конкретных духовно-нравственных ценностях, я хотела бы сосредоточиться на концепции Победы в Великой Отечественной войне, которая обладает потенциалом, чтобы стать главным элементом создаваемой российской гражданской религии. Победу обычно не называют напрямую среди традиционных ценностей, тем не менее это, несомненно, ценность, или, фигурально выражаясь, «духовная скрепа». Косвенным образом ее можно найти «внутри» таких ценностей, как патриотизм или долг перед Отечеством и семьей. Победа – единственная безопасная платформа, которая может помочь правительству преодолеть указанные выше социальные антагонизмы. Относительно Победы в России существует социальный консенсус: большинство населения ею гордится. Незначительное меньшинство, не признающее Победу, в рассмотрение можно не принимать. Например, согласно опросу ФОМ в мае 2017 г., только 2 % респондентов выразили негативные (плохие, тяжелые) ассоциации с Победой [Война... 2017].

Понимание Победы и Дня Победы как «скрепы» вряд ли можно найти в текстах, особенно официальных. Тем не менее оно широко распространено на уровне повседневных практик. Можно привести пример «уроков мужества», которые в обязательном порядке проводятся в школах России несколько раз в год. Эти уроки соответствуют таким праздникам, как День защитника Отечества (23 февраля), День Победы (9 мая), первый день школьных занятий (1 сентября – с 2010 г.). На этих уроках школьники узнают прежде всего о подвигах, совершенных их предками во время Великой Отечественной войны. Такие практики существовали и в советский период, но советская Победа ассоциировалась с конкретным историческим событием (большинство ветеранов войны в то время были живы и вполне активны); ни в каком аспекте она не рассматривалась как «национальный праздник». На неформальном уровне у Победы были национальные нотки, но официальная позиция четко провозглашала, что это великое историческое событие стало возможным только благодаря идеологическому превосходству коммунизма.

Первоначальное понимание Победы в СССР было историческим; ее годовщина даже не сразу стала выходным днем. Сакрализация и деисторизация Победы восходят к 1965 г., когда праздник был установлен официально. Это вылилось в массовое строительство военных памятников и мемориалов Вечного огня по всему Советскому Союзу. В настоящее время, когда военное поколение почти сошло со сцены, празднование Дня Победы стало внеисторическим. День Победы соединяет прошлое с настоящим [Браун 2015], обеспечивая то, что известный российско-американский антрополог Сергей Ушакин называет «хронографической сшивкой» [Ушакин 2014]. Можно добавить третий компонент – будущее: концепция Победы и народа-победителя включает предвидение побед завтрашнего дня.

Девятого мая в России отмечают не просто победу в конкретной войне, но и национальную победу над моральной деградацией, экономическими вызовами, демографическими угрозами и т. д. Этот праздник связывает нацию воедино, обеспечивая государству трансцендентную легитимность. Он помогает укрепить связи российских граждан с соотечественниками за рубежом – бывшими советскими гражданами и их потомками, для которых важной частью идентичности является как русский язык и культура, так и советское наследие. Объекты и события, относящиеся к Победе, обладают множественными смыслами (историческими, символическими, трансцендентными, политическими и др.) и в значительной степени подвергаются так называемой «расширенной интерпретации» [Колягина, Конрадова 2015]. Одним из объектов со многими смыслами является георгиевская ленточка – от политических смыслов (символ пророссийских настроений за рубежом) до исторических и религиозных [см., например: Ушакин 2014]. Роль организованной религии (православия) в данном случае ограничена и инструментальна (религия обеспечивает санкционирование политики).

Трансцендентные аспекты Победы обнаруживают ее природу как компонента гражданской религии. Эти аспекты очевидны, когда мы наблюдаем ритуалы этого праздника. В настоящее время новые ритуалы являются единственным компонентом гражданской религии, доступным для научного исследования, – частично потому, что отсутствует последовательная идеология. Многое остается невысказанным и может быть познано только посредством тщательного этнографического исследования гражданских ритуалов. Большая часть доступной этнографии посвящена возникающим формам празднования Дня Победы в России при наличии специфических исследований о Москве, других регионах и зарубежье.

Этнографические исследования оставляют впечатление, что ритуалы Дня Победы успешно выполняют задачи гражданской религии. Они объединяют российских граждан друг с другом, воплощая в то же время, как формулирует Джуди Браун, «и местную, и наднациональную постсоветскую солидарность» [Браун 2015]. Помимо этого, День Победы способен легитимизировать существующую политическую систему, которая воспринимается как наследница победившей (то есть имеющей трансцендентную легитимность) системы. Немецкий исследователь Михаил Габович приходит к выводу, что «российские власти фактически официально провозгласили себя распорядителями наследия Победы и привязали “победное” воспоминание о войне к идентификации с современной Россией и ее политикой коммеморации» [Габович 2015]. Это утверждение можно проиллюстрировать тем фактом, что георгиевская ленточка и другие знаки Победы (песня 1954 г. «Легендарный Севастополь») стали символами пророссийской ориентации в 2014 г., в дни референдума в Крыму.

Другая важная и пока уникальная черта Дня Победы: помимо общественных празднований, он делает возможными частные ритуалы, объединяющие российские семьи (семья находится в списке традиционных ценностей). Акция «Бессмертный полк» демонстрирует беспрецедентное число участников. Первая официально поддержанная процессия в Москве в 2015 г. (на семидесятилетие Победы) собрала более 500 тыс. человек, включая В. В. Путина, который нес портрет своего отца; в 2016-м – около 700 тыс. человек, в 2017-м – 750 тыс. участников [«Бессмертный полк» в Москве... 2017]; в 2018-м – более 1 млн человек [«Бес-

смертный...» 2018]. Сообщается, что число участников процессии по всей России достигло в 2017 г. 7,8 млн человек [«Бессмертный полк» расширяет... 2017], в 2018 г. – 10,4 млн [Названо... 2018]. В 2018 г. вместе с президентом России в шествии приняли участие президент Сербии А. Вучич с портретом своего деда и премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху с портретом Героя Советского Союза Вольфа Виленского.

«Бессмертный полк» расширяется с каждым годом, включая теперь не только ветеранов боевых действий, но и тружеников тыла. В 2016 г. интенсивные сетевые дискуссии вызвал тот факт, что депутат Государственной думы Вячеслав Никонов присоединился к шествию с портретом своего деда Вячеслава Молотова. Никонов отверг попытки обвинить своего предка в заключении пакта о ненападении с нацистской Германией и заявил: «Дело не только в его заслугах перед страной. Для меня главное, что он – родной человек, и абсолютно естественно встречать День Победы с ним» [Вячеслав... 2016]. В будущем, если традиция закрепится, она может расширяться и включить менее близких родственников, а также напоминать не только о данной войне, но и обо всех победах (не только военных), которые имели место в истории России.

Гражданская религия, разумеется, требует больше ритуалов, чем одно только празднование Дня Победы. Существуют и другие праздники, обладающие потенциалом, чтобы превратиться в «духовные скрепы» зарождающегося гражданского культа. Например, ритуал купания в проруби на Крещение ранее ассоциировался только с православным христианством, но в крещенских купаниях 2018 г. принимали участие не только православные. Мусульмане России тоже окунулись в холодную воду: по крайней мере одна прорубь была сделана в форме полумесяца [В Татарстане... 2018], и по крайней мере один человек во время купания крикнул «Аллаху Акбар!» [Аллаху... 2018]. Эти инциденты, конечно, просто курьезы, но они симптоматичны. У купаний есть все шансы стать всероссийским гражданским ритуалом, и некоторые иностранцы уже воспринимают их именно так. По крайней мере, 21 января 2018 г. посол США в России (по вероисповеданию – мормон) искупался в проруби, чтобы «больше узнать о духовных традициях» России [Посол... 2018].

По некоторым причинам два официально провозглашенных постсоветских праздника, не имевших аналогов в прошлом, были восприняты людьми довольно холодно и остались бессмысленными лишними выходными. 4 ноября 2005 г. был установлен День народного единства. Одновременно был ликвидирован День Октябрьской революции 7 ноября (сначала была сделана попытка сохранить его как День примирения и согласия). Популярности этот праздник так и не приобрел. Скорее всего, проблема заключается в том, что этот праздник был немедленно присвоен этническими русскими националистами, которые начали проводить в этот день свой Русский марш (в 2014 г. этот марш в связи с разногласиями в среде националистов по поводу Крыма распался на два мероприятия и был полностью дискредитирован). 12 июня, День России (установленный в 1992 г. как День принятия Декларации о государственном суверенитете России), связан для большинства граждан с недобрыми воспоминаниями о крахе СССР, последующих вооруженных конфликтах, международном унижении страны. Важно и то, что популярный праздник не должен быть навязан сверху. Традиция Дня Победы сильна

потому, что это не только национальный, но и семейный праздник. Отмеченный выше домашний, семейный аспект Дня Победы существовал и в советском прошлом [Колягина, Конрадова 2015]. «Бессмертный полк» зародился как инициатива снизу, и сначала его даже воспринимали как нечто оппозиционное официальным ритуалам [Gabowitsch 2016: 11]. Вне России, во многих постсоветских государствах, День Победы по-прежнему отмечают частным образом или в порядке протеста.

Заключение

В заключение хотелось бы повторить, что поворот к декларациям о ценностях и морали в российской внутренней политике вызван неотложной необходимостью решить две взаимосвязанные политические задачи: достичь национального единства вопреки тому, что общество разделено на антагонистические группы, и обеспечить трансцендентную легитимность существующей политической системы. Обе задачи решаются в процессе конструирования гражданской религии. Данный термин официально никем не используется, но то, каким образом построен разговор о духовно-нравственных ценностях, а также характер некоторых гражданских ритуалов, связанных (на данном этапе создания гражданской религии) в основном с Днем Победы, демонстрирует, что идет именно процесс создания гражданской религии.

Важно также подчеркнуть, что политические процессы в России обусловлены внутренними задачами. Обсуждение духовно-нравственных ценностей не является реакцией на политику Запада, хотя уже появилась литература, в которой утверждается, что чуть ли не главной задачей правительства является именно противопоставление России Западу [Horvath 2016; Laruelle 2014; Stepanova 2015; Stroop 2016]. В то же время между российским и западным дискурсами о традиционных ценностях существенной разницы нет. Внутри России существует интеллектуальная тенденция надеяться на «традиционалистский интернационал», и она не совсем необоснованна: существуют связи между традиционалистскими политическими движениями вне России и внутри нее. Но масштаб и значение этих связей преувеличиваются как их участниками, так и исследователями.

Литература

«Аллаху Акбар» на Крещение [Электронный ресурс] : Islam News. 2018. 19 января. URL: <https://www.islamnews.ru/news-allahu-akbar-na-kreshhenie-video/>.

Белла Р. Основные этапы эволюции религии в истории общества // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 665–677.

«Бессмертный полк» в Москве установил рекорд численности [Электронный ресурс] : Lenta.ru. 2017. 9 мая. URL: https://lenta.ru/news/2017/05/09/record_polk/.

«Бессмертный полк» расширяет географию и бьет рекорды по численности [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2017. 9 мая. <https://ria.ru/society/20170509/1493946876.html>.

«Бессмертный полк» в Москве установил рекорд по числу участников [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2018. 9 мая. URL: <https://ria.ru/society/20180509/1520239817.html>.

Браун Дж. Перформативная память: празднование Дня Победы в Севастополе [Электронный ресурс] : Неприкосновенный запас. 2015. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11515/.

Война и Победа. Правдиво или нет освещается история войны в нашей стране? [Электронный ресурс] : ФОМ. 2017. 8 мая. URL: <http://fom.ru/Proshloe/13313>.

Вячеслав Никонов объяснил выход с портретом Молотова на «Бессмертный полк» [Электронный ресурс] : Tech24news. 2016. 11 мая. URL: <http://www.tech24news.ru/vyacheslav-nikonov-obyasn timer-vyход-s-portretom-molotova-na-bessmertnyj-polk/>.

В Татарстане мусульмане прорубили крещенскую прорубь [Электронный ресурс] : Islam News. 2018. 20 января. URL: <https://www.islamnews.ru/news-v-tatarstane-musulmane-vyrubili-kre/>.

Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы [Электронный ресурс] : Неприкосновенный запас. 2015. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11512/.

Колягина Н., Конрадова Н. День Победы на Поклонной горе: структура пространства и ритуалы [Электронный ресурс] : Неприкосновенный запас. 2015. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11514/.

Названо число участников шествия «Бессмертный полк» в городах России [Электронный ресурс] : Взгляд. 2018. 9 мая. URL: <https://vz.ru/news/2018/5/9/921880.html>.

Новогоднее обращение Президента России Владимира Путина [Электронный ресурс] : Первый канал. 2017. 31 декабря. URL: <https://www.1tv.ru/shows/novyy-god-2018/novyy-god-na-pervom-2017/novogodnee-obrashenie-prezidenta-rossii-vladimira-putina>.

Обращение Президента России Владимира Путина к гражданам России [Электронный ресурс] : Президент России. 2004. 4 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22589>.

Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] : Президент России. 2012. 12 декабря. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>.

Посол США окупился в прорубь ради познания «духовных традиций» России [Электронный ресурс] : РБК. 2018. 21 января. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/01/2018/5a646be99a794782d0246a14>.

Программный документ «Россия: сохраним и приумножим!», принятый на XI съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия» 21 ноября 2009 г. [Электронный ресурс] : «Единая Россия» – Ростовская область. 2009. 21 ноября. URL: http://old.rostov.er.ru/index.php?do=static&page=pr_part3.

Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря.

Резникова О. Скорбь и праздник в [пост]колониальном контексте. Этнографические заметки. Грозный 8, 9 и 10 мая [Электронный ресурс] : Неприкосновенный запас. 2015. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11516/.

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : Российская газета – Федеральный выпуск. 2015. 8 июня. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html>.

Социальная концепция Русской православной церкви. М. : Даниловский благовестник, 2001.

Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003.

Узланер Д. Картография постсекулярного [Электронный ресурс] : Отечественные записки. 2013. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo>.

Ушакин С. А. Вспоминая на публике: Об аффективном менеджменте истории [Электронный ресурс] : Гефтер. 2014. 14 ноября. URL: <http://gefter.ru/archive/13513>.

ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России [2014–2020 годы]» [Электронный ресурс] : Правительство России. 2013. 20 августа. URL: <http://government.ru/docs/4022/>.

Юдкина А. «Памятник без памяти»: первый Вечный огонь в СССР [Электронный ресурс] : Неприкосновенный запас. 2015. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11513/.

Baker D. World Religions and National States: Competing Claims in East Asia // Transnational Religion and Fading States / ed. by S. Rudolf, J. Piskatori. Boulder, CO : Westview Press, 1997. Pp. 144–172.

Bellah R. Civil Religion in America // Daedalus. 1967. Vol. 96. Pp. 1–21.

Berger P. L. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / ed. by P. L. Berger. Grand Rapids : William B. Eerdmans, 1999. Pp. 1–18.

Blakkisrud H. Blurring the Boundary between Civic and Ethic: The Kremlin's New Approach to National Identity under Putin's Third Term // The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–2015 / ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburg : Edinburg University Press, 2016. Pp. 249–274.

Bloch M. The Royal Touch: Sacred Monarchy and Scrofula in England and France. McGill : Queen's University Press, 1973.

Bocock R. Religion in Modern Britain // Religion and Ideology. A Reader / ed. by R. Bocock, K. Thompson. Manchester : Manchester University Press, 1985. Pp. 207–233.

Chebankova E. Contemporary Russian Conservatism // Post-Soviet Affairs. 2016. Vol. 32. No. 1. Pp. 28–54.

Curanović A. The Religious Factor in Russia's Foreign Policy. London; New York : Routledge, 2012.

Engström M. Contemporary Russian Messianism and New Russian Foreign Policy // Contemporary Security Policy. 2014. Vol. 35. No. 3. Pp. 356–379.

Gabowitsch M. Are Copycats Subversive? Strategy-31, the Russian Runs, the Immortal Regiment, and the Transformative Potential of Non-Hierarchical Movements [Электрон-

ный ресурс] : Problems of Post-Communism. 2016. November 29. Pp. 1–18. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10758216.2016.1250604>.

Hayes C. J. Nationalism: A Religion. New York : The Mackmillan Company, 1960.

Hone J. Literature and Party Politics at the Accession of Queen Anne. Oxford : Oxford University Press, 2017.

Horvath R. The Reinvention of “Traditional Values”: Nataliya Narochnitskaya and Russia’s Assault on Universal Human Rights // Europe-Asia Studies. 2016. No. 68. Vol. 5. Pp. 868–892.

Hovorun C. Civil Religion in the Orthodox Milieu // Political Theologies in Orthodox Christianity: Common Challenges – Divergent Positions / ed. by K. Stoeckl, I. Gabriel, A. Papanikolaou. London : Bloomsbury, 2017. Pp. 253–264.

Kolstø P. Nation-Building in Russia: A Value-Oriented Strategy // Nation-Building and Common Values in Russia / ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, 2004. Pp. 1–27.

Laine V. State-Led Nationalism in Today’s Russia. Uniting The People With Conservative Values? FIIA Working Paper. Helsinki : The Finnish Institute for International Affairs, 2016.

Laine V., Saarelainen I. Spirituality as a Political Instrument: The Church, the Kremlin, and the Creation of the “Russian World”. FIIA Working Paper. Helsinki : The Finnish Institute for International Affairs, 2017.

Lane Ch. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society – the Soviet Case. Cambridge : Cambridge University Press, 1981.

Laruelle M. Beyond Anti-Westernism: The Kremlin’s Narrative about Russia’s European Identity and Mission [Электронный ресурс] : PONARS Eurasia Policy Memo. 2014. Vol. 326. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepm326_Laruelle_August2014.pdf.

Mitrofanova A. Orthodox Fundamentalism: Intersection of Modernity, Postmodernity and Tradition // Paradoxes and Heterogeneity in Russian Orthodoxy / ed. by K. Tolstaia. Leiden; Boston : Brill, 2014. Pp. 93–104.

Østbø J. Securitizing «Spiritual-moral Values» in Russia // Post-Soviet Affairs. 2016. Vol. 33. No. 3. Pp. 200–216.

Polese A., Horák S. A Tale of Two Presidents: Personality Cult and Symbolic Nation-building in Turkmenistan // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2015. Vol. 43. No. 3. Pp. 457–478.

Riis O. Religion Re-Emerging: the Role of Religion in Legitimizing Integration and Power in Modern States // International Sociology. 1998. Vol. 13. No. 2. Pp. 249–272.

Schmitt C. Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty. Chicago : University of Chicago Press, 2005.

Sharafutdinova G. The Pussy Riot Affair and Putin's Demarche from Sovereign Democracy to Sovereign Morality // Nationalities Papers. 2014. Vol. 42. No. 4. Pp. 615–621.

Smith D. E. Religion and Political Modernization: Comparative Perspective // Religion and Political Modernization / ed. by D. E. Smith. New Haven : Yale University Press, 1974. Pp. 3–28.

Stepanova E. The Spiritual and Moral Foundation of Civilization in Every Nation for Thousands of Years”: The Traditional Values Discourse in Russia // Politics, Religion and Ideology. 2015. Vol. 16. No. 2–3. Pp. 119–136.

Stroop Ch. A Right-wing International? Russian Social Conservatism, the World Congress of Families, and the Global Culture Wars in Historical Context // The Public Eye. 2016. Winter. Pp. 4–10.

Wilkinson C. Putting «Traditional Values» into Practice: The Rise and Contestation of Anti-Homopropaganda Laws in Russia // Journal of Human Rights. 2014. Vol. 13. No. 3. Pp. 363–379.

ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИРОДЫ В РОССИИ: ВЗГЛЯД ЭКОЛОГА*

Розенберг Г. С., Саксонов С. В., Сенатор С. А.**

В статье обсуждаются некоторые наиболее известные глобальные планы (программы) преобразования природы, оказавшие заметное влияние на состояние окружающей природной среды в России, – Сталинский план преобразования природы, федеральные целевые программы «Возрождение Волги» и «Оздоровление Волги», майские указы 2018 г. президента России В. В. Путина и др. Проиллюстрированы с экологических позиций как положительные моменты такого рода глобальных воздействий, так и их негативные последствия для окружающей среды.

Ключевые слова: *планы преобразования природы, «Возрождение Волги», «Оздоровление Волги», экологические последствия.*

In the article the authors discuss some of the most well-known global scenarios (programs) for the transformation of nature that have significantly affected the environmental conditions in Russia – the ‘Stalin’s plan for the transformation of nature’, the federal ‘Volga Revival Programme’ and ‘Improvement of the Volga river’, the ‘May 2018 decrees’ by President of Russia V. V. Putin, etc. We illustrated both positive and negative consequences of such global programs for the environment.

Keywords: *plans for the transformation of nature, ‘Revival of the Volga river’, ‘Improvement of the Volga river’ environmental consequences.*

В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление. <...> Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого.

В. И. Вернадский, 1944 г.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. по темам АААА-А17-117112040039-7 и АААА-А17-117112040040-7.

** Розенберг Геннадий Самуилович – д. б. н., профессор, член-корреспондент РАН, г. н. с. Института экологии Волжского бассейна РАН. E-mail: genarozenberg@yandex.ru.

Саксонов Сергей Владимирович – д. б. н., профессор, врио директора Института экологии Волжского бассейна РАН. E-mail: sv saxonoff@yandex.ru.

Сенатор Степан Александрович – к. б. н., с. н. с. Института экологии Волжского бассейна РАН. E-mail: stsensator@yandex.ru.

На рубеже тысячелетий нам попалась на глаза статья в Интернете отечественного политолога С. Г. Кара-Мурзы [2001], в которой он с присущей ему убежденностью провел параллель между, как он считает, дискредитацией проекта «поворота рек» и развалом СССР как целостного единого государства. Не будем вдаваться в дискуссию о том, что было раньше – яйцо или курица; «социально-экономическая» оценка экзерсисов Кара-Мурзы дана в ряде работ [Зеликин 2001; Ремизов 2002; Лебедева 2006; Шро 2011 и др.], с которыми мы вполне солидарны. А вот собственно «экологической» оценки такого рода глобальных проектов (если не считать действительно серьезную критику экологами плана переброски сибирских рек – назовем лишь две работы [Яншин, Мелуа 1991; Глазовский и др. 2003]), по-хорошему, и не было.

Поводом для написания этой статьи послужила круглая дата (70 лет) одной из наиболее известных отечественных программ, имевших заметное влияние на состояние окружающей природной среды в России, – Сталинского плана преобразования природы. Эта комплексная программа (план) научного регулирования природы в СССР была принята по инициативе И. В. Сталина и введена в действие постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР».

«Календарь событий по охране природы» [Розенберг, Краснощеков 2000; 2007] содержит много конспективной информации о документах (указах, программах, планах) и деяниях по глобальному изменению природы – «история развития человеческого общества... это путь от рабства слепого преклонения перед стихийными силами природы через отрицание природы и борьбу с ней к покорению ее... в широких интересах человеческого общества» [Вейцман 1934: 105], что облегчает нашу задачу и позволяет сосредоточиться только на событиях в нашей стране в XX и XXI вв.

Наиболее крупные, на наш взгляд, планы преобразования природы в стране в целом или в достаточно крупных ее регионах представлены в таблице (см. ниже). Прокомментируем некоторые из них.

Сталинский план преобразования природы (СППП). По своим масштабам этот план не имел прецедентов в мире. Его целью было предотвращение засух, песчаных и пыльных бурь путем строительства водоемов, посадки лесозащитных насаждений и внедрения травопольных севооборотов в южных районах СССР (Поволжье, Западный Казахстан, Северный Кавказ, Украина). И этот план в своей основе опирался на прекрасные исследования и практические работы отечественных почвоведов и лесоведов.

Еще в конце XIX в. (в 1892 г.) В. В. Докучаев возглавил «Особую экспедицию лесного департамента Министерства земледелия и государственных имуществ по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России». Работы велись на территории одного из участков среднерусской лесостепи, расположенного на юго-востоке Воронежской области и получившего название Каменная степь за сухость, безводие, потрескавшиеся в летнюю жару глинистые почвы и бесплодие в нередкие засушливые годы. «Самым существенным результатом опытных работ “Особой экспедиции” в Каменной Степи, при-

знанной родиной полезащитного лесоразведения, считается уникальная система агролесомелиоративных насаждений, известная в широких научных кругах как «Докучаевские бастионы». <...> Системы полезащитных лесных полос, овражно-балочных насаждений в сочетании с прудами и водоемами, залежными участками, выполняя здесь роль мелиорирующего форпоста, служат главным условием биологизации сельскохозяйственного производства» [Турусов и др. 2017: 4]. За 125 лет существования лесных полос достоверно доказана их приоритетная роль в защите сельскохозяйственных угодий от засух, вредоносных ветров и других неблагоприятных климатических факторов, что в значительной мере способствует повышению их продуктивности.

Чуть раньше, в 1886 г., на границе современных Ульяновской и Самарской областей начал создавать лесополосы известный лесовод Н. К. Генко. Создавались они для защиты заволжских степей, используемых для сельского хозяйства, от ветровой эрозии почв [Генко 1886]. Полосы оказались разнообразны по своему составу: в основном здесь присутствуют дуб, клен, сосна, береза, вяз и липа. Но поскольку лесополосы уже давно имеют свою экосистему, то внутри них идут процессы естественного возобновления, и теперь на значительной площади появилось второе поколение насаждений. Общая площадь генковских лесополос в Самарской губернии составляла без малого 9 тыс. га, а их протяженность – более 150 км; эти лесополосы изучаются, но пока явно недостаточно [Хавроньин 1995; Паюсова 2010; Сенатор, Саксонов 2010; Кавеленова и др. 2018].

СППП предусматривал также внедрение травопольной системы земледелия, разработанной выдающимися русскими учеными В. В. Докучаевым, П. А. Костычевым и В. Р. Вильямсом.

Теоретическая и практическая база степного лесоразведения была заложена, но масштабы работ были совершенно иными. В соответствии с СППП предстояло посадить лесные полосы, чтобы преградить дорогу суховеям и изменить климат, на площади 120 млн га (11,8 % территории Европы). Центральное место в плане занимали полезащитное лесоразведение (планировалось высадить более 4 млн га леса) и орошение [Великие... 1951].

Для проработки и реализации СППП был создан институт «Агролеспроект» (ныне «Росгипролес»). По его проектам лесами покрылись четыре крупных водораздела бассейнов Днепра, Дона, Волги, Урала, европейского Юга России. Первая спроектированная «Агролеспроектом» государственная лесополоса протянулась от уральской горы Вишневая до побережья Каспия, протяженность – более тысячи километров [Войцеховский 2008]. Общая протяженность крупных государственных полезащитных полос превышала 5,3 тыс. км, в этих полосах было посажено 2,3 млн га леса. Одновременно стала реализовываться большая программа по созданию оросительных систем. В рамках СППП в СССР было создано около 4 тыс. водохранилищ, которые в основном позволили использовать накопленную воду для орошения полей и садов.

Глобальные планы преобразования природы, их реализация и экологические последствия

Дата	Документ, план	Реализация и экологические последствия
2 октября (15 октября по н. ст.; всего за две недели до ВОСР) 1917 г.	План национальной сети заповедников «О типах местности, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков» [Доклад... 2012]	В докладе В. П. Семенова-Тян-Шанского, зачитанном на заседании Постоянной природоохранительной комиссии Русского географического общества, предложено 46 ландшафтов, рекомендуемых для заповедования. Этот план лег в основу новой схемы создания заповедников (1923 г.) и учитывался во всех последующих планах развития заповедной сети России (см. далее 1995 г.). На сегодня план реализован на 40 % [Штильмарк 1996; Тишков 2012: 23]
В ночь с 26 на 27 октября (с 8 на 9 ноября по н. ст.) 1917 г.	Декрет «О земле» (принят на II Всероссийском съезде Советов)	Декрет содержал многообразие форм землепользования и отмену права частной собственности на землю. В дальнейшем эсеровский по своей сути «Декрет о земле» был заменен «Основным законом о социализации земли» от 27 января (19 февраля) 1918 г. за подписью председателя Совета народных комиссаров В. Ульянова (Ленина) и председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета Я. Свердлова [Колбасов 1958; Цветков 1969]. В Конституции РСФСР (принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.) был закреплён принцип социализации земли, отмены частной собственности, земля стала общенародным достоянием и предоставлялась гражданам бесплатно, на общих правах. Социализация земли стала первым шагом в грандиозном эксперименте по планомерному строительству социализма в РСФСР. Положение Основного закона о социализации земли – «всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется навсегда» – стало главной правовой основой для организации будущей заповедной сети страны
27 мая 1918 г.	Декрет «О лесах» (или Основной закон о лесах; утвержден 14 мая на заседании Совнаркома РСФСР); 27 мая Президиум ВЦИК рассмотрел этот закон и принял его. Декрет «О лесах» действовал до принятия первого Лесного кодекса РСФСР (7 июля 1923 г.)	Первый правовой акт советского лесного законодательства, регламентировавший использование и охрану лесов, социализированных на основании «Декрета о земле» (формально с 1917 по 1923 г. леса находились в собственности народа РСФСР и лишь потом были национализированы государством [Колбасов 1958; Пуряева 2012]). В Декрете особое внимание обращалось на необходимость сохранения защитной роли лесов (разрешались только рубки ухода за лесом и санитарные рубки). По Лесному кодексу 1923 г. все леса, за редким исключением, образовывали единый государственный лесной фонд, который разделялся на леса местного значения (охрана этих лесов ложилась на лесопользователей) и леса общегосударственного значения

Дата	Документ, план	Реализация и экологические последствия
24 июля 1920 г.	Декрет «Об охоте»	Всего одна страница машинописного текста, 12 пунктов. Регулирование охотничьего дела поручается Народному комиссариату земледелия, которому вменяется в обязанности «организация и ведение охотничьего хозяйства, включая разведение и охрану охотничьих животных <...> учреждать заповедники, заказники, зоофермы, охотничьи парки и питомники пушного зверя, птицы и охотничьих собак <...> производить обследования состояния охотничьего промысла, вести учет и статистику охотничьего хозяйства, созывать охотничьи съезды, организовывать лаборатории, опытные хозяйства и т. п. учреждения, издавать журналы, отчеты и т. п. печатные труды <...> организовывать специальную охотничью стражу»
16 сентября 1921 г.	Декрет «Об охране памятников природы, садов и парков»	«Совет Народных Комиссаров постановил: 1. Участки природы и отдельные произведения (животные, растения, горные породы и т. д.), представляющие особую научную и культурно-историческую ценность, нуждающиеся в охране, могут быть объявляемы Народным Комиссариатом Просвещения по соглашению в каждом отдельном случае с заинтересованными ведомствами и учреждениями неприкосновенными памятниками природы. 2. Более значительные по площади участки природы, замечательные своими памятниками, объявляются заповедниками и национальными парками»
23 декабря 1921 г.	План ГОЭЛРО (Государственная комиссия по электрификации России; утвержден декретом Совета народных комиссаров «Об электрификации РСФСР» [21 декабря 2021 г.] и на IX Всероссийском съезде Советов)	План представлял собой единую программу возрождения и развития страны и ее конкретных отраслей – прежде всего тяжелой индустрии. Особо подчеркивалась в этой программе перспективная роль электрификации в развитии промышленности, строительства, транспорта и сельского хозяйства. Директивно предлагалось использовать главным образом местное топливо, в том числе малоценные угли, торф, сланцы, газ и древесину. Впервые было предложено экономическое районирование России (семь основных районов), исходя из соображений близости источников сырья (в том числе энергетического), сложившегося территориального разделения и специализации труда и удобного и хорошо организованного транспорта [Гвоздецкий 2001]. К 1931 г. были перевыполнены все плановые показатели по энергостроительству. Вместо запроектированных 1750 кВт новых мощностей ввели в эксплуатацию 2560 кВт; к 1935 г. советская энергетика вышла на уровень мировых стандартов и заняла третье – после США и Германии – место в мире

Дата	Документ, план	Реализация и экологические последствия
25 сентября 1922 г.	Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об организации управления рыбным хозяйством РСФСР»	<p>«Ст. 1. Рыболовные угодья: морские, озерные и речные составляют собственность государства. <...></p> <p>Ст. 15. На Управление Рыболовства возлагается: <...></p> <p>г) обследование состояния рыболовства, научно-прикладные исследования в области рыболовства и рыбоводства и разработка улучшенных методов добычи и обработки рыбных продуктов;</p> <p>д) поддержание производительности рыболовных угодий, имеющих общегосударственное значение, путем искусственного рыборазведения;</p> <p>е) развитие озерного и прудового рыбного хозяйства, устройство рыбоводных питомников, акклиматизация новых пород рыб и снабжение населения посадочным материалом;</p> <p>ж) содействие профессионально-техническому образованию в области рыбного дела;</p> <p>з) принятие всех вообще мер, вызываемых интересами рыбного хозяйства страны.</p> <p><...></p> <p>Ст. 17. Управление рыболовством снимается с государственного бюджета и расходы по его содержанию относятся за счет государственной рыбной промышленности, которая переводится на хозяйственный расчет»</p>
7 января 1924 г.	Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы»	Декрет установил в том числе порядок учета и охраны памятников природы. Этот акт вводил запреты: на самовольную рубку заповедного леса, истребление любых насаждений, охоту на зверей и птиц, рыбную ловлю, разорение гнезд, эксплуатацию недр земли, мелиорационные работы и пр.
5 октября 1925 г.	Декрет «Об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное и культурно-историческое значение»	Этот декрет внес существенный вклад в развитие охраны природных достопримечательностей на территории нашей страны. Указанным декретом введена градация заповедников на <i>полные</i> и <i>частичные</i> . В первых запрещалось хозяйственное использование и нарушение их естественного состояния; вторые представляли собой участки природы, в которых заповедность распространялась только на отдельные части территории. В настоящее время заповедная зона есть на территории национального парка, то есть частичные заповедники можно считать «прародителями» современных отечественных национальных парков

Дата	Документ, план	Реализация и экологические последствия
20 июня 1930 г.	Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране и развитии природных богатств РСФСР»	«Признавая, что охрана природы в условиях социалистического строительства должна являться единой системой мероприятий, направленных на защиту, развитие и качественное улучшение природных богатств страны в интересах хозяйственных, научных и культурных», на Наркомпрос РСФСР было возложено «управление и руководство деятельностью подведомственных научных и музейных учреждений как в отношении учета естественных богатств РСФСР, так и в деле изучения способов их развития и наиболее рационального использования»
25 января 1933 г.	I Всесоюзный съезд по охране природы (г. Москва). Один из вопросов съезда – обсуждение Генерального плана реконструкции фауны	Отступление от идей Г. А. Кожевникова об «абсолютной заповедности» территорий в пользу их использования для искусственного разведения пушных зверей, введения в фауну страны новых видов [Саксонов 2017]. На съезде по этой проблеме выступили Б. К. Фортунатов [1935] и П. А. Мантейфель [1935], в этом контексте можно назвать и работы [Сборник... 1941; 1948]. В целом оценивая этот план негативно, Ф. Р. Штильмарк [1981] писал, что увлечение реконструкцией и преобразованием фауны, использованием заповедников как мест для акклиматизационных экспериментов и дичеразведения рассматривается как отход от научных принципов заповедного дела. Еще более категоричен А. В. Виноградов [2005], считающий это социально-экологическим преступлением
25–29 ноября 1933 г.	Ноябрьская сессия АН СССР 1933 г., посвященная проблеме Волго-Каспия	Была представлена и одобрена энерго-экономическая схема, содержащая единое решение волжских проблем. Участники объединенного заседания секции рыбного хозяйства и животного сырья и секции гидротехнических сооружений и водного хозяйства отметили важность каспийского рыбного хозяйства (30–50 % общесоюзного улова рыбы [в 1932 г. более 400 тыс. ц]) и очевидный большой ущерб ему в случае реализации проекта Камышинского гидроузла [Резолюции... 1934; Розенберг 2009; Бурдин 2010]. На сессии единственными, кто выступил «осторожно против» строительства каскада ГЭС, оказались биологи (среди них академики Н. И. Вавилов, Д. Н. Прянишников и др.): они прогнозировали подтопление, загрязнение территорий, смыв плодородных земель, но никто (!) не предсказал проблемы «цветения» водохранилищ. Из-за замедления скорости течения (почти в 10 раз), застоя воды и повышения ее температуры наблюдается ежегодное обильное цветение сине-зеленых водорослей, что ведет к гибели рыбы, снижает рекреационную ценность Волги и пр.

Дата	Документ, план	Реализация и экологические последствия
Конец 1930-х гг.	«Большая Волга» – план переустройства Волги и ее притоков (фактически обсуждался в том числе и на ноябрьской сессии АН СССР 1933 г.). Под лозунгом «Волга впадает в коммунизм» проект предусматривал превращение всего русла реки в каскад электростанций и в лестницу гигантских «искусственных морей»	<p>Заметим, что еще в начале 30-х гг. профессор А. В. Чаплыгин [1930; 1937] предложил построить на Волге четыре ГЭС мощностью 2,85 млн кВт, а на Каме – три ГЭС мощностью до 1 млн кВт. В 1931 г. Госплан СССР поручил ВНИИ энергетики и электрификации рассмотреть предложения о размещении на Волге подпорных сооружений и разработать комплексную схему использования Волги в энергетических и транспортных целях. Эта схема в дальнейшем и получила название «Большая Волга». В ее рамках предусматривалось: наиболее полное использование водно-энергетических ресурсов, создание крупных источников дешевой энергии; открытие глубоководного пути и соединение реки с Балтийским, Азовским и Черным морями современными судоходными системами (реализовано строительством Беломорско-Балтийского, Волго-Балтийского, Волго-Донского каналов и канала Москва – Волга; 1931–1952 гг.); зарегулирование стока для нужд водоснабжения промышленности и населения прибрежных районов, для развития сельского хозяйства путем орошения и обводнения засушливых земель; развитие рыбного хозяйства.</p> <p>В целом план «Большая Волга» в своих основных чертах был сформулирован к концу 1930-х гг., когда со строительства Иваньковского (наполнение водохранилища – 1937), Угличского (1939) и Рыбинского гидроузлов (1941) и началась его реализация. Война приостановила эти работы; новый импульс им был придан в конце 1940-х гг., когда практически одновременно началось сооружение Горьковского, Куйбышевского, Сталинградского и Камского гидроузлов.</p> <p>В последующие годы создание каскада водохранилищ на Волге завершилось.</p> <p>Экологические последствия этого проекта неоднократно обсуждались – назовем здесь только статью С. М. Коновалова [1990] и монографию Г. С. Розенберга [2009] – тогда директоров нашего Института</p>

Дата	Документ, план	Реализация и экологические последствия
20 октября 1948 г.	Постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР» (Сталинский план преобразования природы)	Сталинский план преобразования природы – комплексная программа научного регулирования природы в СССР, осуществлявшаяся в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Проект, рассчитанный на период до 1965 г., предусматривал создание восьми крупных лесных государственных полос в степных и лесостепных районах СССР общей протяженностью свыше 5,3 тыс. км. Чуть более подробно реализация плана и экологические последствия обсуждаются далее
31 июля – 7 августа 1948 г.	Сессия ВАСХНИЛ – расширенное заседание Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, организованное Т. Д. Лысенко и его сторонниками с целью разгрома классической генетики	Эта сессия имела своими последствиями и удар по отечественной экологии [О положении... 1948; Вайнер 1991]
28 февраля – 2 марта 1954 г.	Пленум ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель»	Освоение целины – комплекс мероприятий по увеличению производства зерна в СССР путем введения в оборот обширных целинных земельных ресурсов в Казахстане, Поволжье, Урале, Сибири, на Дальнем Востоке и в Крыму [Брежнев 1980]. «Экологической реставрации» степной зоны (в рамках Сталинского плана преобразования природы) не суждено было сбыться: на целое десятилетие центром экономической политики страны стала целина. Освоение восточной целины (учитывая ее природу) должно было сводиться к осторожному, выборочному освоению черноземных почв под зерновые культуры и каштановых почв для развития мясного скотоводства. Но были допущены стратегические просчеты и ошибки, основной из которых являлась сплошная распашка каштановых почв сухих степей на площади около 20 млн га. Таким образом, мы полностью повторили горький опыт США начала XX в. [Чибилев 2004; Чибилев и др. 2005]

Дата	Документ, план	Реализация и экологические последствия
24 мая 1970 г.	Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 612 «О перспективах развития мелиорации земель, регулирования и перераспределения стока рек в 1971–1985 гг.»	Переброска части стока сибирских рек (Иртыша, Оби, Тобола, Ишима и других; «поворот сибирских рек» [Залыгин 1987]) в регионы страны, остро нуждающиеся в пресной воде (Казахстан и Среднюю Азию, в Аральское море), – неосуществленный проект, разработанный Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР (Минводхоз), один из самых грандиозных инженерных и строительных проектов XX в. В 1976 г. на XXV съезде КПСС было принято решение о начале работ по осуществлению проекта; 14 августа 1986 г. на специальном заседании Политбюро ЦК КПСС было решено прекратить работы
13 марта 1972 г.	Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 177 «О мерах по предотвращению загрязнения бассейнов рек Волги и Урала неочищенными сточными водами»	Реализация этого постановления (положительно оценивается многими специалистами) позволила несколько стабилизировать ситуацию с загрязнением путем интенсивного строительства очистительных сооружений
14 марта 1995 г.	Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» № 33-ФЗ	«Особо охраняемые природные территории – участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны. Особо охраняемые природные территории относятся к объектам общенационального достояния». «Сегодня федеральная система особо охраняемых природных территорий (ООПТ) включает в себя 103 заповедника, 51 национальный парк и 58 федеральных заказников общей площадью примерно 62 с половиной миллиона гектаров» (из приветственного слова министра С. Донского к участникам Всероссийского форума по особо охраняемым природным территориям [Сочи, 29 сентября 2017 г.]; девиз мероприятия – «Сто лет сохраняем природу, которую любим!»). Уточним. На конец 2017 г. (с учетом вхождения в состав России Крыма) в стране было 110 заповедников (в том числе 30 биосферных) и более 2,2 тыс. региональных заказников

Дата	Документ, план	Реализация и экологические последствия
2 февраля 1996 г.	<p>Правительство РФ Постановлением № 95 утвердило Федеральную целевую программу «Оздоровление экологической обстановки на реке Волге и ее притоках, восстановление и предотвращение деградации природных комплексов Волжского бассейна на период до 2010 г. (“Возрождение Волги”);</p> <p>коррекция Программы утверждена Постановлением Правительства РФ от 24 апреля 1998 г. № 414</p>	<p>Основными целями ФЦП являлись [Концепция... 1992; Найденко 2003; Розенберг 2009]:</p> <ul style="list-style-type: none"> • коренное улучшение экологической обстановки и сохранение природных комплексов Волжского бассейна для обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности населения; • переход региона к устойчивому развитию в увязке с биологическими возможностями природной среды путем поэтапного перехода от ресурсорасточительных и энергоемких технологий хозяйственной деятельности сегодняшнего дня к энерго- и ресурсосберегающим малоотходным и замкнутым технологическим циклам <p>Основными особенностями ФЦП стали:</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>бассейновый принцип</i> решения социально-экономических задач; • <i>комплексное рассмотрение</i> проблем экологического оздоровления региона; • <i>сквозное рассмотрение</i> основных мероприятий по оздоровлению экологической обстановки с определением и решением задач на федеральном, бассейновом, отраслевом, территориальном (республики, области), муниципальном уровнях и уровне хозяйствующих субъектов; • <i>приоритетное выполнение</i> программных мероприятий, обеспечивающих улучшение здоровья населения, снижающих антропогенное воздействие на биологические ресурсы бассейна Волги; • <i>координирующая роль</i> по отношению к другим научно-техническим программам, действующим на территории Волжского бассейна
5 июня 2001 г.	<p>Национальная Стратегия сохранения биоразнообразия России (принята на Национальном форуме по сохранению биоразнообразия)</p>	<p>Стратегия рассматривается как совокупность экспертно выделенных принципов и приоритетных направлений деятельности государственных, коммерческих, научных и общественных структур по сохранению живой природы.</p> <p>В обсуждении текста Стратегии принимали участие представители академических, отраслевых институтов и вузов, депутаты Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, министерств и ведомств, общественных организаций и структур бизнеса. Принятый документ имеет статус рамочного для всего общества России. На основании Национальной Стратегии создан План действий – система конкретных мер и мероприятий по сохранению биоразнообразия [Национальная Стратегия... 2001; Стратегия и План... 2014]</p>

Дата	Документ, план	Реализация и экологические последствия
1 мая 2016 г.	Федеральный закон № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»	<p>Программа «Дальневосточный гектар» предоставляет право каждому гражданину России на получение земельного участка площадью до одного гектара на Дальнем Востоке бесплатно. С 1 июня 2016 г. программа вступила в действие для дальневосточников, а с 1 февраля 2017 г. – для всех граждан России. Естественно, первая историческая аналогия «Дальневосточного гектара» – с аграрной реформой П. А. Столыпина (1906 г.; напомним, что из 3 млн крестьян, переселившихся на выделенные им правительством в частную собственность земли в Сибирь, 18 % вернулись обратно; КПД = 82 % – не так плохо...)</p> <p>Реализация этой программы увеличивает экологические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> • планируется включить в распределяемые земли «под гектар» те территории, которые представляются перспективными для создания ООПТ регионального значения; • начнется процесс «фрагментизации» территории (разбиение «гектарами» целостных в экологическом плане ландшафтов); • возрастет нагрузка на лесные экосистемы (включая и вырубку лесов для освоения «своих собственных» территорий); • неизбежно произойдут изменения в состоянии биоразнообразия и качестве экосистемных услуг; • фактически эта программа «очагового освоения» и инновационного развития Дальнего Востока экологически не проработана
8 августа 2017 г.	Паспорт приоритетного проекта «Сохранение и предотвращение загрязнения реки Волги» («Оздоровление Волги») в рамках направления стратегического развития Российской Федерации «Экология»	Минприроды России подготовило и на выездном межведомственном совещании под руководством Д. А. Медведева «О сохранении, предотвращении загрязнения и рациональном использовании Волги», которое прошло в Волгограде, представило в Правительство РФ этот паспорт. Возможные экологические последствия обсуждаются далее
7 мая 2018 г.	Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» (новый майский указ В. В. Путина)	Экологические последствия обсуждаются далее

Рассчитанный до 1965 г. СППП был фактически свернут к концу 1950-х гг. Многие лесополосы были вырублены, несколько тысяч прудов и водоемов для разведения рыбы заброшены, были ликвидированы 570 лесозащитных станций [Войцеховский 2008]. СППП был «вытеснен» другим, не менее грандиозным планом – освоением целины... «Сегодня звенья разрабатывавшегося в СССР плана реализуются в США, Китае, странах Африки, Западной Европе. Только называют это не планом преобразования природы, а созданием зеленых экологических каркасов. Им отводят значимую роль в связи с предрекаемыми последствиями глобального потепления. У нас же в стране процесс скорее обратный. Если в 1995 г. полезительных лесных полос на землях сельскохозяйственного назначения было высажено на площади 19,8 тыс. га, то в 2007 г. этот показатель не превышал 0,3 тыс. га» [Войцеховский 2008].

Но пока еще живы «Докучаевские бастионы» [Турусов и др. 2017], лесополосы Генко [Сенатор, Саксонов 2010], фрагменты государственных лесных защитных полос, созданных в рамках Сталинского плана преобразования природы (чем не прообраз экологического каркаса территории [Тишков 1995; Елизаров 1998])...

Поворот (переброска) сибирских рек. Об этой грандиозной программе немало написано и из-за нее сломано много копий. Несколько дополнительных «штрихов к портрету». «Тайга» – кодовое название проекта, входившего в планы переброски части стока северных и сибирских рек в Каспийско-Аральский регион и направленного на создание искусственного канала с помощью групповых ядерных взрывов (планировалось провести 250 ядерных взрывов [!]) между реками Печорой и Колвой (Пермский край). Экспериментальный подрыв трех ядерных зарядов был проведен 23 марта 1971 г. [Проект... 2010]. В результате взрыва образовался канал длиной 700 м и шириной 380 м, глубина канала составляла от 10 до 15 м. В настоящее время канал заполнен водой, там возникло озеро, впоследствии названное Ядерным. Можно отметить для сравнения тот факт, что подобный «проект века» существовал и в Америке – по переброске части стока вод рек Аляски и Северо-Западной Канады на юг для обводнения засушливых районов Канады, США и Мексики. Он активно разрабатывался в 1950-е гг., но потом был заброшен примерно по тем же причинам, что и в СССР: слишком дорого и высоковероятны непредсказуемые последствия для природы.

Предполагалось, что стоимость всего проекта (с учетом создания новых сельскохозяйственных предприятий) составит 32,8 млрд (тогдашних) рублей, а окупится он всего за 6–7 лет. Естественно, в эту сумму не входили экологические ущербы и изменение стоимости экологических услуг подвергавшихся воздействию экосистем, не просчитывались экологические риски. Мы не любим учиться на собственных ошибках: не прошло и 40 лет, как вновь зазвучали слова о необходимости вернуться к проекту переброски вод сибирских рек в Среднюю Азию (и не последним в этом «хоре» был Ю. М. Лужков [2008]) или даже в Китай [Полунин 2016].

Программы «Возрождение Волги» (1996) и «Оздоровление Волги» (2017). Волга – крупнейшая река Европы, национальная гордость России – протянулась на 3531 км. Бассейн реки Волги занимает на Русской равнине площадь порядка 1,36 млн км² (62 % европейской части России, 8 % всей России или почти 13 % территории всей Европы) и включает 41 административную единицу (области, республики и столицу нашей Родины – Москву), две из них – в Казахстане,

остальные – в России. На 1910 км он простирается с севера на юг и на 1805 км (в верхней части) – с запада на восток.

Веками складывающееся равновесие между природными процессами в таком огромном бассейне и непосредственно в реке было нарушено зарегулированием ее стока. Это привело к созданию «мощного энерго-транспортно-ирригационного народно-хозяйственного комплекса Волжского бассейна... для развития крупных промышленных узлов, включающих и некоторые электроемкие производства (например, электрохимия и электрометаллургия)» [Резолюции... 1934: 15]. Почти то же самое через четверть века повторил Н. С. Хрущев, приветствуя 10 августа 1958 г. строителей Волжской ГЭС им. В. И. Ленина: «Созданная вашими руками Куйбышевская электростанция дает электроэнергии в 5 раз больше, чем давали все электростанции дореволюционной России, вместе взятые. Она уже снабжает электроэнергией столицу нашей Родины – Москву, промышленность Куйбышевской и Саратовской областей, нефтепромыслы Татарии. Ее ток скоро даст дополнительную энергию могучей индустрии Урала. На базе Куйбышевского гидроузла растет новый крупный промышленный район с предприятиями ряда важнейших отраслей индустрии» [Волжская ГЭС... 1963: 14]. Все это более чем в десять раз замедлило водообмен в бассейне, что, естественно, привело к существенным изменениям водных и наземных экосистем.

Если посмотреть на приведенную выше таблицу (1933, 1972, 1996, 2017 гг.), можно констатировать, что руководство страны демонстрирует озабоченность экологической обстановкой на Волге примерно раз в 20–25 лет. Один из авторов данной статьи принимал участие в разработке программы «Возрождение Волги» (ВВ), что позволяет сравнить паспорта этой программы и программы «Оздоровление Волги» (ОВ).

- Ранг программы ОВ существенно повысился: ее генеральным заказчиком выступает Правительство России, а в программе ВВ это был Комитет РФ по водному хозяйству.

- Сроки исполнения новой программы сократились (ОВ – 9 лет, ВВ – 15 лет).

- В области правового, нормативного и экономического обеспечения новая программа уступает программе ВВ; в последней была предусмотрена, в частности, разработка законов о реке Волге (аналогичных Федеральному закону 1999 г. «Об охране озера Байкал»), о рыболовстве и охране рыбных запасов, принятие постановлений и нормативных актов о водоохраных зонах водных объектов, о создании в бассейне реки Волги единой системы управления водным хозяйством в период паводков и др. В программе ОВ лишь говорится о том, что в рамках деятельности Фонда содействия реформированию ЖКХ следует создать направление, стимулирующее реализацию инвестиционных проектов жилищно-коммунального хозяйства в сфере очистки сточных вод в целях сохранения и предотвращения загрязнения водных объектов.

- В области водного хозяйства предполагается реализовать систему мер, направленных на рациональное использование водных ресурсов и устойчивое функционирование водохозяйственного комплекса Нижней Волги, сохранение уникальной системы Волго-Ахтубинской поймы. При этом реконструкция (модернизация) и строительство очистных сооружений должны пройти не менее чем на 200 предприятиях – основных загрязнителях в 17 субъектах РФ. Это те терри-

тории, по которым непосредственно протекает река Волга, что также снижает эффективность программы ОВ, так как многие притоки и малые реки, впадающие в Волгу, фактически выступают в качестве крупных, «точечных» объектов сброса неочищенных сточных вод. Следует приветствовать предполагаемые мероприятия по обводнению Волго-Ахтубинской поймы в меженный период до $100 \text{ м}^3/\text{с}$ и по расчистке и восстановлению водных объектов бассейна реки Волги (1171 км).

- В области экологического мониторинга повторяется не выполненная в ходе реализации предыдущей программы ВВ задача создания бассейновой автоматизированной системы непрерывного экологического мониторинга окружающей среды.

- Очень скудно в программе ОВ прописан раздел о мероприятиях в области лесного хозяйства, растительного и животного мира, особо охраняемых природных территорий: констатируется лишь необходимость разработать, утвердить и реализовать программу поддержания и восстановления биоразнообразия реки Волги. И, к сожалению, совсем отсутствуют мероприятия (и даже специальный раздел) по работам в области рыбного хозяйства.

- Как уже отмечалось, в новой программе большое внимание уделено Нижней Волге. Предполагается провести дноуглубительные работы на ряде рыбоходных каналов, обеспечить расчистку 200 км нерестовых каналов рыбоходов, завершить строительство и ввести в эксплуатацию гидротехнические сооружения для дополнительного обводнения Волго-Ахтубинской поймы и пр.

- Наконец, о затратах на реализацию этих программ. Для программы ВВ они планировались в сумме 176,28 трлн рублей (в ценах 1994 г., или ~ 79,151 млрд долларов), для программы ОВ – 245,8214 млрд рублей (в ценах 2017 г., или ~ 4,214 млрд долларов). Даже если учесть инфляционные процессы и более короткий срок исполнения программы ОВ, она оказывается на порядок дешевле. Кроме того, разработчики Программы демонстрируют все возрастающее неверие в широкое участие частного капитала и других инвестиций в ее реализации (доля таких поступлений стала в 2 раза меньше, чем в программе ВВ, а доля федерального бюджета увеличилась почти в три раза – с 15,5 % до 46,1 %).

Основными рисками (с высокой вероятностью наступления) сами разработчики программы ОВ считают: сокращение государственного финансирования проекта вследствие нестабильной макроэкономической ситуации; невысокое качество проектирования и строительства объектов (предлагается создание специального института предпроектного анализа, контроля качества строительства и последующей эксплуатации); и, как отмечалось выше, низкую инвестиционную активность вследствие наличия выгоды по уплате штрафов перед инвестиционной деятельностью.

В целом очередную попытку правительства разрубить гордиев узел проблем Волжского бассейна можно только приветствовать. Любая программа для своей реализации требует всего двух условий. И финансирование – на втором месте. На первом стоит *желание выполнить эту программу*. Будем надеяться, что такое желание у всех нас имеется и мы будем действовать в соответствии с заветом академика М. Г. Хубларяна, который говорил: «Волга столько сделала для России, что можно и нам немного постараться для Волги».

Национальная Стратегия сохранения биоразнообразия России. При подготовке Пятого национального доклада «Сохранение биоразнообразия в Российской

Федерации» «были представлены результаты экспертной оценки (по пятибалльной шкале) степени выполнения мер по сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия, определенных Приоритетными направлениями Национальной Стратегии сохранения биоразнообразия России» [Пятый... 2015: 71–77]. Средняя оценка за 13–14 лет – 3,6 балла; наибольшие успехи достигнуты в проведении научных биологических исследований (в первую очередь, в институтах Российской академии наук; начавшееся в 2013 г. реформирование РАН отрицательно сказалось и на этом показателе...).

С момента принятия Национальной Стратегии сохранения биоразнообразия России существенных изменений в значении биоразнообразия и экосистемных услуг для населения России не отмечено. «В 2013 г. номинальный объем ВВП России составил 66,7 трлн руб. В структуре валовой добавленной стоимости России доля отраслей, связанных с использованием биологических ресурсов и природных экосистем, составила около 4 %, из них сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство – 3,8 %, рыболовство, рыбоводство – 0,2 %. Вместе с тем развитие указанных отраслей, базирующихся на сохранении и устойчивом использовании биоразнообразия, будет в перспективе играть все возрастающую роль не только в экономике страны, но и в экологической и социальной сферах» [Там же: 2].

Национальная Стратегия сохранения биоразнообразия России (как, впрочем, и Экологическая доктрина Российской Федерации, одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р) – документ выверенный, правильный и способный поднять на новую ступень экологическую проблематику в России в целом. Беда заключается в том, что живем мы в соответствии с грустным наблюдением Эмиля Кроткого: «Резолюция часто подобна покойнику: ее выносят и забывают»...

Майские указы (2018) президента Российской Федерации. В указе президента В. В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в частности, говорится (указ важный и «свежий»), что позволяет привести большую выдержку из него, касающуюся национального проекта по экологии, который занимает 5-е место из 12, перечисленных в подпункте «б» пункта 2 настоящего указа) [Президент... 2018]:

«7. Правительству Российской Федерации при разработке национального проекта в сфере экологии исходить из того, что в 2024 г. необходимо обеспечить:

а) достижение следующих целей и целевых показателей:

- эффективное обращение с отходами производства и потребления, включая ликвидацию всех выявленных на 1 января 2018 г. несанкционированных свалок в границах городов;

- кардинальное снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, в том числе уменьшение не менее чем на 20 % совокупного объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в наиболее загрязненных городах;

- повышение качества питьевой воды для населения, в том числе для жителей населенных пунктов, не оборудованных современными системами централизованного водоснабжения;

- экологическое оздоровление водных объектов, включая реку Волгу, и сохранение уникальных водных систем, включая озера Байкал и Телецкое;

- сохранение биологического разнообразия, в том числе посредством создания не менее 24 новых особо охраняемых природных территорий;

б) решение следующих задач:

- формирование комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами, включая ликвидацию свалок и рекультивацию территорий, на которых они размещены, создание условий для вторичной переработки всех запрещенных к захоронению отходов производства и потребления;

- создание и эффективное функционирование во всех субъектах Российской Федерации системы общественного контроля, направленной на выявление и ликвидацию несанкционированных свалок;

- создание современной инфраструктуры, обеспечивающей безопасное обращение с отходами I и II классов опасности, и ликвидация наиболее опасных объектов накопленного экологического вреда;

- реализация комплексных планов мероприятий по снижению выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в крупных промышленных центрах, включая города Братск, Красноярск, Липецк, Магнитогорск, Медногорск, Нижний Тагил, Новокузнецк, Норильск, Омск, Челябинск, Череповец и Читту, с учетом сводных расчетов допустимого в этих городах негативного воздействия на окружающую среду;

- применение всеми объектами, оказывающими значительное негативное воздействие на окружающую среду, системы экологического регулирования, основанной на использовании наилучших доступных технологий;

- повышение качества питьевой воды посредством модернизации систем водоснабжения с использованием перспективных технологий водоподготовки, включая технологии, разработанные организациями оборонно-промышленного комплекса;

- экологическая реабилитация водных объектов, в том числе реализация проекта, направленного на сокращение в три раза доли загрязненных сточных вод, отводимых в реку Волгу, устойчивое функционирование водохозяйственного комплекса Нижней Волги и сохранение экосистемы Волго-Ахтубинской поймы;

- сохранение уникальных водных объектов, в том числе реализация проекта по сохранению озера Байкал, а также мероприятий по очистке от мусора берегов и прибрежной акватории озер Байкал, Телецкое, Ладожское, Онежское и рек Волги, Дона, Оби, Енисея, Амура, Урала, Печоры;

- сохранение биологического разнообразия, включая увеличение площади особо охраняемых природных территорий на 5 млн гектаров, реинтродукцию редких видов животных, создание инфраструктуры для экологического туризма в национальных парках, а также сохранение лесов, в том числе на основе их воспроизводства на всех участках вырубленных и погибших лесных насаждений.

<...>

16. Правительству Российской Федерации:

а) ежегодно при формировании проекта федерального бюджета на очередной финансовый год и на плановый период предусматривать в приоритетном порядке бюджетные ассигнования федерального бюджета на реализацию национальных проектов (программ), названных в подпункте “б” пункта 2 настоящего Указа;

б) обеспечить направление в приоритетном порядке дополнительных доходов федерального бюджета, образующихся в ходе его исполнения, на реализацию

национальных проектов (программ), названных в подпункте “б” пункта 2 настоящего Указа».

Что такое майские указы президента? Это свод поручений, данных им после победы на президентских выборах 2018 г. Повторимся, на первом месте всегда стоит *желание выполнить* программу (план, указ и пр.). Но приходится часто наблюдать блестящую способность наших чиновников «заболтать» любую проблему. Например, из выступления главы Башкортостана Р. З. Хамитова 14 мая 2018 г. на совещании по реализации майских указов: «Для нашей республики важными задачами в этой сфере являются снижение общей нагрузки на окружающую среду, особенно, как я уже сказал, в городах с развитой промышленностью, ввод современных комплексов по переработке твердых бытовых отходов, очистных сооружений на промышленных предприятиях, сокращение вредных выбросов, перевод транспорта на газомоторное топливо. В связи с этим мы должны посмотреть более динамичное развитие программы перевода на газомоторное топливо в соответствии с тем, что предлагает нам корпорация “Газпром”. Больше внимания нужно уделять реализации комплексных природоохранных мероприятий, программ экологического просвещения, созданию “зеленых поясов” вокруг городов, сбережению действующих памятников природы, заповедных территорий, развитию экологического туризма» [Рустэм... 2018]. Если это – не общие слова, тогда мы – три мушкетера...

И никто не отменял финансирование всех этих инициатив. «Переназначенный на должность премьера Дмитрий Медведев оценил суммарные расходы на мероприятия из этого указа сперва в 8 трлн рублей, некоторое время спустя стоимость “счастья” для россиян поднялась до 25 трлн рублей. Однако и эта цифра представляется заниженной: чтобы сделать все перечисленное в указе, по моим оценкам, потребуется более половины годового ВВП, то есть около 60–70 трлн рублей, а может быть, и все 100 % ВВП, то есть более 90 трлн рублей. И тут закономерно возникает вопрос, где взять деньги на этот праздник жизни» [Зубец 2018]. «Рост госрасходов за счет использования большей части поступлений от сырьевого экспорта, средств Резервного фонда, увеличения рынка внутреннего рублевого долга и налоговой нагрузки – это основные каналы привлечения финансирования» [Деев 2018]. И еще один механизм – «залезть в карман» регионам... Так что выполнить майские указы (мы говорим только об экологической программе) будет ой как непросто!

Наконец, глобальность всех рассмотренных программ (пусть только для России, но это, как ни крути, одна девятая часть всей суши Земли), естественно, заставляет говорить и об их международном влиянии. И здесь уместно привести слова отечественного философа А. Н. Чумакова [2018: 197]: «...для западной (техногенной, капиталистической) модели культурно-цивилизационного развития характерно стремление к овладению силами и богатствами природы, сопровождающееся ускорением научно-технического прогресса, возрастанием антропогенной нагрузки на окружающую среду, непрерывным изменением социальных связей и отношений. Восток же (а можно взять и шире – “незапад”), напротив, ассоциируется обычно с традиционализмом и преемственностью культуры, где проявляется тенденция невмешательства в природные процессы и естественный ход событий». Таким образом, затевая что-либо грандиозное в преобразовании природы, можно более или менее четко ответить на вопрос: кто мы, «западники» или «славянофилы»? А мо-

жет, вновь идем «своим путем»? В любом случае, следует «соблюдать правила движения» и оценивать воздействие и экологические риски не только для России, но и для мира в целом.

Завершая статью и возвращаясь к ее эпиграфу, хочется подчеркнуть: Человек – это действительно огромная сила (конечно, пока еще не геологическая, но он постоянно стремится к этому). И поэтому все его «глобальные» планы, в той или иной степени касающиеся преобразования природы (цели, альтернативные пути и возможные последствия), должны быть предметом очень тщательного обсуждения, а их реализация – находиться под постоянным контролем организаций международного уровня. Тогда есть надежда на то, что экологические риски будут уменьшены и человечество действительно станет действовать себе во благо.

Литература

Брежнев Л. И. Целина. М. : Политиздат, 1980.

Бурдин Е. А. Ноябрьская сессия АН СССР 1933 г.: проблема Волго-Каспия // Вестник УлГТУ. 2010. № 3. С. 15–18.

Вайнер (Уинер) Д. Р. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М. : Прогресс, 1991.

Вейцман Х. С. Заповедник будущего // Природа и социалистическое хозяйство. 1934. № 7. С. 105.

Великие сооружения сталинской эпохи: сб. статей советских ученых. М. : Молодая гвардия, 1951.

Виноградов А. В. Интродукция – социально-экологическое преступление // Охрана дикой природы. 2005. № 2(32). С. 4–7.

Войцеховский М. Б. Государственная лесополоса. К 60-летию сталинского плана преобразования природы [Электронный ресурс] : Независимая газета. Наука. 2008. 26 ноября. URL: http://www.ng.ru/science/2008-11-26/14_forests.html.

Волжская ГЭС им. В. И. Ленина. Т. 1. Описание сооружений гидроузла / под ред. Н. А. Малышева, Г. Л. Саруханова. М.; Л. : Госэнергоиздат, 1963.

Гвоздецкий В. Л. План ГОЭЛРО. Мифы и реальность // Наука и жизнь. 2001. № 5. С. 102–109.

Генко Н. К. Об облесении южно-русских степей // Лесной журнал. 1886. № 3. С. 1–59.

Глазовский Н. Ф., Голицын Г. С., Зеликин М. И., Котляков В. М., Соколов Б. С., Энеев Т. М. Вода – в песок, деньги – на ветер? (Довольно поворотов, заявляют противники переброски сибирских рек) // Российская научная газета. 2003. 19 февраля. № 6(9). С. 5.

Деев А. Майские указы-2: Деньги на реформы найдут в карманах россиян [Электронный ресурс] : Свободная Пресса. 2018. 23 марта. URL: <https://svpressa.ru/eco/pomy/article/196001/>.

Доклад В. П. Семенова-Тян-Шанского «О типах местности, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков» // Столетие Постоянной Природоохранительной комиссии ИРГО. Юбилейная книга-альманах / авт.-сост. А. А. Чибилев, А. А. Тишков. М. : РГО, 2012. С. 28–39.

Елизаров А. В. Экологический каркас – стратегия степного природопользования // *Степной бюллетень*. 1998. Вып. 2–4. С. 76–91.

Залыгин С. Поворот // *Новый мир*. 1987. № 1. С. 3–13.

Зеликин М. И. История вечнозеленой жизни. М. : Факториал пресс, 2001.

Зубец А. Проблема-2014. Где найти деньги на выполнение новых майских указов [Электронный ресурс] : *Forbes*. 2018. URL: <http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/361343>.

Кавеленова Л. М., Корчиков Е. С., Прохорова Н. В., Терентьева Д. А., Федосеев В. А. К возможностям обнаружения и оценки состояния лесополос на основе комплексного использования данных ДЗЗ и наземного обследования // *Информационные технологии и нанотехнологии: сборник трудов IV Международной конференции и молодежной школы «Информационные технологии и нанотехнологии»* (Самара, 24–27 апреля 2018 г.). Самара : Новая техника, 2018. С. 882–891.

Кара-Мурза С. Г. Черный миф о «больших программах» в СССР: от кампании против «поворота рек» – к расчленению «империи». 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://old.nasledie.ru/kultra/4_4_2/article.php?art=6.

Колбасов О. С. Советское законодательство об охране природы за 40 лет // *Правоведение*. 1958. № 1. С. 37–46.

Коновалов С. М. Волга – экологический диагноз // *Экологическая альтернатива*. М. : Прогресс, 1990. С. 239–261.

Концепция Российской государственной экологической программы «Охрана окружающей среды и рациональное использование ресурсного и хозяйственного потенциала Волжско-Северокаспийского региона (Возрождение Волги)». Н. Новгород : Изд-во Мин-ва науки, высш. шк. и техн. политики РФ, 1992.

Лебедева Н. А. Отклик на статью С. Г. Кара-Мурзы «Черный миф о больших программах» в СССР: от кампании против «поворота рек» – к расчленению «империи» [Электронный ресурс] : *Русское Общество*. 2006. URL: <http://www.rusidea.ru/?part=80&id=760>.

Лужков Ю. М. Вода и мир. М. : Московские учебники, 2008.

Мантейфель П. А. К проблеме акклиматизации // *Труды Всесоюзного съезда по охране природы*. М. : ВООП, 1935. С. 338–346.

Найденко В. В. Великая Волга на рубеже тысячелетий. От экологического кризиса к устойчивому развитию: в 2 т. Н. Новгород : Промграфика, 2003.

Национальная Стратегия сохранения биоразнообразия России / под ред. Д. С. Павлова. М. : Проект ГЭФ «Сохранение биоразнообразия», 2001.

О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. 31 июля – 7 августа 1948 г. М. : Сельхозгиз, 1948.

Паюсова Т. В. «Зеленые бастионы» Нестора Генко // *Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии: бюллетень*. 2010. Т. 19. № 4. С. 177–182.

Полунин А. Русские реки поворачивают в Китай. Зачем Минсельхоз предлагает перебросить воду на Восток? [Электронный ресурс] : *Свободная Пресса*. 2016. 4 мая. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/147923/>.

Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] : Президент России. 2018. 7 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425>.

Проект Тайга. Три бесхозные ядерные бомбы в тайге [Электронный ресурс] : Троицко-Печорск. 2010. 26 октября. URL: <http://www.trp.su/interesting/28/34>.

Пуряева А. Ю. Лес как общенародное достояние в России с 1917 г. – до вступления в силу Лесного кодекса РСФСР 1923 г. // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 1. С. 217–221.

Пятый национальный доклад «Сохранение биоразнообразия в Российской Федерации». М. : Мин-во природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 2015.

Резолюции ноябрьской сессии, посвященной проблеме Волго-Каспия. Л. : Изд-во АН СССР, 1934.

Ремизов А. Письмо в редакцию журнала «Наш современник». Критический анализ книг и статей Сергея Георгиевича Кара-Мурзы. 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://antisgkm.narod.ru/ecol2.htm>.

Розенберг Г. С. Волжский бассейн: на пути к устойчивому развитию. Тольятти : ИЭВБ РАН; Кассандра, 2009.

Розенберг Г. С., Краснощеков Г. П. Становление и развитие природоохранного дела (взгляд с рубежа тысячелетий) // Экология. 2000. № 3. С. 163–179.

Розенберг Г. С., Краснощеков Г. П. Все врут календари! (экологические хронологии). Тольятти : ИЭВБ РАН, 2007.

Рустэм Хамитов провел совещание по реализации нового майского Указа Президента России [Электронный ресурс] : Глава Республики Башкортостан. 2018. 14 мая. URL: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/71932.html.

Саксонов С. В. Запоздалая рецензия на книгу «Материалы по изучению природы Среднего Поволжья». Вып. 1 (1935) // Известия Самарского НЦ РАН. 2017. Т. 19. № 2. С. 191–195.

Сборник работ по проблеме реконструкции фауны Волги / под ред. В. И. Жадина. (Труды Зоологического института АН СССР. Т. 7. Вып. 1.) М.; Л. : АН СССР, 1941.

Сборник работ по проблеме реконструкции фауны Волги / под ред. А. Н. Световидова. (Труды Зоологического института АН СССР. Т. 8. Вып. 3.) М.; Л. : АН СССР, 1948. С. 409–620.

Сенатор С. А., Саксонов С. В. Генковские лесные полосы // Энциклопедия Самарской области: в 6 т. Т. 2. Г–И. Самара : СамЛюксПринт, 2010. С. 21–22.

Стратегия и План действий по сохранению биологического разнообразия Российской Федерации. М. : Мин-во природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 2014.

Тишков А. А. Охраняемые природные территории и формирование каркаса устойчивости // Оценка качества окружающей среды и экологическое картографирование. Невель : ИГ РАН, 1995. С. 94–107.

Тишков А. А. Заповедное дело в России: сто лет спустя после создания Постоянной Природоохранительной комиссии Императорского Русского Географического Общества // Столетие Постоянной Природоохранительной комиссии ИРГО. Юбилейная книга-альманах / авт.-сост. А. А. Чибилев, А. А. Тишков. М. : Русское географическое общество, 2012. С. 21–28.

Турусов В. И., Лепехин А. А., Чеканышкин А. С. Опыт лесной мелиорации степных ландшафтов (к 125-летию «Особой экспедиции...» В. В. Докучаева). Воронеж : Истоки, 2017.

Фортунов Б. К. О генеральном плане реконструкции фауны // Труды Всесоюзного съезда по охране природы. М. : ВООП, 1935. С. 318–338.

Хавроньин А. В. Водораздельные (генковские) лесные полосы в степном Заволжье // «Зеленая книга» Поволжья: Охраняемые природные территории Самарской области. Самара : Кн. изд-во, 1995. С. 38–39.

Цветков Б. Н. Идеи ленинского декрета «О лесах» и некоторые теоретические вопросы совершенствования советского лесного законодательства // Правоведение. 1969. № 3. С. 13–19.

Чаплыгин А. В. Волгострой. Самара : Гос. изд-во, Средне-волжское краевое отделение, 1930.

Чаплыгин А. В. Грандиозное сооружение эпохи социализма. Гидроэнергетический узел на Самарской Луке. Куйбышев : Куйб. изд-во, 1937.

Чибилев А. А. Экологические уроки целины // География. 2004. № 10. С. 4–6.

Чибилев А. А., Левыкин С. В., Семенов Е. А. Итоги и уроки целины // Вопросы степеведения. Т. 5. Оренбург : УрО РАН; Ин-т степи УрО РАН, 2005. С. 7–11.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2018.

Шро О. И. Демократия (размышления дилетанта) [Электронный ресурс] : Самиздат. 2011. URL: http://samlib.ru/s/shro_o_i/dilettantedemocrasy.shtml.

Штильмарк Ф. Р. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты) // Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности. М., 1981. С. 60–76.

Штильмарк Ф. Р. Историография российских заповедников (1895–1995). М. : Логос, 1996.

Яншин А. Л., Мелуа А. И. Уроки экологических просчетов. М. : Мысль, 1991.

РЕЦЕНЗИИ

ПО ТУ СТОРОНУ ГЛОБАЛЬНОГО БЕСПОРЯДКА *

Глинчикова А. Г., Веретевская А. В. **

A World beyond Global Disorder: The Courage to Hope / Ed. by Fred Dallmayr and Edward Demenchonok. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. 316 pp.

Авторы анализируют сборник статей известных ученых из разных стран, рассуждающих об актуальных проблемах и перспективах развития глобального мира. Они отмечают, что книга являет собою развернутый манифест сопротивления гегемонистскому глобализму и аккумулирует солидарные духовные усилия людей в отстаивании свободы и достойных условий жизни.

Ключевые слова: глобальные проблемы, глобальный беспорядок, экономический кризис, цивилизация, диалог.

The authors analyze a collection of articles by well-known scientists from different countries, discussing the current problems and prospects of the global world. They note that the book is a detailed Manifesto of resistance to hegemonic globalism and accumulates joint spiritual efforts of people in defending freedom and decent living conditions.

Keywords: global problems, global disorder, economic crisis, civilization, dialogue.

К определению преобладающего ныне состояния общественного сознания более всего подходит экзистенциал «тревоги», что под стать положению дел в мире, характеризуемому как кризис – экономический, экологический и даже антропологический. Это отчасти перекликается с временем холодной войны и ядерной угрозы; однако тогда подъем антивоенных движений, глобального сознания, разум и добрая воля позволили мирно покончить с конфронтацией. Девяностые

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00644 «Гражданский и религиозный типы общности в современном политическом процессе».

** Глинчикова Алла Григорьевна – д. п. н., профессор кафедры политологии ИИиП МПГУ. E-mail: alla.glinchikova@gmail.com.

Веретевская Анна Вячеславовна – к. п. н., старший преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. E-mail: anna.veretevskaya@gmail.com.

годы были временем надежд и возможностей «перековать мечи на орала» (Ис. 2:4), демократизации обществ и международных отношений в многополярном мире, объединения граждански ориентированных сил разных стран для формирования глобального гражданского общества и решения насущных мировых проблем. Кабы на цветы да не морозы. Возможности мирного развития оказались торпедированы гегемонистскими амбициями. Идеологи неоконсервативной революции интерпретировали мир как «победу Запада», а так называемая доктрина Буша (2002 г.) декларировала военное превосходство США и политику превентивной войны в однополярном мире. Это сопровождалось милитаризацией (военный бюджет США составляет 700 млрд долларов – больше, чем военные расходы всех остальных стран мира, вместе взятых), односторонним выходом в 2001 г. из Договора об ограничении систем противоракетной обороны и развертыванием глобальной системы ПРО, разрушающей ядерный паритет и стратегическое равновесие сил в мире. В этом другие страны видят угрозу. Похоже, «воля к власти» в имперском масштабе заглушила голос разума, и мир оказался заложником однополярного гегемонизма и новой гонки вооружений с апокалиптической перспективой ядерной и экологической катастрофы.

Невольно вспоминаются пророческие положения И. Канта в трактате «К вечному миру», который обозначил альтернативу мира и войны: либо вечный мир между народами, либо всеобщий кладбищенский покой. Он видел путь к прочному миру через правовое государство (республику), законосообразные международные отношения и мирный правовой союз государств в форме свободной «федерации народов». Триединый категорический императив сочетает императивы нравственности, права и мира. При этом Кант предостерегал против попыток какого-либо сильного государства к принудительному объединению других государств в деспотичную «универсальную монархию» (в сегодняшних понятиях – «глобальную империю») как угрозу свободе. Эта дилемма стала реальным выбором на современном перепутье истории. Кант осознавал напряжение между международным правом государств и универсальностью прав человека (что ныне отражено и в Хартии ООН), и решение этого видел в исторически эволюционном переходе от межгосударственной системы к космополитическому миропорядку права и мира.

В начале XXI в. мир уже познал вкус гегемонцентричного порядка: патернализм «благожелательного гегемона», сулившего стабильность и процветание в мире, оказался лишь риторикой. Имперская политика с опорой на военную силу не только не в состоянии решить социальные и глобальные проблемы, но и усугубляет их. С победой на президентских выборах в США Дональда Трампа отброшен либеральный камуфляж «политики с позиции силы» – военной и экономической. Лозунг «Америка прежде всего» означает одностороннее преследование лишь собственных интересов, игнорирует интересы других субъектов международных отношений и ставит крест на решении экологических и других мировых проблем. Неудивительно, что за своекорыстным этноцентризмом «лидера» последовали и другие государства, с «расползанием» по национальным квартирам, разгулом шовинизма и межэтнических конфликтов. Хаос, похоже, на руку

политике «разделяй и властвуй». В войне за ресурсы сильный рассчитывает выжить за счет слабых.

Глобализация в ее гегемонистском варианте не принесла ни необходимого мира и международного сотрудничества, ни более разумного использования природных ресурсов и развития творческих сил человека. Напротив, она усугубила негативные тенденции: непредсказуемость политики, экономические кризисы, неравенство и поляризацию в обществе и между странами, множасьщиеся конфликты и деградацию интеллектуальной среды. И, как следствие, – разочарование в универсальности и разумности нравственных норм, бессилие права, политизация религий и фундаментализм. Если прежде речь еще могла идти о возможном постмодерне, то теперь уже состояние, в которое, видимо, погружается наш мир, сравнивается с антимодерном и «новым варварством». Все это порождает фатализм, ощущение зависимости и бессилия человеческого разума перед стихийностью и иррациональностью социально-политических процессов, тревогу «страха и агрессии».

Перед лицом экзистенциального вызова человечеству философия должна сказать свое слово. Переживаемый ныне кризис – время для саморефлексии, глубокого осмысления ситуации в мире и поиска альтернатив, переосмысления самой философии, ее оснований и роли в построении нашего общего будущего.

И вот в **этих** условиях и в **это** время появляется книга «A World beyond Global Disorder: The Courage to Hope» («Мир по ту сторону глобального беспорядка: смелость надеяться») под редакцией Фреда Даллмайра и Эдуарда Деменчонка. Как видно уже из самого названия книги, это развернутый манифест сопротивления гегемонистскому глобализму и солидарных духовных усилий людей в отстаивании свободы и достойных условий жизни. Уже в предисловии авторы определяют главную задачу: не сдаваться перед лицом глобального хаоса и противопоставить фаталистической покорности совместный поиск альтернатив кризисным процессам в мире, альтернатив, основанных на общечеловеческих ценностях, диалоге и сотрудничестве людей как сознательных и ответственных субъектов культурно-исторического творчества.

Анализируя современную ситуацию в мире, книга отвечает двуединой задаче критики «глобального хаоса» и поиска путей его преодоления. Авторы не преуменьшают серьезной опасности, грозящей человечеству перед лицом обострения глобальных проблем, включая изменения климата, экономические кризисы, эрозию международных отношений, милитаризацию геополитики и распространение структурного и культурного насилия. Этому авторы книги противопоставляют голос разума, трезво-научный анализ проблем и путей их потенциального решения, поиск позитивных альтернатив, которые дают основание для реальных надежд на возможность выхода из глобального кризиса.

Книга состоит из трех тематических разделов, рассматривающих возникновение новых форм гегемонии; стратегии противодействия глобальному беспорядку; ценностные ресурсы для глобального обновления. Главы написаны видными философами из разных стран: России (Мариэтта Степанянц и Эдуард Деменчонко), Аргентины (Уолтер Мигноло), Бразилии (Беатрис Биссио), Индии (Акиль Бильграми и Ашис Нанди), Ирана (Абдолкарим Соруш), Италии (Даниэле Арчибуги,

Фабио Петито и Паола Бернардини), Китая (Ту Веймин и Ни Пеймин) и США (Фред Даллмайр, Ричард Фалк, Ибрагим Мооса и Синтия МакКинни).

Первая часть книги «Геополитическая гегемония и деколонизальность» посвящена проблемам возникновения новых форм гегемонии и новых форм противостояний в условиях постколониального мира. Ее открывает глава Ричарда Фалка (Richard Falk) «Новые геополитические реалии для XXI века», которая противопоставляет старой Вестфальской международной системе нарождающуюся новую геополитическую парадигму, ориентированную на «справедливость, самоопределение и этическое и экологическое сознание» (с. 22). Старая система не сдаст свои позиции без борьбы. Фалк понимает, что альтернативный мировой порядок не наступит сам собой, и призывает все прогрессивные движения объединить усилия для его реализации.

В главе Акеля Билграми (Akeel Bilgrami) «Мировой порядок, ислам и Запад» речь идет об опасных последствиях экстраполяции западной геополитической системы на весь остальной мир как инструмента господства. В сопротивлении гегемонии Запада исламские страны в условиях постколониализма не могут полагаться только на диалог, коль скоро это не будет «диалогом равных». Однако и в насилии автор также не видит альтернативы. Речь должна идти об активных ненасильственных действиях в духе Ганди – «сила, рожденная из любви и справедливости».

Эту же тему постколониального конфликта продолжает в своей главе Уолтер Мигноло (Walter Dignolo) «Деколонизальность после деколонизации; девестернизация после холодной войны». Он рассматривает западную модернность как социокультурную и социополитическую парадигму, для которой характерна «колониальная матрица власти», пронизывающая не только политику, но и все остальные сферы социальной жизни, включая экономическую, религиозную, этническую и культурную. Колониализм рассматривается как целостная когнитивно-эпистемологическая парадигма, базирующаяся на определенном типе субъективизма, связанного с «волей к власти». Поэтому для освобождения важна не просто политическая или экономическая деколонизация, а смена культурной парадигмы – «девестернизация». Подобная альтернативная парадигма, отталкиваясь от «теории зависимости» и «теологии освобождения», должна быть дополнена борьбой за альтернативные формы знания, новый характер коммуникации и новые типы дискурса, открывая новые возможности и «плюриверсальные горизонты» мировой жизни (с. 57).

Даниэле Арчибуги (Daniele Archibugi) в главе «Целевые убийства посредством беспилотников» рассматривает практику использования дронов в военных целях для уничтожения политических противников как одно из наиболее шокирующих свидетельств деградации глобального порядка и его дегуманизации. Это триумф технологии над человечеством и проявление воли к власти: «...мы убиваем, потому что можем» (с. 64). Он считает это военными преступлениями и предлагает учредить специальные суды общественного мнения, чтобы запретить убийства посредством дронов.

Эту же тему развивает в главе «По ту сторону брутализации» Ашис Нанди (Ashis Nandi). Он отмечает, что модернность породила не только достижения науки, но и опасный феномен бесчеловечного, «беспристрастного, научного, кон-

веерно-рационализированного насилия» (с. 67). Автор обращает внимание на психологические аспекты глобального беспорядка, выливающиеся в геноцид, этнические чистки, уход в наркотическую зависимость, маниакальную жестокость, подпитываемую тоталитарными идеологиями. Он пишет о психологическом удовольствии, испытываемом от ковровых бомбардировок, об «оргии насилия» в средствах массовой информации. Все это свидетельствует о скатывании к «дегуманизации» и «децивилизации». Нанди видит альтернативу в появлении новых «глобальных героев ненасилия» – наследников Махатмы Ганди, Нельсона Манделы, Далай-ламы, Аун Сан Су Чжи как примеров для противодействия дегуманизации (с. 74).

Вторая часть книги «Стратегии противодействия глобальному беспорядку» посвящена движениям, связанным с попытками противостояния гегемонистской глобализации, и поискам альтернативы. В главе «Размышления о многополярности, регионализме и мире» Фабио Петито (Fabio Petito), в противовес идее С. Хантингтона о схватке цивилизаций, развивает концепцию «диалога цивилизаций». Он выступает с инициативой формирования «многополярной системы межцивилизационного диалога» вдоль линий «цивилизационных разломов» (с. 79). Автор предлагает идти по пути «межкультурного и диалогически конституируемого процесса региональной интеграции», направленного на формирование глобальной цивилизационной парадигмы и «телоса мира». В своей модели он стремится соединить многообразие и многомерность цивилизационного ландшафта современного мира, но придать диалогу культур более инклюзивный характер. Таким образом, его альтернативная модель принимает многополярность как пространственную/геополитическую реальность, но отвергает «культурные барьеры», препятствующие диалогу (с. 86).

Сходные темы развивает в своей главе «Дух Бандунга как альтернатива современному хаосу» Беатрис Биссио (Beatriz Bissio). Она видит истоки недугов мировой системы во вторжениях США в Афганистан, Ирак, Ливию и Сирию. Биссио предлагает продолжать и развивать те стратегии сопротивления, которые были предложены в рамках Движения неприсоединения на конференции в Бандунге в 1955 г., отстаивавшего принципы территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела других государств. Она связывает альтернативу однополярному гегемонизму с возрастающей ролью стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) (с. 98).

Возможная альтернатива глобальному беспорядку возникает в Азии в виде проектов «Шелкового пути». Ни Пеймин (Ni Peimin) рассматривает эти проекты в главе «Мировой порядок Шелкового пути: его философия и влияние». Он видит в этом контуры альтернативного геополитического сценария, связанного не с вертикальным, а с горизонтальным типом организации власти. В его основе лежит традиция конфуцианской этики и антропокосмического подхода на принципах «взаимовыгодного сотрудничества и сообщества совместного будущего для человечества» (с. 114).

Однако важно не только противостоять глобальному беспорядку, но и попытаться изменить отношение к нему людей согласно этическим нормам. Синтия МакКинни (Cynthia McKinney) в главе «Убунту: по ту сторону внутривнутриполитического и глобального беспорядка» призывает искать альтернативу в идеях и прак-

тиках стран «второго и третьего мира», особенно в традициях *ujamaa* или *ubuntu*, что означает «братство и солидарность между всеми людьми» (с. 107).

В завершающей главе второй части российский философ Мариэтта Степанянц (Marietta Stepanyants) обращает внимание на важность изменений в сферах среднего и начального образования. Она рассматривает опыт Российской Федерации, где в условиях многокультурного и полиэтничного общества в школах стали возникать конфликты, подоплекой которых являются межрелигиозные и межэтнические различия. Неприязнь по поводу идентичности обычно действует на подсознательном и чисто эмоциональном уровне, без какого-либо реального понимания существующих различий и их причин. Более того, в демократической обстановке возникает проблема согласования групповых идентичностей с общей национальной идентичностью. М. Степанянц предлагает внедрять межкультурное образование для молодежи и в России, и в других странах для более дружественных отношений между детьми и для развития межкультурного диалога на глобальном уровне. Сама Степанянц является пионером в этой области: под эгидой ЮНЕСКО и Всемирного общественного форума «Диалог цивилизаций» она разработала модельный учебный план, который может служить образцом глобального межкультурного образования (с. 121–122).

Третья часть книги «Религиозные и этические ресурсы для глобального обновления» обращается к мировым религиям и философским традициям как источнику вдохновения для гуманизации мира. С точки зрения авторов глав, мир будущего может отличаться от современного состояния однополярности и гегемонии. Представления об альтернативной политической организации мира содержатся в целом ряде религиозных и этических концепций, которые и рассматриваются в главах раздела.

В главе Фреда Даллмайра (Fred Dallmayr) «Глашатай радостных вестей: папа Франциск как учитель глобальной политики» представлен анализ позиции главы католической церкви папы Франциска по поводу состояния современного мира и принципов международного взаимодействия. В своей речи, произнесенной в сентябре 2014 г. по случаю посещения мест захоронения воинов, погибших во время Первой мировой войны в Италии, понтифик выразил скорбь по погибшим и осудил войны. Понтифик решительно осуждает кризисы и «болезни» современного мира: растущую нетерпимость между странами и между вероучениями; экономическое неравенство; идолопоклонство «богу денег»; распространение потребительской культуры и прославление насилия, что превращает весь мир в поле битвы. Он призывает к радикальному духовному преображению, или «метанойе» (с. 128). Противопоставить этому «идолу» личного обогащения папа вслед за апостолами Марком и Павлом предлагает «всемирное братство, справедливость, мир и достоинство» (с. 139). Подлинная христианская вера может служить опорой в противостоянии глобальному хаосу. Эти идеи рассматриваются в качестве необходимой основы для подлинного социального и политического обновления.

В главе «Обретение мира в аутентичной религии» Паола Бернардینی (Paola Bernardini) также касается этой темы. Для различения «подлинной» (аутентичной) и «неподлинной» религии она предлагает четыре критерия: философский, этимологический, этический и герменевтический. На философском уровне религиозная вера может быть названа подлинной в той мере, в которой она отвечает на вопрос

о конечном смысле жизни. На этическом уровне бог и доброта практически созвучны и религиозное поведение означает «золотое правило». Подлинная религия не может быть основана на насилии и несправедливости и обязательно несет в себе позитивные идеи мира и справедливости (с. 148).

Подтверждением этой идеи служат последующие главы, посвященные проблематике ислама в политике, которые показывают, что ассоциируемые с исламом негативные моменты (в частности, терроризм) на самом деле не являются его следствием, а сам он представляется потенциально ценным источником идей о лучшем миропорядке (с. 158, 174). Автор главы «Время менять образ мыслей», иранский философ Абдолкарим Соруш (Abdolkarim Soroush), полагает, что сам ислам является главным средством против исламского экстремизма, следуя этике и доброте (с. 158). Конфликт возникает в ответ на несправедливость и оскорбление чувств верующих (например, карикатуры на пророка Мухаммеда). Автор имеет в виду не отказ от свободы слова как принципа, а добровольное (не законодательное, но морально-этическое) ее самоограничение. Свобода слова – «право, но не обязанность», – справедливо отмечает он (с. 151). Использование этого права не должно нарушать этические нормы. Все люди должны терпимо относиться к критике и сочетать веру с рациональным пониманием (с. 152–153). Вопрос о связи между верой и этическими нормами поведения далее рассматривается исламским ученым Ибрагимом Мооса (Ebrahim Moosa) в главе «Мусульманская этика в эпоху глобализма: примирение во времена империи». Для автора лекарством от глобального беспорядка является глобальная справедливость, которая включает равномерное распределение мировых ресурсов в свободной от гегемонизма форме. Необходим этос «космополитического сосуществования» и уважения к «другому». Авраамическим религиям требуется новый диалог как путь к согласию и примирению (с. 171–172).

Ту Веймин (Tu Weiming) в главе «Духовный гуманизм: нарождающийся глобальный дискурс» рассматривает актуальность конфуцианской традиции для противостояния глобальному беспорядку. Он отмечает вклад этой традиции в развитие концепции «духовного гуманизма», способного соединить и обновить лучшие этические учения прошлого и настоящего на межкультурном уровне (с. 182). Подобный гуманизм поможет преодолеть ограниченность западного «проекта Просвещения» с его гиперрационализмом, материализмом, утилитаризмом, агрессивным антропоцентризмом, потребительским индивидуализмом и секулярным национализмом. В противовес всему этому «духовный гуманизм» представляет собой единство «божественного и человеческого», уважение к возвышенным началам жизни, бережное отношение к природе, практику взаимности, проявляющуюся в разных формах Золотого правила нравственности. Ту ставит вопрос о развитии экуменического и космополитического духа как предпосылки для формирования «глобальной культуры мира» (р. 178).

В заключительной главе «Мир в переходный период: от гегемонистского беспорядка к космополитическому миропорядку» Эдуард Деменчонок (Edward Demenchonok) рассматривает несостоятельность однополярного гегемонистского беспорядка и появление новой многоцентричной парадигмы. При этом подчеркивается, что «идеальной альтернативой был бы не переход гегемонии от одной державы к другой, а активное стремление к миру, свободному от всякого гегемо-

нистского господства» (с. 187). В главе обосновывается, по сути, программное положение о том, что непосредственной задачей движения к постгегемонизму является установление подлинно равноправных отношений между независимыми государствами на основе международного права и реформированных институтов (свободных от гегемонистского диктата). На этой основе возможно свободное и взаимовыгодное сотрудничество стран в решении социально-экономических и глобальных проблем. Это позволило бы странам добровольно трансформировать свои отношения в направлении плюралистичного космополитического мироустройства, сочетающего единство в многообразии. Автор анализирует космополитические идеи Х. Арендт, С. Бенхабиб, Ю. Хабермаса, Ж. Деррида, Д. Ингрэма, Р. Марчетти и других философов. Он характеризует «новый космополитизм» как укорененный в культурных традициях, рефлексивный, критический, демократический, диалогичный и трансформативный (с. 255–258). Условием «грядущего космополитизма» является самотрансформация в умах и сердцах людей, духовное преображение. Обобщая идеи книги, Деменчонок показывает, что мир в настоящее время балансирует между безнадежностью и надеждой, между устаревшим гегемонистским беспорядком и признаками открывающегося космополитического горизонта. «Поскольку мы не можем быть нейтральными в этой борьбе, наша задача – здраво и отважно участвовать в осуществлении надежды на лучшее будущее нашего мира» (с. 14).

Что можно сказать в целом? Очень важно, что издание получилось достойным заявленной темы, что в рамках этой книги состоялся столь насыщенный для переживаемого нами момента диалог прогрессивно мыслящих представителей разных культур. Это – пример столь редко встречающегося сегодня именно предметного обсуждения проблем, важных в равной степени для всех участников, когда вопросы, поставленные одними с позиций своей культуры, подхватываются и развиваются другими.

Второе важное достоинство этой книги – ее тема. Невозможно переоценить заслугу Фреда Даллмайра и Эдуарда Деменчонка в концептуализации замысла и организации этого коллективного труда как примера подлинного диалога видных философов разных стран, объединенных стремлением найти решение социальных и глобальных проблем, которые касаются нашего общего будущего, под углом зрения обосновываемой ими **альтернативы** гегемонистскому глобальному беспорядку. Космополитический идеал плюралистичного и справедливого миропорядка обретает контуры политического проекта.

И, наконец, третье и, на наш взгляд, самое главное – это широкий спектр поставленных проблем и гуманистическая позиция авторов. Практически все авторы – в противовес известному утверждению С. Хантингтона о неизбежности межцивилизационных конфликтов и невозможности сформировать более широкий круг общности за пределами цивилизационных различий – говорят не просто о возможности, а именно о насущной необходимости формирования глобальной общечеловеческой культурной общности путем соразвития и сближения тех разнообразных форм, которые приняло золотое правило нравственности во всем многообразии современных религий, традиций, духовных и социальных практик.

Достоинства книги были отмечены в декабре 2017 г. избранием ее «книгой месяца» Кембриджского научного издательства. Она удостоилась похвальных

отзывов Ноама Чомского, Уильяма Л. МакБрайда, Джозефа Прабху, Дэвида Б. Инграма и ряда других философов.

В качестве пожелания хотелось бы сказать следующее: на наш взгляд – это книга-манифест, книга-заявка, книга – призыв к совместной разработке межкультурной и межцивилизационной концепции альтернативного миропорядка. Важно, чтобы эта программная работа получила продолжение. Проблемы сформулированы, задачи поставлены, а дальше предстоит выяснить, кто будет политическим субъектом решения этих проблем, а кто мешает преодолению глобального беспорядка, и как практически начать выполнять завет Л. Н. Толстого из «Войны и мира», заключающийся в том, что «ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто».

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Askar A. Akaev, Andrey V. Korotayev. On the started upward phase of the 6th Kondratieff wave and the problems of global sustainable growth (pp. 3–17).

Leonid E. Grinin. Islamizm and globalization (pp. 18–34).

Valentina M. Bondarenko, Ivan A. Aleshkovski, and Ilya V. Ilyin. Global values in the context of the future of Russia and the world (pp. 35–46).

Processes of Globalization

Nikolay N. Kozhevnikov, Vera S. Danilova. Harmonization of globalization based on the limited dynamic and network equilibria (pp. 47–54).

Vladimir A. Goliney. The pole as an element of the international relations system in the 21st century (pp. 55–67).

Aza D. Ioseliani. Global ecology and ecological security: a philosophical reconsideration (pp. 68–74).

Nature, Society, and Humans

Tair M. Makhamatov, Saida T. Makhamatova. The harmony with nature as a basis for the societal freedom (pp. 75–81).

Olga O. Fedyeva. The 9/11 events as a bifurcation point for the American foreign policy (pp. 82–86).

Manija Z. Bakhromzoda. The problems of regulation of situation in Afghanistan (pp. 87–95).

Russia in the Global World

Anastasia V. Mitrofanova. The moral and spiritual values as a civil religion of modern Russia (pp. 96–111).

Gennady S. Rozenberg, Sergey V. Saksonov, and Stepan A. Senator. Global and regional aspects of transformation of nature in Russia: the environmental experts' opinion (pp. 112–133).

Reviews

Alla G. Glinchikova, Anna V. Veretevskeya. On the other side of the global disorder (pp. 134–142).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2a/Bek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 1(29), 2019. – 144 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Технический редактор *К. Р. Ташиланова*
Корректор *Н. В. Самсонова*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

Е-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 12.02.2019. Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,61.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»

Полиграфкомбинат «Офсет»

400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10